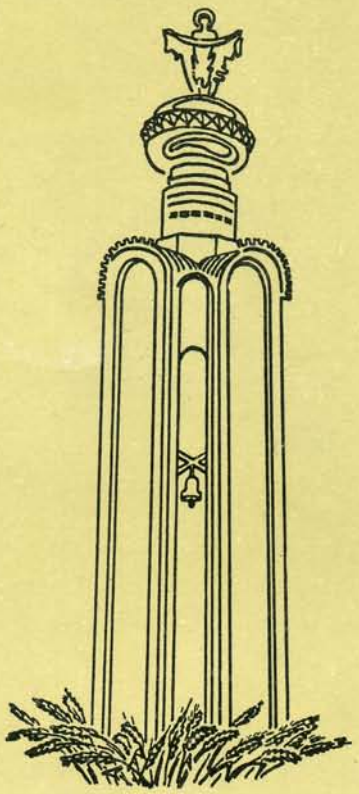
ЗВОННИЦА

БЕЛГОРОДСКИЙ
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

1

Дорогие читатели!

У вас в руках — первый в Белгородской области литературно-художественный и общественно-политический журнал.

Мы надеемся, что через него найдет выход основной потенциал интеллектуально-творческих сил нашего края, практически не имеющий до сих пор возможности обратиться к своему народу при таком натиске всей той непотребы, что обрушилась на бедные наши головы с экранов, из динамиков, с газетных листков духовного перебежничества, культивирующих на здоровой национальной почве насилие, жестокость, разврат, прививающих самые низменные, похотливые инстинкты так называемой масс-культуры, превращающей нас в нищих духом.

Задача журнала состоит в том, чтобы сбросить иудину маску "нового мирового порядка" забугорных сатанистов-наставников и встать запрудой на пути мутного потока разбойных "общечеловеческих ценностей", которые набрасывают нам петлей на шею сионо-фашиствующие радетели под благовидной маской окультуривания нас, сермяжных аборигенов, обитающих, якобы, на обочине мировой истории, а по сути — превращают мой народ в быдло, рабочую скотинку по обслуживанию господ интернационального кагала. Мы ставим своей целью прививать соотечественникам чувство этнического родства, высочайшее чувство национального достоинства и гордости, чувство долга перед ближним, сознательной потребности в служении Великой Родине. Физическая, и на этой базе — духовная цель жизни человека состоит в том, чтобы дать потомство. Журнал всемерно будет содействовать духовному росту каждого гражданина государства, укреплению семьи, воспитанию подрастающего поколения в исконно-народных традициях, отводя молодой женщине-матери самое почетное место в обществе.

Такой печатный орган крайне необходим сейчас, в смутное время перестроечно-реформной одури, охватившей структуры осатаневшей власти, необходим в каждом учебном заведении, в каждом трудовом коллективе, в каждом доме, если мы намерены процветать, а не влачить жалкое существование рабов. Но в первую очередь журнал должен дойти до каждого ученика, до каждого учителя школы, до каждого преподавателя средних и высших учебных заведений, до каждого студента. Вместо разрушительного оболванивания должно наступить созидательное просветление умов, созреть государственное сознание — и в этом благородном, патриотически-подвижническом стремлении "ЗВОННИЦА" кличет каждого на борьбу со злом, так нагло ступившим на святую нашу землю русскую!

Владислав Шаповалов

УЧРЕДИТЕЛИ:

Белгородская региональная
общественная организация
“РАДУНИЦА”
(Есенинское общество)

ЧП Издательский дом “Шаповалов”

ЗВОННИЦА

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛГОРОДЧИНЫ

1

Главный редактор:
Владислав ШАПОВАЛОВ

Редакционная коллегия:

В.П.БАБИНЦЕВ
И.И.ВЕРЕТЕННИКОВ
В.Н.ВОЛОБУЕВ
(ответственный секретарь)
Д.А.МАМАТОВ
П.И.САВИН
А.П.ФИРОНОВ

© “Звонница”, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Николай ГРИЩЕНКО	Три поля славы	3
Сергей АНОХИН	Стихи	10
Жанна БОНДАРЕНКО	Стихи	13
Виктор БУДАКОВ	Стихи	15
Виктор НАБОКОВ	Крещение. *Рассказ*	17
Ольга ДОЛИНА	Стихи	23
Татьяна ДУБИНИНА	Стихи	25
Виктория КАН	Падение в небеса. *Стихи*	27
Николай МАНТРОВ	Мать Ариадны. *Рассказ*	31
Алексей КРИВЦОВ	Стихи	37
Леонид КУЗУБОВ	Стихи	39
Виктор ЛЕБЕДЕВ	Стихи	41
Александр ТАРАСОВ	Колеса штатовские. *Рассказ*	43
Дмитрий МАМАТОВ	Стихи	46
Ирина МИРОНЕНКО	Стихи	51
Татьяна РЫЖОВА	Стихи	54
Станислав ТАРАСОВ	Письмо про американских негров	56
Павел САВИН	Стихи	59
Геннадий УРАКОВ	Стихи	61
Евгений ДУБРАВНЫЙ	Вас помнящий всегда... *Пьеса*	63
Валерий ЧЕРКЕСОВ	Стихи	72
Анатолий ФОРОВ	Стихи	75
Галина ХОДЫРЕВА	Стихи	77
Владислав ШАПОВАЛОВ	Грезы. *Роман*	79
Вера РЕШЕТНИКОВА	Стихи	103
Владимир БРАГИН	Рассказы	105
Юрий МАКАРОВ	Стихи	107
Федор ОВЧАРОВ	Песни моей стороны	109
Владимир ЛАТЫШЕВ	Дружеские шаржи	112

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА

Галина БЛАГАСОВА	"Я очень люблю детей..."	115
Галина СЛЕЗКИНА	Горькое вино Победы	123
Александр ФИРОНОВ	Книга гнева и скорби	127
Владислав ШАПОВАЛОВ	Слово о поэте	131
Виталий ЩЕРБАЧЕНКО	О роде Гумилева	134
Виктор БУДАКОВ	Провинция, земля моя родная	137
Иван ВЕРЕТЕННИКОВ	Культура — не товар	142
Анатолий СОРОКИН	Почему русскоязычные бегут из Казахстана?!	148
Александр СТОВПЕЦ	В сердце моем едины...	155
Виктор КОЗЛОВ	Злоключения в деле строительства социализма	159
Архивные материалы	Казачьи хоры за границей	167
	Участь семьи Достоевского	168
Валентин БАБИНЦЕВ	Москва и Иерусалим	169
Иван ИЛЬИН	Что сулит миру расчленение России	186
По материалам прессы	О чем пишут газеты и журналы	189
Борис МИРОНОВ	Нация и государство	195
Хроника	Культурная жизнь области	198

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Зарегистрирован в Центрально-Черноземном региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о средствах массовой информации. Свидетельство № В 1411.

Адрес редакции: 308033, Россия, Белгород, ул.Губкина, д.20, к.13. Тел. (0722) 25-86-06.

Формат 70 x 108 1/16. Усл.печ. л. 19,6. Тираж 2000. Подписано в печать 22.08.97.

НИКОЛАЙ ГРИЩЕНКО

Николай Николаевич Грищенко родился 11 декабря 1949 года в селе Орехово Валуйского района Белгородской области в крестьянской семье. Крестьяне и воины — вот его родословная. Окончил военное училище связи, служил в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, в Чехословакии, в Группе советских войск в Германии.

Выпускник литературного института им.Горького Союза писателей СССР (Москва).

Стихи печатались в журналах "Молодая гвардия", "Неман", "Подъем", в различных поэтических сборниках, издававшихся в Белгороде, Воронеже и Москве, некоторые из них вошли в "Антологию современной литературы Белгородчины".

В 1991 году в Белгороде вышла книга стихотворений "Опять звонят колокола".

ТРИ ПОЛЯ РУССКОЙ СЛАВЫ

21 сентября 1995 года, в день большого христианского праздника — Рождества Пресвятой Богородицы, который отмечается Православной Церковью как всемирный день радости, в Прохоровке, в Музее танкового сражения, собралась группа из 36 человек с намерением посетить три поля русской славы: Прохоровское, Бородинское и Куликовское.

Инициатором этой поездки стало управление культуры администрации Белгородской области во главе с его руководителем Кулабуховым А.В. В состав группы вошли: заведующие отделами культуры городов и районов области, руководители областных учреждений культуры, писатели и журналисты.

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ. С утра день выдался прохладным и туманным, но когда "Икарус" подошел к храму святых апостолов Петра и Павла, над его золоченым куполом ярко засияло теплое солнце "бабьего" лета. Накануне всю неделю было пасмурно, а теперь сентябрьское солнце сияло светло и ласково.

Внутри храма шло богослужение. Прихожане стояли у алтаря, внимая распевным словам праздничной проповеди, которые произносил молодой священник. На стенах золотом отливали имена воинов, павших в танковом сражении на Огненной дуге. Здесь их более шести тысяч, это те, что известны. А

сколько их, безымянных солдат, осталось в тот жаркий день на поле боя, известно только одному Богу, ибо сосчитать их тогда не было ни сил, ни времени. Прохоровское поле, пожалуй, самая большая братская могила Второй мировой войны.

Ставим свечи за упокой душ павших и умерших от ран, слушаем слова проповеди. Солнечные лучи, проходя сквозь чистые стекла окон у купола, высвечивают выбитые золотом на белых мраморных плитах имена, и сияние этих имен наполняет белокаменный храм и души присутствующих золотым свечением.

Сражение под Прохоровкой закончилось поражением немецко-фашистских войск, потерявших только 12 июля до 400 танков. Танковые дивизии противника, составлявшие основу его ударной группировки, были окончательно лишены возможности в дальнейшем наносить массированные удары. Нашим "тридцатьчетверкам" противостояли такие тяжелые танки, как "тигр" и "пантера". Вес танка "тигр" вдвое превышал вес "тридцатьчетверки".

15 июля 1943 года наступил полный провал операции "Цитадель", на осуществление которой враг бросил около 900 тысяч солдат и офицеров, до 10 тысяч орудий и минометов, почти 2700 танков и свыше двух тысяч самолетов.

Перед поездкой по полям ратной славы у Звонницы на Прохоровском поле был небольшой митинг. Затем все участники молча постояли перед сияющей сусальным золотом фигурой Богоматери, которая величественно возвышается над шаром, выполненном в форме "Державы". Своим покровом Богоматерь как бы укрывает огромное поле и всех павших за правое дело и оставшихся в нем навеки. Щедрое солнце ярко заливает Памятник своими лучами, которые, отражаясь от позолоты и белых плит Звонницы, излучают над полем тихое и скорбное сияние.

Образ Богородицы над полем ратной славы в Прохоровке — это древний символ покровительницы нашей Державы. Вспомним иконы Владимирской и Казанской Божьей Матери, которым поклонялись наши предки перед решающими битвами за честь и независимость Родины. Богоматерь издавна считается и покровительницей белгородцев. 700 лет назад была найдена чудотворная икона — Курская коренная — Знамение Божьей матери, которой долгие годы поклонялись наши прадеды. Особенным почитателем ее был святитель Иоасаф Белгородский. А в 1675 году царь Алексей Михайлович пожаловал Большому Белгородскому полку Знамя, на котором в центре по тафте брусничного цвета изображен образ Пресвятой Богородицы на престоле с превечным младенцем. Окрест написаны были небесные силы по тафте брусничного цвета и воевода их — Архистратиг Михаил. Под этим Знаменем воины-белгородцы одержали немало блистательных побед. Только за успешные боевые действия в 90 годы 17 века Большой Белгородский полк 12 раз удостаивался благодарственного слова Петра I.

И вот образ Богоматери снова освящает своим покровом третье ратное поле России — Прохоровское, как бы укрывая всех нас от бед и напастей и благословляя в дальнюю поездку по полям русской славы.

По словам очевидцев Прохоровского сражения, лица наших павших солдат были обращены к небу, убитые немцы лежали ничком — лицом к земле, а у немецких танков в тот день одновременно, на несколько секунд, заглохли моторы...

Взметнулись танки
в мертвой схватке,
Металл поднялся
на металл...
А где-то плакали солдатки,
И голос матерей
витал...
За сыновей своих
российских
Они молились
в этот день...
И на полях

курганных скифских
Легла
божественная тень...
И танки стали,
танки стали
Всего лишь
на какой-то миг,
А наши шли,
сверкая сталью,
Благословленные твоим
Покровом светлым,
Богоматерь,
По нашей горестной земле...
И в душах зрело
не проклятие,
А вера светлая
к Тебе...
И, осененные покровом,
Они стояли насмерть там,
Где было высказано слово,
Остановившее металл...
И эти бурные громады
Из "Фердинандов" и "Пантер",
И "Тигров" не были
преградой
Ни нашим танкам,
ни Тебе...
Благословляя за Отчизну
На бой идущих сыновей,
Ты принимала
павших жизни
В святое воинство к себе...
И Архистратиг
сил небесных
Сурово строил их
в ряды,
Чтоб души,
в мире том воскресших,
Стояли
у святых твердынь...

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ. Всю дорогу от Тулы до Можайска лил дождь, но, когда утром следующего дня мы прибыли на Бородинское поле, что в 124 км западнее Москвы, над ним снова сияло яркое солнце "бабьего" лета. Выходим у памятника М.Кутузову, на вершине которого бронзовый орел распростер свои огромные темные крылья, держа в когтях золотой венец славы. В древних религиях Европы Орел — это птица громовержца: у римлян — Юпитера, у греков — Зевса, у славян — Перуна Сварожича. Согласно "Велесовой книге", сам "бог битв и борьбы", дух-народоводитель, дух государственности Руси являлся в образе Орла во время решающих сражений и вел войска русов.

Предание гласит, что, увидев взвившегося над станом русских воинов брановосного царя птиц, Михаил Илларионович снял шляпу и — после того как по рядам российской армии прокатилось единодушное "ура!" — сказал:

— Дети! Орел предсказывает нам победу! Где россы подобно древним римлянам идут на бой, там нельзя не парить орлам над ними!

От памятника Кутузову открывается панорама легендарного поля, в центре которого возвышается главный монумент с золотым крестом и оголовьем в виде булавы. Обыкновенные подмосковные поля, поросшие небольшими лесами, обыкновенная русская земля, но эта земля святая. Здесь 26 августа (7 сентября) 1812 года произошло сражение, равного которому в то время не знала история мировых войн. Более четверти миллиона солдат встретились в бородинском сражении, пятнадцать часов продолжалась битва, в которой русская армия под командованием М.И.Кутузова одержала победу над армией Наполеона.

На Бородинском поле еще сохранились оборонительные сооружения периода 1812 года. Затаив дыхание, поднимаемся на Шевардинский редут, возле которого произошла одна из решающих схваток сражения, осматриваем Багратионовы флеши — все это святые места легендарного поля. Рядом возвышается Владимирский собор Спасо-Бородинского монастыря, величественные купола которого издалека видны всем приезжающим на Бородинское поле. Архитектурный ансамбль монастыря построен в память павших на поле сражения русских воинов в 1830-1870 г.г. На территории монастыря в церкви Иоанна Предтечи расположен выставочный зал Музея, а рядом с монастырем, в старинном здании, размещена экспозиция "Лев Толстой и Бородинское сражение".

В 1961 году Бородинское поле было объявлено Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником. В музее созданы

экспозиции: "Бородинское сражение в Отечественной войне 1812 года", "Бородино в годы Великой Отечественной войны", "Смоленский тракт в 1812 году" и др.

Находящиеся в витринах Бородинского музея подлинные мундиры и вооружение солдат и офицеров армии Кутузова помогают представить, как выглядели русские воины — участники битвы.

В экспозиции подробно рассказывается о подготовке армий к генеральному сражению, имеются оружие французской армии, донесения, рапорты, архивные документы, портреты французских полководцев, батальная живопись.

В залах показаны наиболее яростные, решающие моменты сражения: атаки французов на Багратионовы флеши, батарею Раевского, рейд русской конницы в тыл наполеоновских войск. Прекрасная коллекция портретов героев битвы позволяет увидеть лица защитников Отечества, чьи имена хорошо знакомы каждому посетителю еще по школьным урокам истории. А представить мельчайшие детали и масштабность битвы дает возможность объемный макет сражения.

В экспозиции демонстрируются трофеи русской армии, захваченные в боях: знамена различных полков, оружие, обмундирование и личные вещи французских солдат и офицеров, брошенные при поспешном бегстве из России, походная кровать императора Наполеона.

Сотрудники музея проводят кропотливую работу по дальнейшему изучению и музеефикации поля, сбору новых материалов по его истории, поиску имен забытых героев, созданию новых экспозиций.

В настоящее время на Бородинском поле под охраной государства находится более 300 памятников и памятных объектов, которые напоминают о доблести и мужестве русских воинов. Многие годы на сохранившихся братских могилах воинов 1812 года строились памятники, на местах былых боев устанавливались мемориальные доски. И вся эта огромная работа осуществлялась исключительно на добровольные пожертвования участников битвы и их потомков.

Первым памятником, вошедшим в комплекс исторического Бородинского поля, явилась церковь Спаса Нерукотворного, сооруженная в 1820 году на месте гибели генерал-майора Николая Алексеевича Тучкова его вдовою.

В 1839 году на центральном русском укреплении, названном батареей Раевского, был воздвигнут Главный монумент. Тридцатиметровая восьмигранная стела, увенчанная золотым куполом, символизировала память о доблести и героизме русских воинов. Рядом с памятником был перезахоронен с воинскими почестями прах одного из героев Бородина, талантливого полководца — князя Петра Ивановича Багратиона.

В тридцатые годы нашего столетия Главный монумент был демонтирован, а его основание взорвано иудо-большевиками, пострадала при этом и могила Багратиона. Сейчас монумент и могила князя восстановлены полностью.

Неподалеку от Главного монумента в прошлом веке была сооружена каменная сторожка, в которой поселились два старых солдата — ветерана войны. Они стали первыми хранителями реликвий Бородинского поля. Родные участников битвы приносили сюда награды, мундиры, личные вещи, а местные жители — найденные в окрестностях клинки, ядра, старинное оружие.

К 100-летию Отечественной войны 1812 года на Бородинском поле была отреставрирована часть укреплений, открыты 36 памятников, в том числе памятник Михаилу Илларионовичу Кутузову в деревне Горки в районе командного пункта полководца.

К полуторавековой годовщине Бородинского сражения открыли памятник Неизвестному солдату 1812 года, реставрировали правую Багратионову флешь, соорудили пять надгробий на братских могилах советских воинов.

В год тридцатилетия битвы под Москвой в Великой Отечественной войне у батареи Раевского на гранитный пьедестал был поднят танк Т-34. Такой же танк стоит и на Прохоровском поле, и эти монументы как бы связывают воедино наши ратные поля.

"Герой, служащий Отечеству, никогда не умирает и оживает в потомстве" — писал один из участников Отечественной войны 1812 года, и это подтвердили наши отцы и деды на Прохоровском поле 12 июля 1943 года, доказав, что они достойные потомки героев Бородинского сражения.

Есть на месте давнего боя и памятник Наполеону, на вершине которого встрепенувшийся орел как бы пытается взлететь над полем русской славы, но громадная гранитная глыба удерживает его, это убитые французы не дают своему императору воспарить в небеса. И хотя в дни театрализованных праздников ряженые во французских солдат, выслушав приветственную речь представителя Франции, кричат — "Да здравствует император!" — славы Наполеону от этого не прибавляется. Поход против России был его стратегической ошибкой.

В настоящее время Бородинский военно-исторический музей-заповедник является головным музеем военно-исторического профиля. Поэтому для нашей делегации его посещение было несомненно полезным, так как работникам культуры представилась возможность подробнее ознакомиться с опытом работы музеев подобного рода. Сотрудники музея горячо поддержали идею создания ассоциации трех ратных полей русской славы: Прохоровского, Бородинского и Куликовского, которая позволит осуществлять совместные туристические маршруты и более оперативно распоряжаться имеющимися средствами для пополнения музейных фондов и выпуска сувенирной продукции. Особое значение в ассоциации трех полей будет придаваться военно-патриотическому воспитанию молодого поколения.

Масон Кутузов[1]
и Наполеон
В тот летний день
Пришли к Бородино.
Легло меж ними
Поле русской славы...
И грянул бой
Жестокий
и кровавый...
Стояли насмерть
Русские солдаты,
Но этот бой
Вели аристократы...
Масон Кутузов
и Наполеон,
Не видя боя,
Слыша только звон,
Вели игру
В великих полководцев,
И копоть боя
Закрывала солнце...
А эти "пешки" —
Русские солдаты,
Свой долг в бою
Исполнив свято,
Остались в той земле
навечно
В сердцах
с железною картечью...
Их тысячи
остались в тех полях
И с той поры
Святая та земля...
А там, где были
Ставки полководцев,
Орлы и ныне
Закрывают солнце...
Потешные кричат:
— Будь славен император!...
Но поле свято...
Поле свято,
В нем предков дух,
В нем дух
солдата,
Остановивший супостата.

[1] Кутузов и Наполеон были масонами высоких степеней посвящения, поэтому не случайно на медалях и памятных знаках Отечественной войны 1812 года так много масонских символов, много их и на памятниках на Бородинском поле — основной — треугольник с лучами и всевидящим глазом в центре. Отсюда и стремление некоторых элитарных кругов придать сражению вид поединка между "великими", забывая об основном герое той войны — русском солдате.

КУЛИКОВСКОЕ ПОЛЕ. В день посещения Куликовского поля погода выдалась также на редкость замечательная. По дороге из Новомосковска в Епифань за окном автобуса мелькали шахтные терриконы и желтые осенние поля. В Епифани поразил своими размерами огромный старинный собор, к сожалению, полностью заброшенный и зияющий провалами в стенах. Отреставрирован он, видимо, будет нескоро, а жаль, здание просто великолепное.

Куликовское поле встретило нас умиротворением и покоем. Летели по ветру легкие паутинки, ласково светило еще теплое осеннее солнце, золотившее купол и крест памятника героям Куликовской битвы. Отлитый из чугуна, украшенный предметами вооружения русского воинства — шлемами, мечами, копьями, щитами с гербом Московского княжества. Высоко вознесся этот памятник над полем, символизируя собой победу русского народа над монголо-татарскими завоевателями. Надпись на памятнике гласит: "Победителю татар великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому признательное потомство. Лета от рождества Христова 1848 г." Недалеко от обелиска, среди белоствольных берез, стоит храм Сергия Радонежского, построенный в 1913-1918 г.г. по проекту архитектора А.В.Щусева. Стоящие почти рядом, эти памятники создают цельный архитектурный ансамбль, напоминая о самоотверженной борьбе русского народа, разгромившего врага на поле Куликовом.

В ныне отреставрированном здании храма открыт музей "Куликово поле" — филиал Тульского областного краеведческого музея. Ежегодно его посещает около пятидесяти тысяч гостей из разных городов нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья. Инициатором создания историко-архитектурных памятников на Куликовом поле явился директор училищ Тульской губернии Степан Дмитриевич Нечаев, имение которого располагалось на этом поле. На основании летописных рассказов, "Сказания о Мамаевом побоище" и имевшейся тогда другой исторической литературы, он уточнил место, где проходило сражение, описал его ход, дал научные описания оружию, найденному на поле боя, нарисовал картину тех мест, где происходили великие исторические события. Нечаев — автор целого ряда статей об этой битве.

Вот как это происходило. Тогдашний правитель Золотой Орды Мамай, опасаясь дальнейшего усиления Москвы и ослабления своей власти, весной 1380 года выступил в поход на Русь. Узнав об этом, великий князь Дмитрий Иванович объявил общий сбор военных сил в Коломне. Более 30 городов и земель откликнулись на призыв князя и послали свои дружины и полки постоять за Отечество. Игумен Сергий Радонежский, основатель Троицкого монастыря, благословил великого князя и вместе с ним послал на битву двух своих иноков — Александра Пересвета и Андрея Ослябю, ставших героями Куликовской битвы. Узнав о тайном сговоре Олега Рязанского и литовского князя Ягайло с Мамаем, Дмитрий Иванович со своим войском переправляется через Оку, лишая тем самым союзников Мамая возможности действовать сообща.

Русские войска направились к верховьям Дона навстречу Мамаю. Решено было переправиться за Дон и дать татарам сражение. У Дмитрия Ивановича было около шестидесяти тысяч воинов, у ордынцев — около девяноста тысяч. Перейдя Дон, русское войско вышло на Куликовское поле в междуречье Непрядвы, Дона и Красивой Мечи. Мамай расположил свою ставку южнее лагеря русских — на Красном Холме.

Полководческое дарование великого князя проявилось в умелой расстановке полков, фланги которых были защищены лесистыми оврагами и речками. Впереди стоял Передовой полк, за ним Большой полк — основа всего боевого порядка. Полк Правой руки стоял близ реки Дубики, полк Левой руки — близ реки Смолки. За Большим полком находился сильный резерв, а в Зеленой дубраве скрывался Засадный полк, который возглавляли воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский и двоюродный брат великого князя Владимир Андреевич Серпуховский.

Битва началась поединком богатырей — русского Александра Пересвета

и ордынского Челубея. Разогнав боевых коней, они столкнулись в страшном ударе и упали на землю мертвые. И началась кровавая сеча.

Первым в бой вступил Передовой полк, который выполнил свою задачу — ослабил мощный удар ордынцев, но и сам все же был смят. Оставшиеся в живых вместе с великим князем отступили к Большому полку, на него обрушился следующий страшный удар. Большой полк и полк Правой руки выдержали натиск войск Орды. Попытка прорвать центр русского войска для Мамая окончилась неудачей. Тогда он бросил свежие силы на полк Левой руки. Не выдержав натиска, полк стал медленно отходить, на помощь ему пришли воины Резервного полка. Мамай, предвкушая победу, бросил свои последние резервы, которые начали быстро теснить русских к Непрядве. Летописец так описывал кровопролитную сечу: "Вступились обе силы великие на бой, и была брань и сеча зла зело, и лилась кровь, как вода, и пало мертвых бесчисленно от обоих сил, от татарской и русской. Всюду лежали мертвые, и не могли кони ступать по мертвым".

Русские стояли насмерть. Но все сильней становился натиск врага, все больше редели полки великого князя. Казалось, еще небольшое усилие и победа будет за Мамаем. И в это время, точно уловив решающий миг, в спины ордынцев ударил Засадный полк.

Выступление свежих русских сил настолько ошеломило Мамая, уже торжествовавшего победу, что он ничего не мог сделать для отражения этого удара, не смог предотвратить и паники, охватившей все его войско, и вынужден был позорно бежать с поля боя на юг в Кафу (Феодосию), где вскоре был убит. Вслед за ним в бегство обратилось и его войско. Преследуемые русскими, которые немилосердно продолжали сечь врага, ордынцы бежали до Красивой Мечи, и там "многие утопли, а иные от ударов меча погибли".

Но дорогой ценой эта победа досталась и русским. Примерно половина войска, в котором были князья и бояре, воеводы и простые ратники, осталась лежать в сырой земле поля Куликова.

Несмотря на временную разницу, характер сражений и местности, все три поля — Прохоровское, Бородинское и Куликовское объединяет одно — беспримерная стойкость и героизм простого солдата, труженика войны. Не сбрасывая со счетов полководческий талант Дмитрия Донского, Михаила Кутузова и военачальников минувшей войны, победой на всех трех полях Россия обязана простому русскому солдату, будь то ратник, гусар или танкист. Стоя насмерть в жестоких сражениях, они не только выстояли, но и победили врага. Только благодаря их мужеству и героизму были одержаны эти три великие победы, и память об этих сражениях будет вечно жить в сердце русского человека. Ибо "Герой, служащий Отечеству, никогда не умирает и оживает в потомстве". Так будем же достойны наших предков и сохраним память об их подвигах в своих сердцах.

И снова скачет
Пересвет
На поединок...
Тьма и свет
Сейчас сойдутся
в страшной сече...
Но Пересвета путь
далече...
Он скачет к нам
через года,
А впереди
опять Орда...
Но только ратники ли
мы
Перед приходом
новой тьмы?...

СЕРГЕЙ АНОХИН

Сергей Михайлович Анохин родился в 1957 году в городе Шебекино. Окончил техническое училище. Работал на заводе. Его стихотворения публиковались в периодической печати, вошли в коллективный сборник "Свидание" (Воронеж) и "Антологию современной литературы Белгородчины" (Белгород, 1993).

Автор книги стихов "Познание — песня печали" (Белгород, 1996).

Живет в Шебекинском районе, много сил и времени отдает работе с молодыми авторами.

* * *

Ниспошлите, небеса, покоя —
Пусть не знаю, что это такое,
Подсознаньем я его хочу!
Пережил я горе и усталость,
На закате жизни своей малость —
Отдыха от бедствий — получу?
По холмам осенним поблуждаю,
Веря, что не боль и не беда я,
С добрыми людьми поговорю;
И потом, как все земные гости,
На погосте грея свои кости,
На былье с улыбкой посмотрю...

* * *

Время первых осенних дождей,
в перелеске запахло грибами,
и туманы седыми клубами
по утрам обнимают людей.

Все протяжнее звуки в лесу,
все далече "А-у!" убегает,
и, на волю ветров полагаясь,
паучок задремал на весу.

* * *

Ветер гнет березы, ивы.
Посвист злой и торопливый
Режет слитный шум.
Яблок гулкий бег по крыше.
Непогоды призрак рыщет
Резок и угрюм.

За горою бродит рокот.
Неуверен и короток
Тишины проскок.
И, грядущих дней виденьем,
В скрипы, посвисты, гуденье
Отлетел листок.

* * *

Холодная длинная осень,
порывистый ветер доносит
дыхание близкой зимы;
и листья срываются с шумом
куда-то в порыве угрюмом...

Так с дерева жизни — и мы...

* * *

Висеть на ветках яблоки устали,
прозрачней стала лесополоса,
и, сердце обжигая, птичьи стаи
крылами прошивают небеса.

В такую пору вдумчивы закаты,
и травы поредевшие — тихи,
и на холме приземистом покатом
рождаются печальные стихи.

* * *

Танюше

На небесах,
бледнея,
умирала
зари полоска —
силу набирало
свеченье
наступающего дня...

Любимая, как ты спасла меня?

* * *

Дней безымянных, дней моих ручей
путем извилистым,
путем непостижимым,
доступный всем и потому ничей,
струится вдаль,
движеньем одержимый.

Шумит вдали могучая река
и пьет ручья безвестные начала,
меня зачем, шумящая века,
и всех иных она в пути встречала?

В лад зазвучат разноголосья струй
И в гул прибоя вечного вольются;
я не пойму Создателя игру —
зачем ручьям дни краткие даются?

Молчит великой смерти океан,
но я — живу, и этой жизнью пьян...

ТЯЖЕЛАЯ НОША ПОКОЯ

1. ДНИ ПРИЗЫВА

Отплакали, до коликов, подружки;
Привычно жерла дискотек
Гремят, пьяня мозги, лаская ушки,
И все как есть, как было век.

Лишь где-то там,
В ночном разливе станций,
С минутой каждой все быстрей,
Уходят эшелоны новобранцев
Все ближе к душам матерей.

2.

В Россию вернулась весна,
на Родине — первые птицы,
свой пост им сдает тишина,
а я охраняю границу.

Гостям голосистым я рад
и, за ночь затекшей рукою,
надежно держу автомат —
тяжелую ношу покоя.

3. В НАРЯДЕ

Скалистый берег,
Моря шум,
Что неизменен век от века,
И половодье разных дум
О назначенье человека.

С обычной цепкостью глаза
Смотрели в хмурые просторы,
Но, словно план второй:
Лоза
И меловые косогоры.

Но, словно план второй,
Родных
И земляков
Скользили тени:
Перебирал дела и сны
Их, охраняемых, в смятеньи.

Я шел меж миром и войной
И, как не раз уже бывало,
Заря неспешно надо мной
Высокой истиной вставала.

4. ГРАНИЦА

Пускай не фронт здесь, но скажи,
Мы разве думали об этом,
Когда ты крикнул мне:
— Ложись! —
А сам упал на вспышку света.

И разве думал ты о том,
Что позади покой России,
Когда тебя с кровавым ртом
Друзья с "дозорки" уносили.

Ты просто знал: напарник жив,
И он врага настигнет скоро.
Не фронт граница, но скажи:
Как я один вернусь в наш город?

5. ПЕРЕД БОЕМ

Все будем жить,
Кто сам в себе,
Кто в пачке писем.
Рвет штурмовик
Просторы выси.
Закат дрожит.

Все будем там:
В сердцах друзей,
В тревогах мамы...
Визжат свинца
Шальные граммы.
Нас минет срам.

Сейчас пойдем,
Чтоб штык на штык,
Хрипя, схлестнуться:
Мы не умрем!
...Не все вернутся
В свой отчий дом.

6.

А все-таки выжил, курилка,
Хоть были бессильны врачи —
Дочурка неистово пылко
Звала в бесконечной ночи.

И вынырнул к свету и боли,
К тоске по ушедшим во тьму.
О, память! Ты пуще неволи,
Мне страшно с тобой одному.

Навеки моя половина
В иные пространства ушла...
Такого ль ты папу, Галина,
Из небыли черной ждала?

7.

Судьбы себе придумать невозможно,
и я скольжу по лезвиям эпох:
все истинно и в то же время ложно,
сомненьями отмечен каждый вдох.

И правды преждевременное слово
порой разбойней вывереннoй лжи
разносится в толпе буйноголовой —
певец добра,
молчаньем дорожи!

Не вечно будет наше небо мглисто,
настанет время думать об одном:
как трепетно
и беззащитно чисто
шумит листва березки за окном.

ЖАННА БОНДАРЕНКО

Жанна Бондаренко живет в селе Ивановская Лисица Грайворонского района. Закончила среднюю школу. Учится заочно на факультете журналистики Воронежского государственного университета. Автор сборника стихотворений "Сжигаю боль свою в стихах...", вышедшего в издательстве В.М.Шаповалова в 1995 году.

* * *

Я просила любви, словно хлеба
У холодного хмурого неба,
А оно отвечало дождем.
Осень листья, как слезы, роняла,
Потому, что она понимала,
Как мне трудно не помнить о нем.

Мое сердце уму не подвластно,
И дотла быть сожженым согласно,
Лишь бы счастье однажды познать.
Но ненастье дороги размыло.
Даже мудрая осень не в силах
Две судьбы воедино связать.

Я просила любви, словно света,
И душа, вдохновеньем согрета,
Вырывалась из крепких цепей.
И парила вечерней порою
Над прекрасной и грешной землею,
Над немыслимой болью своей.

* * *

Приникла к чаше с ядом —
Душе светло и больно.
Порой для счастья взгляда
Случайного довольно.
Ты путь свой обреченный
Сама себе избрала,
С печалью обрученной
Судьбе покорной стала.
Несбывшимся признаньем,
Как недугом болея,
Ты пьешь воспоминанья,
Безудержно хмелея.
Погибель затаилась
В их горечи бездонной,
А ты всю ночь молилась,
Чтоб утром быть спасенной.
Но схлынет мрак не скоро
В гармонии земной.
Любовь и смерть узором —
На чаше голубой.

* * *

Среди ночи окликни меня,
Разорви черный круг пустоты,
В моем доме давно нет огня,
Я одна и боюсь темноты.

Принеси мне в ладонях свечу,
Словно солнце ушедшего дня.
В тишину, как молитву, шепчу:
"Среди ночи окликни меня!"

Я у бездны бывала не раз,
Но живу, твое имя храня.
Будь, что будет, потом, а сейчас —
Среди ночи окликни меня.

* * *

Поэт не человек — он только дух,
Будь слеп он, как Гомер
и как Бетховен глух —
Все видит, слышит, всем владеет.
А.Ахматова

Нам послана черная метка:
Всевидящих — тьма стережет,
А вольным — просторная клетка
Объятья свои распахнет.
Пусть кровью сочатся закаты,
Но мир этот грешен и стар:
Всеслышащим — грома раскаты,
И славы похмельный угар.
Нам крылья уже не расправить
Жестока судьбы круговерть.
Давно пора свечи поставить
За души, познавшие смерть.
Мы многого слишком хотели —
Вселенской любви и тепла.
Дорога к несбыточной цели
Сквозь тернии к бездне вела.
Но падая, мы не роптали,
За посланный знак роковой,
Лишь холодно звезды мерцали
Над проклятой Богом землей.

* * *

Дождем размытые дороги,
В слепом оконце тусклый свет,
Здесь жизнь, как в каменном остроге,
Забылась сном на тыщу лет.

Все же те краски, звуки, лица,
Вот только чувства уж не те,
Душа, как раненая птица,
Бессильно бьется в пустоте.

Но я вольна в своей неволе.
О лучшей доле не молю —
Ведь до смятения, до боли
Я этот странный мир люблю.

Дни литературы в ноябре 1996 года были проведены ницински уже без гостей из Москвы и соседних областей...

НАШИ ГОСТИ

ВИКТОР БУДАКОВ

Виктор Викторович Будаков родился в 1940 году в донском селе Нижний Карабут Воронежской области. Окончил Воронежский педагогический институт. Работал в колхозе, в школе, в газете, в Центрально-Черноземном книжном издательстве (ведущим редактором литературной серии "Отчий дом"). Член Союза писателей СССР с 1979 года. Автор книг стихов и прозы, в которых нашли отражение мир малой родины, духовные и нравственные искания человека, чье детство выпало на военное и послевоенное лихолетье. Его публикации в центральной и местной печати посвящены истории и проблемам отечественной культуры.

В.В.Будаков — член правления Воронежской писательской организации и редколлегии журнала "Подъем". Председатель регионального Бунинского комитета, председатель комиссии по литературному наследию поэта А.Прасолова при Воронежской писательской организации. Заслуженный работник культуры РСФСР.

В 1996 году воронежский писатель удостоен Бунинской премии Союза писателей России.

Сейчас возглавляет Центр духовного возрождения Черноземного края.

ИСХОД. 1920

Не дождаться весеннего марта?
А в феврале не бывает весна...
И швыряет случайную "Спарту",
Словно битую-битую карту,
Черноморская злая волна.

И все дальше, все зыбче Одесса,
Русский берег уходит в туман...
И прочитана черная пьеса,
Кем-то справлена черная месса.
И надежда одна — капитан?

Так куда же? В Константинополь?
Иль Царьград?
Иль турецкий Стамбул?
Волны люто, как черные вопли,
В пароходик, что полузатоплен,
Бьют, вздымая неистовый гул.

Все смешалось — деревня, столица,
Запах яблок, Москва, Суходол,
И далекие, близкие лица,
И криница, в какой не напиться,
И бессильный в пучинах глагол.

Бездомовье, чужие пороги
Он пройдет, хоть и будет — невмочь.
Лишь осилить бы, с именем Бога,
Черноморскую темень-дорогу,
Черноморскую вечную ночь!

В ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ. 1918

В поздний вечер, и вчера и ныне,
В церкви он —
как под хранящей дланью.
Настигает "ветер из пустыни",
И страшней, чем было ожиданье,
В гибельном земля коловороте,
И ничто не кончится сегодня...
Ночь. Москва. Никитские ворота.
В церкви Вознесения Господня —
"Не оставь меня, всесильный Боже.
Не оставь Россию, Боже Правый!
Путь пройду.
Какой Тобой положен..."
И играют отсветы кроваво
Тех пожарищ, черных ли, багровых,
Что порушат белый град Отчизны.
"Пушкин здесь венчался
с Гончаровой...
Были свадьбы. А настали тризны".
В церкви Вознесения Господня
Купол от свечи, звезды ли светел.
Бунин здесь в последний раз сегодня.
Трижды пел петух — кровавый петел!
Псы ли, волки по столице воют?
И о чем судьбу в тот час просил он,
Как в Москве прощался
не с Москвою,
Но с собой былым. С былой Россией.

РОМАНС ДВУХ ЗЕЛЕНЫХ ПОЛУШАРИЙ

Очи черные. Очи полночи, —
Где Гребенка их увидал?
На родной Полтавщине солнечной?
И словами песни воздал.

"Очи черные, очи страстные", —
Сам Шаляпин, бывало, пел,
Пел про "жгучие и прекрасные",
Что поэт в свой век углядел.

Очи черные? Или карие?
Правда-искренность? Иль обман?
На земных на двух полушариях
Чуть не каждый пел ресторан.

Ибо темные, или ясные... —
По земле разметало Русь.
И прекрасные, да несчастные
На чужбине измыкают грусть.

Очи дерзкие? Или кроткие?
И смирение в них, и власть.
Не напрасна жизнь, да короткая.
Песня долгая... Не пропасть!?

* * *

Не ищи счастья за морем, не проси его у человека, не странствуй по планетам, не волочись по дворцам, не ползай на шаре земном, не броди по Иерусалимам. Воздух и солнце всегда с тобой.

Г.Сковорода

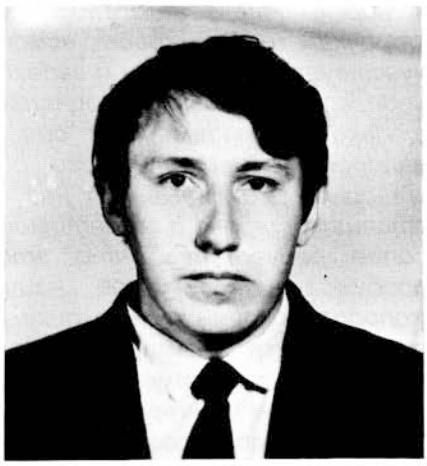
Сковорода на пасеке живет.
И ласковое солнышко печет.
И милой Слобожанщины почет
Рекой неторопливою течет.

На пасеке живет Сковорода,
В лесу, глухом на многие года,
Поит его криница-ключ-вода,
Сияет ему вышняя звезда!

Вершится дней земных круговорот.
Летают пчелы. Роет корни крот.
Живое, час настанет, отомрет,
И будет так, но и — наоборот.

Отшельником в лесу Сковорода
Живет, и не спешит он никуда,
Поскольку с ним — и почва, и звезда,
А их Творец — и всюду, и всегда!

ДЕБЮТ

ВИКТОР НАБОКОВ

ОТКРЫТИЕ!

Как-то мне позвонили. Незнакомым голосом сообщили, что присутствовали на моем юбилейном вечере, будучи поклонниками моего творчества. Звонку этому я не придал значения, тем более, что "голос-поклонник" не представился. Через значительный промежуток времени этот человек позвонил вторично и спросил — можно ли со мной встретиться.

И вот порог переступил богатырь двухметрового роста с удивительно чистыми голубыми славянскими глазами. Испытывая несказанное стеснение, произнес что-то маловразумительное:

— Вот и вижу Вас рядом.

Разговор был коротким — ни о чём. Оставил он мне тоненькую рукопись, как десятки других авторов. Я сказал, чтобы он позвонил мне недели через две-три. Но будто какое предчувствие подтолкнуло меня, и я взялся читать в тот же вечер. И как только начал читать, сразу вспомнил Евгения Ивановича Носова — непревзойденного стилиста нашего времени — его недосягаемый до сих пор ни для кого язык.

Какая же радость охватила меня, когда я увидел, что та золотоносная жила, которую успешно разрабатывали в нашей литературе старшие товарищи по перу, не иссякла! Что есть замечательные последователи богатейших традиций русской литературы!

Конечно, с точки зрения требований чисто литературной техники, рассказы еще несовершенны, и пришлось хорошо пройтись по ним редакторской рукой. Но все это наживное, с опытом придет, если к тяжелейшему делу, которое называется творчеством, отнестись очень серьезно, осознавая, что литературу, как говорил Бальзак, делают буйволы. Важно другое: молодой автор наделен от природы такими данными, которых нет у многих местных "гениев", блестяще отточивших свое перо так гладко, что оно скользит по накатанному асфальту литературных поделок без сучка, без задоринки.

Рукопись я прочел, не отрываясь, и только потом заглянул в данные: Виктор Сергеевич Набоков. Запомните это имя! Впрочем, и запоминать нечего: самое что ни на есть литературное имя.

Обратите внимание на его ни на чью не похожую ткань художественной речи. Его манера составлять обороты, назовем — стиль изложения, заставляет вчитываться в каждое слово. Он как бы затормаживает наш торопливый бег, отвечающий времени, бег по строчкам и принуждает: всмотрись в краски и запахи слова. Главное, он чувствует эти краски и запахи, и я бы сказал — чувствует вкус слова. И черпает языковые самоцветы из таких народных глубин, что можно только удивляться, как они еще сохранились под мощным и наглым напором безнационального общеочеловечивания наших душ, напором, которым захлестывают нас иудо-космополитические прохвосты, алчно стоящие у трона и захватившие экран, микрофон, печатное слово. Но еще более радует то, что этот пласт истинно коренной культуры, пробуждающей русское национальное самосознание, разрабатывает молодое поколение — в пику плоским остротам куплетистов с экрана, пытающимся подменить нам своей пустозвонной болтовней ***великую русскую литературу.***

Виктор принес мне четыре рассказа, и я сразу поставил их в журнал. Но, поразмыслив, разделил неожиданную находку: слишком жирно будет для одного номера. Растяну удовольствие читателя.

Знаменательно еще и то, что это первая публикация автора.

Владислав Шаповалов

КРЕЩЕНИЕ

Рассказ

Ранней весной как-то к вечеру возвращался пешком из города — загорелось подышать на окраине воздухом, забродившим запахом нежной зелени. Хотелось увидеть вблизи, как распустился пышным цветом кипенный абрикос. По пути наслаждался благоуханными облачными купами, пронизанными рдеющим светом заката. Неожиданно донеслись издалека волнующие звуки перезвона колоколов. Утопая в голубой дымке, в поглощающей тишине звала к вечерне Пушкарская церковь. Благовест сердце затомил несказанной радостью. За что такое наслаждение, заслужил ли просветление и окрыленность легкостью движений. Много лет назад впервые приезжал к безголосой...

Баба Нюшка постов не соблюдала, но старинная икона, с которой шла под венец, в святом углу робко светилась, затененная рушниками. В укромном месте сохраняла "смертенное" и настрого приказывала не лазить, зазря не цывкать глазами возле Божией Матери, не перекрестивши лба. Страху неимоверного нагоняла на внука. А разглядеть пухлощекого младенца, который прижимается к материнской груди — страсть раздирает.

Однажды утром в хате никого не было. Переборов страх, подставил колченогий табурет, запустил руку туда, где пахло известковой побелкой, и насторожился поглядеть внутрь застекленного оклада — ибо немедленно свершится гнев божий, тяжко вздохнул и нащупал тугой сверток. В замусоленной грубой бумаге — сломленные вощевые свечки, резной деревянный крестик в ладонь длиной, стружкой скрутился позолотный налобник. Выпрямил рассмотреть и обмер — на пальцах блестит пыльца от набивных буквочек. Невозможно поправить, спортачил самое драгоценное! Второпях табурет пошатнулся, дрогнули лепестки из фольги и неминучая кара свершилась —

грохнулся грудью — дыхание сперло, а на помощь позвать нельзя. И быть вдобавок отстеганным крапивой.

Проказник подгадал время — Егоровна застряла в курятнике, пересчитывала кур, подавленных хорем — выскочил на крыльцо: "Баба, скажи как хорек пукает?". Смыться на пруд сразу нельзя, нужно вертеться для близиру и ну — кубарем, вприпрыжку кругами.

В саду неизмятая трава холодила босые ноги, просвечивали любские спелые вишни, сквозь листву наблюдал за бабой Нюшкой. Возле акации в щели штакетника, выпирала ненавистная крапива; схватил негожий черенок и ринулся сокрушать зловредные заросли. Упоенно рубился во вражьем стане, острекался — кожа на руках покрылась волдырями. Ловко окарачил сухую ветку, победно размахивая деревянным мечом, с геройским видом удалого конника лихо поннеся по пыльной дороге.

Соседский гусак — предводитель плесневелой лужи — зашипел и кинулся в драку, — хрясь по гадской шее палкой, смотреть некогда, как перевернулся. Загоготали вслед, захлопали крыльями по воде его сородичи. Невыразимый восторг победителя разрывал грудь. Проскакал галопом по унылой лебеде. Купались в золе колдобины пеструхи, расшугал с налету — будто вихрем разнесло. В ожидании *хлудины* забыл уговор: помогать Егоровне на огороде.

Неуклюжая, жарким полднем в перелицованной *куфайке*, в грубой *запонке*, подметает у покатой погребицы щепу, переносит рядном. Сосновой смолой пахнут свежие стружки. Она не знает, что я натворил, в глубоком покаянии опускаюсь на утиную травку, взглядываю на нее и, усердно сопя, ищу зеленые калачики.

В прихожую вынесли лавку, из подпола достали холодную окрошку. На шатком столе глазунья из трех яиц, недоеденная вчерашняя картошка с поджарками, пучок *гычки* для борща и *леменевый* чайник с отваром шиповника.

— Чой-то холодняк хлебчешь, болеть хотца?

— Ба, когда окучивать справимся, блинцов наделаешь?

После обеда возвращались на ближний огород допалывать. Притомилась баба Нюшка, облокотилась на тяпку перевести дух:

— Кстить тебя надоть, управимся — повезу в церкву, там причащают, споведают, нехристю жить нехорошо...

Я знал, когда соберемся. Во всем виноваты несушки. Под кроватью с подзорниками, убранной марселевым одеялом, таз эмалированный — недели две собирали по яичку. Это было торжеством — поездка в неведомый город. Вбегал в прохладные сенцы, обнимал бабушку, прижимался к ней, она была такой родной, пропахшая укропом и цветущим пасленом. И вот долгожданный вечер сборов наступал.

Загодя приводила в порядок корзину, проверяла в дорогу гребенку, прикалывала скрученную косу на темени, держа пару заколок в зубах. Заворачивали в старую газетку и складывали потесней в кошелку сотни полторы яиц для продажи. Справились с подготовкой — глаз не свожу с расчудесной бабы Нюшки. Грузно сидит на полу новой веранды, латает стиранные мешки цыганской иглой, накладывая красные и синие куски, распоротые от безнадежных моих штанов.

— Расскажи, баба, за старину!

Поседевшая, широкоскулое лицо избороздили морщины, *снизку* янтарных бусинок на шее задумчиво перебирала заскорузлыми пальцами. Было что вспомнить.

— Это сищас поштари поштву разносят, а раньше не так. Едет человек местный с вокзала и заездом брал. Грамотных в селе — по пальцам — поп да посоломщики. Вот поехал мой отец на станцию Беленихино да привез прешкурант для священника, стал враскоряк среди хаты и кричит в топлюшку: хрен с ним, с попом-то! Раскубрил той-то пакет, а там шматочки ткани — лабертин, ламбук, рассыпались радугой. Стоим у печки — спужалися; а он смеется, кругом лоскутки мечет и мечет. Егор Антонович — мужик лапотный,

послал запрос куды-то в самую столицу. Как барину присылают материю, цепами молотят в клуне да орут: эй, Глазунов, примай пакет! На шахты вербовался, в приданое сапожки щегровые привозил, мягкие-примягкие. Такие люди лихие, как мой родитель, на особом счету у Господа, да что гутарить... Отца в германскую поранили у Замостья, везли пароходами да не довезли, схоронили на чужой сторонушке.

Сначала утирала слезы фартуком, всхлипывала — крепилась, не выдержав горестных воспоминаний, рыдала с причетом о нелегкой судьбе, подвывала, поэтому рядом сидеть страшно. Какие житейские бури переломила, когда ушла ночевать в яр с малолетним сыном из раскулаченного дома. Помыкала горя по белу свету. Выплакалась, отвернулась и долго успокаивалась, покачивала раздумчиво головой. Светлея лицом, становилась задушевно разговорчивой.

— В селе Грязном, где я родилась, стоял ветряк на выгоне — строил свекор Михаил с братьями. Такую агромадину вчетвером ворочали на оси, при любом направлении ветра молола, да мешки на горбах не таскали, придумали цепью подымать на верхотуру. Раскулачили, потому что прадед имел купчую землю да сезонных батраков. Старого Михайлова отца вытурили взашей с родного подворья, крыхты сбирал по людям, окоченел с котомкой в логу. Всех братьев-мельников согнали на Соловки... Наделы пóтом поливали, а ихнего попела в родной земле не осталось. Не могла я вернуться к матери, — отчим зубы свивал, грозил живьем зарыть, потому как безмужняя — моего Василия сослали в степь, где казахи бедуют. Одна весточка пришла, когда призвали на японскую войну, а следом похоронка — подорвался на мине. Вот так скорбею и гроблюсь.

Егоровна смолоду не расставалась с *леменевым* чайником и солдатской гребенкой, за которую в войну умелец на постое выменял ведро картошки. И еще бесценные вещицы (моль не стрекала) — добротная свадебная накидка на сани, красная с черным орнаментом; пятицветный тканый пояс "из вовны" — плотношерстяные, хранящие в зимнюю стужу и осеннюю непогоду запах ласкового лета. Особой гордостью в фанерном чемодане были холщовые рушники с красными кониками и петухами — девкой приданое готовила. На Сороки пекла куличиков, а перед Пасхой, усердно работая локтями, прокатывала рубелем серые холсты, намотанные на скалку.

На люди одевала Егоровна тридцатилетней давности тщательно сбереженную плюшевую жакетку, повязывала голубую бухарку с кистями и шла по селу, гордая труженица, походкой независимой княгини. В замужестве прожила около трех лет и сохранила до старости любовь к супругу.

Допоздна засиживались, наверное, бабушка, не прикорнув, коротала тревожную ночь перед поездкой с цыганской иглой. Беспробудным утром трясла за ногу, а я брыкался, отгонял ее. Когда терпению приходил предел, хлопала пониже спины, громко говорила: еду в область одна! — подхватывался спозаранку мигом.

Пока собирал свои *монатки*: мотался в поисках носков, которые болтались во дворе предварительно выстиранные, шнурок запропастился. Приглаживал непослушные лохмы, она уже стояла в "полном параде" и заговаривала зубы незнакомому старику, нетерпеливо поглядывала в распахнутую дверь, в темноте не различала меня, но негодующий взгляд на заспанного терзал и подгонял двигаться быстрее. Наскоро *похлепался* под рукомойником, обливая ворот холстинковой матроски, ремешком захлестнулся потуже и стал навытяжку перед ней, пахнущий земляничным мылом со светлой мордахой и непромываемой шеей. Оглянула с ног до головы и вздохнула: непорядок, раздевайсь!

Уходило драгоценное время, пока грела на керогазе воду в чугуне. Ох уж эта вехотка, если по пяткам тереть — под сердцем захолонит, будто цыпки за две минуты выведешь. Будь неладна мочалка, молча разделся, зябко ежась под дыханием росного утра, соглашался перетерпеть и не такие бабкины прихоти. Сгорбленный незнакомец нерешительно топтался у погребицы, конечно, для

него показуху устроили с помывкой. Егоровна шепнула: сосед Сергачев привез к себе отца доглядать, вот и пришел старый знакомство наводить. Памяти необыкновенной — *грит,* у Пучкова барина замашные штаны заработал свинопасом. С интересом разглядывал его, теперь ихний Ванька возгордится — дед знаменитый — через три войны прошел. А у седого армейская рубашка с соляным разводом, как и у моего бати — потом шибает, только линялая, и с мятым козырьком *сталинка*.

Вытащили ночвы со степленной водой на крыльцо, Егоровна в колени зажала внука, не обращая внимания на вопли, нещадно драла ему шею вехоткой. Хитрый ревушка решил проверить дедка: если *завякает* — куда, мол, собираетесь так рано — значит не знает поверья и пустомеля. Улыбнулся и подморгнул, когда я влезал в белую с синим воротом матроску. Мудрый, слова не проронил во время моего истязания. Тяжело повернулся уходить — горбились огромные лопатки; натруженные руки до колен, сливовая ветка стегнула по спине и стало неловко, словно мы обидели его.

А нам теперь спешить потребно. В конце межи — глухая стена травостоя и обильная роса играет самоцветами. Продираемся. Похлестывают намокшие до колен брючишки, порядковые петухи горланят зарю. И наш певун вскочил на парящую навозную кучу да как вдарит голосякой вслед — баба Нюшка перекрестилась с испугу, — соседей завидущих боясь, злобных пересудов. Рысцой по селу еще спящему на самую ранюю электричку. Дрожь пробирает, ветерок утренний над затравевшей стерней.

Приехали в областной город на колхозный базар. Испуганно озирался, держась за плетеную ручку корзины, перебегая каждый раз когда бабушка перехватывала тяжесть свободной рукой, мельтешил, приводя ее в замешательство. Она плохо ориентировалась, терялась среди высоченных каменных домов. А я примечал, что люди здесь учтивые, культурные, не кричат через улицу.

После распродажи — выручали до четырнадцати рублей — деньги из моего кармана изымались и она подвязывала *гаманок* себе на живот. Со вчерашнего вечера во рту крошки не было — годовой праздник Спас.

— Поспешай, милок, там миру седня — пушкой не пробъешь! Дело сладим — разговеемся!

На дне в узелке — пяток душистых яблок, краснобокие и сладчайшие, если откусывать понемногу, но неспроста они сорваны, любенькие. Для освящения. Немало оттопали по шумным тротуарам, расспрашивая да советуясь со случайно встреченными старушками. Налегке Егоровна могла, экономя пятак, запросто по крестьянской привычке отмахнуть *пешкодралом* неблизкий путь от рынка до вокзала. На станционной площади торговали горячими пирожками с повидлом, пастилой с изюмом, хрустящими вафельными трубочками с кремом, кромсали тесаком халву. Проходя мимо чудесных сладостей, доселе невидимых в таком количестве, немилосердно канючил, распуская слюни. Наконец она не выдержала и, укоризненно качая головой, извлекла из неведомых глубин полтинник, позволила газировки.

Миновали пыльную городскую окраину и оказались на незнакомой сельской улице. Заблудились — подумал со страхом и дернул бабушку за подол. Обозвала извергом и пустила бежать впереди. Разведаю, что нет и в помине никакой церкви и вернусь, тогда она сжалится изнурять внука, вернется на вокзал и еще купит мармеладу в сахаре. Неожиданно вспорхнула стая голубей, обдала тугой волной махающих крыльев. Я остолбенел. Голубое строение открылось перед глазами. На холме с яркой муравой богомолки в крахмальных косынках стоят на коленях, кладя поклоны головами до земли, взглядывали на сквозные арки молчащей колокольни. Безголосые храмы в пору моего детства собирали людей истинно верующих.

Баба Нюра оставила надоедливого возле поклажи снаружи, широко перекрестилась на паперти и через головы, привстав на цыпочках, заглянула в глубину, откуда плыли над скученными величавые песнопения. Властный

баритон возносился над хором певчих, царил под гулким сводом. Толпу в проеме высоких дверей словно прибоем качало, кто-то протискивался на воздух, меня прижали к безногому нищему на зеленой скамье, чьи-то чоботы отдавили каблуками несколько раз, пропала охота напрасно подпрыгивать.

Смирился и отошел, издали наблюдал, как беспомощно теребил засаленую семиклинку испитый мужик; редко кидали, больше желтеньких. Стоять невмоготу — жесткие новые туфли натерли пятки. Еще в тени церкви играли в матрешки две девчушки, наверное деревенские, сами, как куколки, тихонько щебечут, в платочках, перехваченные концами по тоненьким шейкам. Голубоглазые стрекозихи поражали чистотой и аккуратностью. Я впервые двойняшек увидел, поэтому загляделся. Разувался неторопливо, чтобы они видели, какие у меня прекрасные, хоть и немного запыленные туфельки, бережно отер ладонью, показывая чистоплотность, и положил в корзину.

Народ валом повалил наружу, на солнечную лужайку, за сутолокой упустил из виду поразивших куклят, крепче ухватился за ношу, боясь потеряться. Баба Нюшка вскоре нашла меня, потащила за руку: скореича, нехристь, батюшку погляди! Проталкивала перед собой, на ходу развязывала белый заветный узелок. В расступившуюся толпу сходил в золотошвейной ризе, коробящейся на спине, седой священник в бархатном клобуке. Спереди сиял золотой крест, наверное, тяжелый. Усталый бледный протоиерей прошел боком и смахнул несколько капель с кропила в лицо и на яблоки, которые протягивал перед ним. Я вылез из напиравшей, гудящей роем толкотни.

А может не попало на шафранки, только необыкновенно ароматными оказались — всласть разговелись. Видя, как, проголодавшись, хрумкаю, Егоровна одно скушала, с придавленным бочком.

Бабино слово было сдержано: выбрали картошку и заговорили о крещении. Внук не озорничал, курей не гонял, а деньги вырученные на базаре за яички, баба Нюшка сохранила. Портниха Маруся Зенина согласилась стать крестной, сказала, что желательно приглашать из нашей родни. Бабушка руками развела: мы ведь безродные. Наутро сосед Сергачев Коля, балагур и ухарь, зашел проведать, от души загоготал — крестников у него с десяток и он покумится.

Так и порешили — быть сговоренному. До восхода поднялись с петухами и двинулись на станцию. Холодно в пустом вагоне электрички на жестком диване. Сквозняк трепал букетик метеликов в руке Маруси, притих у теплого бока Нюшки непоседа, задумчиво глядел в окно. Лаковые сапоги седенького старика Сергачева покачивались мысками в такт вагонного перестука. Дядя Коля шиковал пачкой "Казбека", часто выходил в грохочущий тамбур, ему было скучно сидеть, не находились словоохотливые покалякать.

На тихом полустанке с березовой аллеей ссадил меня на щебеночную платформу. Маруся мелко закрестилась, поотстав от всех, шла неторопливо. Хмурому Коле хотелось быстрее дойти до Крюково, подтрунивал над медлительными и отстающим своим отцом. За минувшее лето дед сильно ослаб, тосковал по оставленному в Шахово подворью. И понимал, что это последняя для него возможность постоять перед алтарем. Старый уже не чувствовал себя хозяином, не мог сдерживать неуместную сыновью прыть. Странно было то, что Николай не понимал своего отца.

За сквозящей посадкой сентябрь раскидал золотые пятна на поникшие клены и кукурузное поле, где мелькало, крутилось мотовило. Вот и стрекота косилки уже не слышно, глубокая знойная тишина утонула в безветрии. Полевой грунтовкой шлепал босиком дед Сергачев, через плечо хромовые сапоги, искусно изготовленная шляпа из выпаренной тыквы красовалась над редкими волосами. Старик от жары задыхался и умолял не идти шибко. Невысокая церквушка под ивами показалась покатой серебристой крышей. Полусонная сельская окраина, воскресный день.

НАШИ ГОСТИ

ОЛЬГА ДОЛИНА

Живет в городе Железногорске Курской области. Работает художником-оформителем на производстве.

* * *

Как уеду надолго,
Снится дом угловой,
И зеленая "Волга"
На краю мостовой,
И оранжевый мостик,
И тропинка к реке,
И чумазенький Костик
С погремушкой в руке.
Отчего же не снится
Куст черемухи той,
Где парнишка томится
По тебе по одной?..

* * *

Мои девчонки, кнопочки мои...
И пусть совсем на маму не похожи,
Зато на них любуется прохожий!
Мои девчонки, кнопочки мои...

Зеленый куст, который под окном,
Еще зимою выглядел так хило,
И как теперь подмигивает мило
Зеленый куст, который под окном!

Бездомный пес под проливным дождем
Так терпеливо требует участья,
И по-собачьи думает о счастье.
Бездомный пес под проливным дождем...

Горячий взгляд из-под чужих ресниц...
Затронутое сердце вмиг заныло,
Но кажется, когда-то это было —
Горячий взгляд из-под чужих ресниц...

Ах, эта жизнь, предложенная раз...
Отжить бы звонко —
не в слезах-кручине.
Куда там! Размышляем о кончине,
Транжиря жизнь, предложенную раз...

* * *

Я шла, заблудшая, в забвеньи,
Не пряча мокрого лица,
Не замечая дуновенья
Шального ветра-удальца.
И я брела. На всех похожа,
И понимала, как низка...
А он шептал, что я пригожа,
И что душой ему близка,
И что я светлая и прежняя,
И что я лучшая из всех...
А я слова забыла нежные,
А я забыла добрый смех,
Я шла пустая и заблудшая,
От ветра прячась в пальтецо.
А он шептал одно: "Ты лучшая!"
Целуя пальцы и лицо.

* * *

Долой сиротские наряды!
И до каких же это пор
Для разведенных только взгляды,
Таящие нелепый вздор.
Уже заранее бунтую.
И чтобы всех их проучить,
Себя, ничейную такую,
Не позволяю приручить...

* * *

Пусть старушки на лавке: "Что деется!
Полюбовник он ей или кто?"
Все равно буду сладко надеяться
На любовь как никто, как никто...
Оправдаться бы мне, но не пробую,
Только гордо вдоль лавки иду,
Делят бабушки булочку сдобную,
Но при мне забывают еду:
"Ах ты, господи! Что ж это деется —
Разрядилась — аж сердце болит!"
Ну а мне остается надеяться,
Что не столь неприличен мой вид...

* * *

Хочу конспиративных встреч,
Где поцелуи вполнакала,
Чтобы от страсти уберечь
Себя, а может от скандала.
От ревности колючих плеч,
От равнодушного зеванья,
От суеты, от прозябанья
Хочу конспиративных встреч.
Хочу уверенностью полнить
Себя, у прочих на виду,
Что я желанная иду,
И что такой меня он помнит:
С улыбкой, с блеском глаз и губ,
А на лице играют блики,
Не раздраженную, не в крике,
Такую, с кем не будешь груб!
И не в дрянном халате утром,
И не растрепанную вдрызг,
С руками не от мыльных брызг,
А нежную, с картины будто.
И не пришибленную бытом,
Как та старуха у плетня
Пред расколовшимся корытом,
Что так похожа на меня...

Хочу конспиративных встреч,
Чтоб женщину в себе сберечь!

* * *

Измотала нечисть черная —
Ох, и ночка полнолунная —
Я теперь не то что мертвая,
Я страшнее — полоумная.
Кто меня любить отважится?
То-то же. А бес куражится,
То поманит, то отступится,
Где ж ты на небе заступница?
Видно скромница и скрытница,
Не аукай — не откликнется.
Не желаю быть обманутой!
Не желаю слушать домыслы!
Поясок, на шее стянутый,
Врет таким слащавым голосом...
Нет же, черти вы отпетые,
Рву на шее пояс узенький,
Чтобы я — и в клетку, в узники,
В пропасть, в ад? Не будет этого!
Коль не любится — полюбится,
Коль не верится — поверится.
Надо лишь на мрачной улице
Посадить живое деревце.

* * *

Живем... живем...
Смеемся и мечтаем,
И хлеб жуем,
И иногда летаем,
И даже пишем изредка стихи...
А может только кажется, что пишем,
На самом деле прячемся, как в нише,
Оправдывая прошлые грехи.
Опять грешна, который год подряд!
Опять ловлю чужой холодный взгляд,
А может быть чужой, но не холодный,
А может быть, совсем не я ловлю...
Но я грешна,
как в зиму волк голодный,
Хотя бы тем, что больше не люблю.

Спокойная, я выгляжу моложе,
Не зная огорчений и страстей,
Не зная ни газет, ни тех вестей,
Когда душе страдать — себе дороже.
А только жажду жертвы и огня
В чужих глазах, речах,
где живо чувство.
Тогда я вся как зов: "Люби меня!"
А полюбил — мне и смешно,
и грустно,
Не зная, что под чей-то смех и плач,
Когда на сердце ляжет злая слякоть,
Я захочу безудержно заплакать,
Как только могут грешник и палач.

ТАТЬЯНА ДУБИНИНА

Родилась на Украине. Закончила Белгородский педагогический институт. Преподает в начальных классах. Публиковалась в областной печати. Автор книги "Стихи" (Санкт-Петербург, 1996).

ЖЕНЩИНА

За окном — соловьи. И тревожное тело
Натянулось струною в лучах звездопада.
Как хотелось ей что-то безумное сделать,
Но аукалось строгое: — Лучше не надо...

Там весну убивало жестокое лето,
Извиваясь змеею в пожарах заката.
Целый мир был у ног у ее до рассвета,
Только разум твердил: — Знаешь, лучше не надо...

Осень всадницей мчалась из-за поворота,
Обдавая дождем и пургой листопада.
Ей бы взять и окликнуть родного кого-то,
Только гордость сказала: — Нет, лучше не надо...

А зима уже в белую шаль завернулась,
Серебро оплетая ледышками взгляда.
Ей бы взять и одернуть беспечную юность,
Только сердце решило: — Да, лучше не надо...

* * *

Я научусь тебя терять,
И если верить в то, что лгали,
О мире, мчащем по спирали,
То значит — встретимся опять.

И значит — в суматохе лет,
В пыли витка очередного
Я сердцем вдруг почую снова
Твой приближающийся след.

На этот раз не упущу!
И хрустнет горло под зубами,
Вопьюсь глазами и губами,
Вновь полюблю и вновь прощу...

* * *

Кусочек розового мыла
Скользнул в руке.
Легко я смыла все, что было,
И налегке
Ушла. Простила и забыла.
Но не спеши:
Я вместе с грязью утром смыла
Тебя — с души.

НАДЕЖДА

Та же, вроде бы, весна,
Утро то же, что и прежде,
Только чувствует спина —
Крылья выросли надежды.

* * *

Давай-ка брызнем под ресницы еще по капле алкоголя,
Давай под тонкий нервный ноготь из кофе траур нанесем,
И поболтаем между прочим, чего нам стоит наша воля,
Потом расплатимся без сдачи и в дверь стеклянную уйдем.

А дома, нацепив улыбку, я буду лепетать о счастье,
Хозяйкой притворюсь покорной, задравши носик высоко,
В семейно-кухонных беседах приму активное участье,
Вообразив себя при этом загадочной Манон Леско.

О, Господи, ты нас прости! Помилуй нас, душою нищих,
Что. распластавшись на подушке, бессонницы сжимая плеть,
Мы оттого, наверно, любим осенних листьев пепелища,
Что есть, живет еще надежда весной по-новому запеть.

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

ВИКТОРИЯ КАН

Родилась в 1962 году. Училась в Шебекине, работала в Старом Осколе телефонисткой. Сейчас живет в Белгороде.

Книга стихов "Падение в небеса" публикуется впервые.

ПАДЕНИЕ В НЕБЕСА

* * *

Вдохни!
Осенний лес грибами пахнет!
Опятами цветут седые пни,
Играя солнцем, небо ахнет!
Прислушайся! Мгновенье улови!
Я не сейчас, не здесь —
Когда-то, где-то...
Зачем я ворошу листву ногой?..
Неповторимое летает бабье лето
Белесой паутинкой надо мной...

* * *

Сентябрь дурманит.
Вода в пруду холодная,
но манит
войти, и тяжесть сбросив, плыть, —
родиться заново, чтоб жить
не так, как прежде...

* * *

Не трудно в этом мире разобраться:
То шторм трясет его,
То нежит бриз...
Начну в глазах твоих
Немного возвышаться,
Но каждый раз
Срываюсь вниз!

* * *

Весна несет всему начало...
И, перед пробуждением своим,
В природе все затихло, замолчало —
Возможность дав поговорить двоим.

* * *

Капель весны перебирает четки,
И капли светлые размеренно и четко
На землю падают, звеня,
Вокруг меня.
И на меня...

* * *

Я у жизни беру
За уроком урок...
Жаль, что счастье беречь,
Да и горечь испить,
Невозможно уметь
Раньше времени, впрок...

* * *

Милый мой воробышек,
взъерошенный комочек,
на ветру осеннем до души продрог.
Улетел бы в Африку, если б мог.

Сказочная Африка — далекая страна,
Может быть, и нет ее? —
С крыши не видна...
Спрятал в серы перышки
тонкие ножки,
Не горюй, попробуй хлебные крошки!

ЭГОИСТКА

Я всегда отдаю
Меньше, чем могу.
Я себя берегу...
Для одиночества...

* * *

Не возвратиться в прошлое уже,
Тропинка памяти извилистой
все уже...
И грустно,
И смешно —
Кому ты нужен?
Когда корону принца ты сменил
На маску незадачливого мужа?

* * *

Мелкий дождь —
обиженый ребенок —
Задремал до утренней зари,
Под рукой прозрачен стал и тонок,
Всхлипывает и пускает пузыри...

* * *

Горох дождя рассыпался по полю
Из старого и рваного мешка
Бежавшей тучи...
Месяц нахлобучил
На острые рога
Тумана капюшон.
Наверно, я наивна,
Ты смешон,
Когда, презрев молву,
Погоду злую,
Я по ночам
Любовь твою ворую...

* * *

Всё дождь и дождь...
Наотмашь окна бьёт.
И тарабанит гулко в наши двери.
Малыш его неистовству не верит,
На кухне с мамой
чай бесстрашно пьет.

* * *

О боже!..
Будто в первый раз...
Сплетенье рук, сиянье глаз...
Полураскрытые уста...
И немота...

* * *

Тысячелетними ветрами
Отполированный валун,
Как разыгравшийся шалун,
Застыл в испуге пред волнами...

МЕГАНОМ

Здесь мха прохладные меха
желтеют под лучами жгучими.
Кручинных круч
стремление в века
и обнаженность их
прикрыты тучами.
Ущелья дикие сползают в пену дней;
и нежатся среди морских извилин
пространства водного
тела камней,
да уханьем судьбу морочит филин.
Страх пред стихией
торкнется в висок,
на миг прервется
или навсегда
точёной хрупкости
хрустальный волосок
дыхания...
Смотри —
упала вновь звезда...

* * *

Тропинка хитрая
хвостом виляла
у исполинских ног дремавшей кручи.
Наивную мечту от всех скрывала,
жизнь в поднебесье ей казалась лучше.
Взбиралась вверх,
карабкалась, натужась
померяться с хребтами кривизной,
но испытала наверху лишь ужас
и ринулась с горы в палящий зной.

* * *

С белизною женского колена
Спорит кружевная моря пена...
И платком узорным чаек речь
Не скрывает обнаженность плеч...

Отходя за море вечер каждый,
Солнце умирает там от жажды...

* * *

Сквозь века — всегда одно и то же,
Солнце лунное восходит ниоткуда,
Ночь на тень огромную похожа,
Замираю в ожиданьи чуда...
С маленькой светящейся ладони
Накормлю молочною травою
Зверя звездного на небосклоне,
Напою его живой водою...

* * *

Ни шороха, ни звука — тишина...
И свет звезды предутренней невнятен,
И сверху не бросает мягких пятен
Мелькнувшая за тучею луна.
Лаская гладь оконного стекла,
Худые руки стынут...

* * *

Года меж нами...
Горько мне до слез...
Люблю в тебе ребенка и мужчину,
И не ищу тоски своей причину,
Шутя, тебя я мучаю всерьез.
Люблю тебя, как мать свое дитя,
Оберегаю от забот и хлопот.
Мне хочется,
Чтоб много лет спустя,
Ты помнил мой бредовый,
жаркий шепот.
И, засыпая на чужой груди,
Обняв рукою тоненькие плечи,
Ты пожалел о том, что позади
У нас осталось...

* * *

Вот и все. А что теперь?
Продолжаю жить...
Как февральская метель
Среди дел кружить...
Дом, работа, светский тон,
Только ночью — стынь,
И тяжел некрепкий сон,
Да спасенье — сын.

* * *

Ничего невозможного нет...
Весной капель наполнит след...
Сама себе куплю букет.
Нарциссов бледно-желтых свет
Согреет сердце...

* * *

Снег не скрипит, не сердится,
безвольно,
невольно растекается под ноги
многих.
Малыш стоит, несчастный, на дороге,
жалея снег:
— Ему же очень больно!

* * *

Закружит зима, завьюжит,
Тропинки станут поуже,
А, может, исчезнут вовсе,
Ну, а пока что — осень...
Старая милая дача!
В озябших ветвях дождик плачет,
Стучит, барабанит в окошко.
Немножко грустно...
Немножко...

* * *

За окнами зима бела.
Узорами искрится гладь стекла,
И комната уютная тепла,
Хозяйка-рукодельница мила.
Трепещут спицы — маленькие птицы,
Порхает тонкой пряжей жизни нить,
Пушистый кот
к воде под кран стремится,
И мы садимся чай вечерний пить.

* * *

В ярко-синем дельфиньем раю,
В упоении счастья,
Искали мы яшму.
Дни ушли...
Только камень морской берегу.

* * *

Взгляни окрест — светло и пусто,
Не будет больше теплых дней,
Коза жует листок капустный,
Уносит ветром журавлей...
И только оклик журавлиный
Живет, живет в душе моей.

* * *

Непогода опять
разошлась не на шутку,
Приглашает плясать
под гудящую дудку,
Салютует гроза громом ветру-задире,
Листья, как ордена, у него на мундире.
Шарит узким лучом
по пространству квартиры
Беспризорный фонарь,
с целым миром не в мире,
Горько струны гитары
под рукой прозвучат,
Затоскует жираф возле озера Чад.

* * *

Прощальный поцелуй
— как лист опавший,
От капелек дождя душисто-влажный.

Вот зимний поцелуй с небес слетает,
Снежинкой на губах горячих тает.

Весною поцелуй — как ветер свежий:
Неопытный, зеленый,
теплый, нежный.

А летний поцелуй — вкус земляники
И сочность яблок —
первобытно-дикий.

Твой поцелуй —
вне времени, вне года...
Но я сама — и время, и природа.

* * *

Нежданно и негаданно случилось:
Пьянила ароматом резеда,
В раскинувшихся косах заблудилась
Сиреневая первая звезда.

От счастья голова моя кружилась,
Кружилась ошалелая земля,
И заново Вселенная творилась,
И травы прорастали сквозь меня...

* * *

Непогрешимо верю в чудеса...
И небо мне явило милость:
Не жить — а падать в небеса...

* * *

Покинул лес
Багряный лист;
К воде приник —
Слетел с небес.
Моей души родник —
Не замутил;
Печальный, одинокий —
Улетел...
А лес —
Зеленый весь!

* * *

Наивные, мечтающие дети...
Душист заморских апельсинов сок...
Играть хотелось на чудном кларнете
И спать ложиться
после бала на рассвете,
Волос кокетливый расправив завиток.
И путешествовать,
и видеть все на свете...
Но день угас, и серебрист висок,
И в наказанье за желанья эти —
Вновь море принесет пустые сети;
Над полем диким пролетает ветер,
Да шелестит уныло колосок...

* * *

Эх, мама, милая мама!
Зачем от меня ты скрывала,
Что в жизни все так непросто,
И время не ходит прямо?
Любви не бывает вдосталь —
Приходит она слишком поздно,
Уходит она слишком рано.
Ну что же ты не сказала?!

ОСЕНЬ

Вновь осень под ногой
ковром горчичным,
В заплатах птичьих веток кружева,
И солнышко дрожит желтком яичным,
Горька полынь...
Горчат слова...

НИКОЛАЙ МАНТРОВ

Николай Тимофеевич Мантров родился 30 октября 1949 года в Воронежской области, в поселке Бабинка Аннинского района, где жил до восемнадцати лет, в 1968 году был призван в армию. После армии переехал в Белгород. Работал водителем троллейбуса, потом в сельском хозяйстве. В 1977 году поступил в Литературный институт на факультет драматургии (заочно), окончил в 1983 году. Печатался в журналах "Подъем" (рассказы "Забор", "Машина времени"), в московском журнале "Странник" (рассказ "Святая женщина", одноактная пьеса "Дрогнувший мост"). Рассказ "Забор" вошел в "Антологию современной литературы Белгородчины" (1993). В сезоне 1987-1988 гг. в Белгородском драмтеатре им.Щепкина шла пьеса Н.Мантрова "Под пылью веков".

Рассказ

МАТЬ АРИАДНЫ

Эх, мать Ариадны, мать Ариадны! Сколько раз я просил тебя не приходить ко мне больше, сколько раз я давал себе слово не вспоминать тебя, и вот опять нарушил я свою клятву: опять ты стоишь передо мной, опять слышу я твой голос, такой близкий и такой далекий, опять трогаешь ты своими нежными руками мое сердце, и хоть нежна твоя маленькая ладонь, а как же оно болит, мое сердце! Зачем ты пришла, мать Ариадны, зачем?

Разве мало мне тех горьких минут, которые были, чтобы прибавлять к ним еще и эти — минуты невольного свидания? Разве мало болело мое сердце, чтобы заставлять вновь страдать его? Уходи, прошу тебя, уходи! Не береди душу мою, не трогай старых ран. Они еще не зажили, они еще болят, когда к ним прикасаются. Дай им зарубцеваться, я не хочу, чтобы они болели, я устал от этой боли. Умоляю тебя, мать Ариадны, уходи! Я не хочу видеть тебя, мне нельзя видеть тебя! Пусть я нарушил слово, но ведь и ты обещала, что мы никогда больше не увидимся. Зачем же ты пришла опять?

Но что это? Ты послушалась меня, ты пожалела меня, ты уходишь? Да, я вижу, что ты уходишь! Вот ты повернулась, вот ты начала удаляться, вот уже твоя курчавая голова едва заметна, вот сейчас ты исчезнешь совсем, и я никогда больше не увижу тебя... Стой, мать Ариадны, не уходи! Как ты могла поверить, что я не хочу видеть тебя? Это ложь, я обманул тебя, не уходи, вернись... Дай мне еще раз посмотреть на тебя, позволь коснуться твоих волос. Пусть, нарушу слово еще раз...

А может, и не изменил бы я своему слову, может, не вспомнил бы тебя, мать Ариадны, если бы не этот проклятый ветер... Ах, какой ветер дует теперь, страшный ветер! Он раскачивает вековые деревья, он срывает все, что может сорваться, он выдувает из старых, забытых уголков весь давнишний мусор и гонит его по всему свету, чтобы не залеживался он в кучах, чтобы не гнил и не разносил мерзкий запах. Эх, ветер, ветер! Как хороший дворник, следишь ты за землей, и едва заметишь, что начинает она обрастать всевозможным сором, ты уже тут как тут: взмахнешь своей могучей рукой — и нет мусора. Взмахнешь еще раз, сорвешь с деревьев уже ненужные им запоздалые хрупкие листья и полетишь дальше — чистить то, что еще не вычистил, выметать то, что еще не вымел.

Ветер, ветер... Не на земле этот ветер, в груди моей ветер, во мне этот ветер. Выметает он из моей души все слежавшееся настоящее, отгоняет прочь туманное будущее, и только с прошлым никак не может справиться ветер: всегда, вечно оно в нас. Эх, прошлое, прошлое! И за что только мы так любим тебя, почему так часто нам приходится возвращаться к ушедшему, пройденному и, казалось, навсегда забытому? Что настоящее? Оно надоедает нам своей монотонностью, размеренностью, известностью завтрашнего дня. Нам в нем всегда плохо, а если даже и хорошо, то мы все равно находим причину, чтобы побранить настоящее. Что будущее? Мы мечтаем, мы строим планы, оно кажется нам безмятежным и счастливым, но вместе с тем всегда нашу душу точит червь сомнения, ведь какая-нибудь незначительная деталь может в одно мгновение все опрокинуть и поломать. Нет, человек никогда не будет искренне любить будущее, он будет только бояться его — открыто или тайно. А вот прошлое... Каким бы оно ни было, мы всегда будем с любовью возвращаться к нему, перебирать пожелтевшие странички прошлого, отыскивая там все самое приятное и сожалея о том, что когда-то не успел сделать...

Но где же ты, мать Ариадны? Почему я не вижу тебя? Ты поверила мне, ты не захотела делать мне больно, ты ушла? Зачем ты это сделала, зачем? Вернись, прошу тебя, пусть болят мои раны, пусть сочится из них кровь, только вернись! Кто я и что я без этой боли? Но нет ее, все напрасно, она ушла, и я никогда больше не увижу ее.

А какой же некрасивой показалась она мне, когда я увидел ее в первый раз! Когда это было? Сколько лет прошло с тех пор? Семь? Восемь? Может, семь, может, восемь. Чем взрослее становимся мы, тем больше путаемся во времени.

Оно течет незаметно, и мы боимся следить за ним, чтобы оно не летело еще быстрее. Наверное, уже восемь лет минуло с тех пор. Она пришла устраиваться на работу, но начальства не было, и ей пришлось ожидать. Она стояла в коридоре, а рядом, держась за ее руку, маялась девочка лет пяти-шести, ее дочка, такая же курчавая, как и мать. Тогда, изнывая от безделья, я подошел к ним и заговорил с девочкой:

— Ну, здравствуй, девочка!

А в ответ ни слова.

— Что же ты молчишь, девочка? Э, да у тебя, наверное, нет язычка, да? Ну конечно, у тебя нет язычка, иначе ты бы мне ответила. Ведь, правда, нет? Ну-ка, покажи, что у тебя осталось от язычка?

Девочка улыбнулась и быстро высунула маленький красный листочек-язычок.

— О, оказывается, язык у тебя на месте. Тогда почему ты молчишь? Скажи что-нибудь. Как тебя зовут?

— Ариадна, — прошелестела девочка, как морская волна, и еще крепче схватилась за руку матери.

— Ариадна? Красивое имя. А теперь скажи: как зовут твою маму. Ну, смелее, смелее!

Она долго думала, даже покусала немного свой пальчик и, наконец, надумав, выпалила:

— Маму зовут "мама"!

— Да? Молодец, Ариадна, молодчина! Значит, маму зовут "мамой"?

— Да.

— Отлично. Тогда я буду так и звать ее — мать Ариадны. Не возражаешь?

— Н-нет.

— Прекрасно. Ну, с мамой мы чуточку разобрались, а теперь расскажи мне что-нибудь о папе. Как его зовут?

Ни слова в ответ.

— Так как папку зовут, Ариадна? Где папка-то твой?

— Сено собакам косит! — вдруг неожиданно, заученно выпалила Ариадна и, застыдившись, спряталась за спину улыбающейся матери.

Ну, теперь с отцом все было ясно. Даже слишком ясно. Присказка новая, а смысл старый. У одних отцы воду решетом носят, у других по зеленям бегают, а здесь вот, пожалуйста, сено родитель собакам косит. Все ясно было с отцом, и я ни о чем больше не стал спрашивать Ариадну. Я только потрепал ее курчавую головку и, улыбнувшись, ушел, не сказав больше ни слова, хотя и хотелось мне поговорить с ее матерью. Но я ушел молча, словно чувствовал: мы еще увидимся и наговоримся.

Да, потом мы часто виделись с ней, очень часто. Она устроилась к нам на работу, сняла квартиру в доме неподалеку, и я многое узнал о ней. Я узнал, что ее зовут Тамарой, но никогда я не называл ее по имени — так и осталась она для меня матерью Ариадны. Я узнал также, что она была замужем, разошлась, и вот уже четыре года живет одна с дочкой. Почти каждый день я видел ее на работе, подходил к ней при случае и говорил, улыбаясь, вспоминая первую нашу встречу:

— Мать Ариадны, здравствуй!

А она отвечала, тоже улыбаясь и чуть наклоняя свою курчавую голову:

— Здравствуйте, Олег Петрович, здравствуйте, зайчик.

А потом между нами начинался короткий двусмысленный разговор, в котором шутка перекликается с серьезностью, а желания мнимые с желаниями истинными.

— Так когда ты меня в гости позовешь, мать Ариадны?

— Да хоть сегодня приходите. Только вот жена ваша как? Отпустит?

— А то я спрашиваться у нее буду!

— Да ты-то не будешь, а она точно спросит: где был?

— Да, пожалуй, спросит. Тогда я отправлю ее куда-нибудь, в командировку, а сам к тебе. Пустишь?

— Пущу, зайчик, пущу, приходи только.

И мы расходились, смеясь, чтобы на следующий день опять случайно встретиться и вот так же весело поболтать. И может, ничего бы не случилось, может, болтали бы мы так месяц, другой, а потом, надоев друг другу, избегали бы многословия, ограничиваясь лишь приветствием, если бы жена моя не уехала вдруг действительно на полмесяца в командировку. Люблю ли я свою жену? Да, люблю. Даже очень люблю. Любим мы своих жен и... изменяем им. Изменяем, потому что любим. Странно? Нисколько. Именно любовь к женам толкает нас на измену: там, где нет любви, не может быть и измены, там некому изменять. А вот те, кто любит... Одни изменяют просто так, на всякий случай, боясь, что жена изменит ему первой. Другие... Впрочем, стоит ли теперь доискиваться

причины измены? Пожалуй, не стоит. Не в этом дело. Дело в том, что уже на второй день отъезда жены я, встретив на работе мать Ариадны, подошел к ней и уже без улыбки, совершенно серьезно сказал:

— Ну, мать Ариадны, можешь приглашать меня в гости — жена уехала.

А она тоже серьезно, без малейшей тени шутливости, ответила:

— Пригласить-то недолго. Ну а если увидит кто да жене потом передаст. Что тогда?

— Так я попозже приду, чтобы ни одна собака не залаяла.

— Если только попозже...

— Так я приду, мать Ариадны. Ждать будешь?

— Буду, как же не ждать...

И ушла она тогда. И я тоже ушел, в другую сторону. А вечером я пришел к ней домой. Я постучал в ее дверь поздно, в половине двенадцатого ночи, но она открыла мне сразу, она ждала меня. Оба мы были немного смущены, так часто бывает, даже если есть опыт в подобных делах, и чтобы не замечать краснеющих щек, мы потушили свет...

Две недели пролетели так, словно их и не было. В последний вечер перед приездом жены мы шутливо распрощались и также шутливо условились, что я буду заходить при случае.

Прошла и последняя ночь. Я ожидал приезда жены. Я начал думать о ней, представлять, как мы встретимся, как она поцелует меня, и я отвечу ей тем же. Мать Ариадны незаметно уходила все дальше и дальше, ее место опять занимала жена. Казалось, обычная история заканчивалась обычно: я не был уверен, что опять пошел бы к матери Ариадны, даже если бы жена уехала на полгода. Искра не огонь: она взлетела, ярко блеснула и... погасла навсегда, ее нельзя раздуть, как затухающий костер. Но все обернулось иначе: в конце дня я получил телеграмму, в которой жена сообщала, что задерживается еще на день. Сколько раз я потом негодовал на судьбу — зачем ей было угодно предоставить мне этот лишний день свободы? Но день был, и была ночь, и я снова пошел туда, куда ходил две недели.

Я пришел как всегда поздно, она на этот раз открыла не сразу. Мне показалось даже, что она немного взволнована, но я отнес это на счет незапланированной встречи. Я объяснил причину моего появления, и все вроде бы стало как прежде. Мы вошли в комнату, она собиралась тушить свет. Но она не успела сделать этого — в окно негромко постучали.

— Кто это? — встревоженно спросил я: впервые нас беспокоили в столь позднее время.

— Не знаю, — она пожала плечами, потом набросила на голову платок. — Пойду посмотрю.

Она вышла в коридор, через некоторое время я услышал, как там открылась и закрылась дверь, она вышла к воротам. И тут... Словно сам дьявол подтолкнул меня — я пошел за ней. Я тихонько вышел в коридор и притаился у двери. Я не видел ее, я не решился открыть дверь, но отчетливо услышал, как она спросила приглушенным голосом:

— Кто там?

А из-за ворот также глухо:

— Я. Открывай!

— Кто — я? — еще тише спросила она.

— Да ты что, Тамарка, не узнала, что ли? Это же я! Извини, припоздал немного. Открывай!

— Нет, не могу. У меня гости. Уходи.

— Ах ты... Ты же сама приглашала. Открывай, сука!

— Нет. Уходи. Завтра.

Боже мой, я все понял! Они еще продолжали обмениваться словами, но я уже ничего больше не стал слушать. Я все понял! Там, за воротами, стоял такой же искатель приключений, как и я. и, если бы теперь здесь не было меня, он занял бы мое место, и она дарила бы ему свои скупые ласки, а может даже, была

бы щедрее. Я забыл в ту минуту, что женат, мне казалось, что мать Ариадны должна принадлежать только мне, мне одному! В сердце мое словно вонзилась раскаленная игла. Не помню, как мне удалось услышать ее шаги, она возвращалась. Я быстро вернулся в комнату и сел к столу. Через несколько секунд вошла она, спокойная, безразличная.

— Кто это там был? — спросил я, едва сдерживаясь, чтобы не закричать, не вскочить, не затопать ногами.

— Не знаю, — ответила она, спокойно пожав плечами. — Кто-то заблудился. Спрашивал чей-то адрес, но я ничего не поняла. Наверное, пьяный. Будем спать? — закончила она с улыбкой и села на кровать.

Она улыбалась... Она улыбалась! Господи, мне было бы легче, если бы она смутилась, растерялась, покраснела, но увы — она улыбалась! Я вскочил со стула, подбежал к ней, замахнулся, намереваясь ударить ее, но не смог и только прохрипел:

— Ты... Ты!!! Я же все слышал! Он приходил к тебе! Ты звала его! Он же приходил к тебе, продажная тварь!

Больше я ничего не сказал, хотя был до краев переполнен гневными, колючими словами. Я просто не мог говорить больше. Я смотрел на нее, я ждал, что скажет она, и она не заставила меня ожидать долго. Она резко откинула в сторону подушку, которую держала на коленях, и заговорила зло:

— А ты что же, зайчик, думал, что ты у меня один? Думал, что единственный ты, да? Завтра жена твоя вернется, а мне, что же, ждать прикажешь, когда она опять уедет? Не придешь ведь ты ко мне завтра, зайчик, не придешь! И через неделю не придешь. Что, ждать мне прикажешь, когда ты жену сумеешь обмануть? Нет, зайчик, не буду я ждать, не хочу ждать, не могу я больше ждать! А в колодец, зайчик, не надо плевать, может, еще когда захочется напиться.

И ведь права она оказалась насчет колодца-то, ох, как права! В тот вечер я ушел от нее, не сказав больше ни слова, но через три дня снова пришел к ней. Жена моя была уже дома, я обманул ее, сказав, что задержусь на работе, я пошел к матери Ариадны, и она не прогнала меня. Она была спокойна, безразлична, словно и не было того злополучного вечера, а я? Я был вне себя! Я полюбил ее после того вечера, я ревновал ее к тому, кто стоял тогда за воротами, я ревновал ее даже к тем будущим искателям ее любви, я знал наверное, что они будут. Ах, как я был зол на нее! Что есть любовь, как не злость, и что есть злость, как не любовь. Я готов был разорвать ее на части — и любил. Я любил ее, и мне хотелось убить ее. Впрочем, это была, конечно, не любовь, это была искра, но она горела ярче костра. Самым страшным было то, что я не мог простить ей того, стоящего за воротами. Разум мой все понимал и прощал, сердце прощать не хотело. Я хотел понять — неужели в ее душе ничего не осталось, кроме безразличной погони за мужчинами? Стоит только одному уйти, как ей уже нужно искать другого, третьего. Я не хотел верить в это, а чтобы я не мог верить в это, мне было нужно, чтобы она сказала мне: "Люблю". Я знал, что после этого искра погаснет, и все-таки я жаждал, добивался этого слова.

Три месяца прошло после того злосчастного вечера, и все это время я ухитрялся бывать у нее один или два раза в неделю. Я стал дерзок в поступках, я бывал у нее даже днем, жена стала замечать мое странное поведение, и у нас было несколько неприятных разговоров. Я упорно добивался своей цели, но все было напрасно: мать Ариадны не гнала меня, она отдавала мне свое тело, но душа ее оставалась безразличной. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, мне кажется, я был готов на все, лишь бы она сказала одно коротенькое слово — "люблю" — но судьбе было угодно распорядиться по-своему.

В один из воскресных дней я, выйдя из дому, заметил соседскую девчонку, Лену, которая плакала, обняв невысокую березку, и давилась собственными слезами. Я не привык мешать детям проливать слезы: взрослым иногда хочется беспричинно поплакать, а что уж говорить о детях. Но на этот раз я почему-то

изменил своему правилу: я позвал девчонку, и, когда она подошла, поспешно вытирая слезы, спросил:

— Ну, что случилось, Лена? Почему плачем?

А Лена, размазывая по щекам крупные слезы, протянула:

— Ариадка-а... Уезжает-ет... — и заплакала еще пуще.

— Ну так и что? Что же ты плачешь, глупенькая? Вернется твоя Ариадка, никуда не денется.

— Не-ет, не вернется... Она насовсем уезжает, с мамкой. Навсегда! — Лена вдруг решительно вытерла слезы, даже притопнула ногой и прокричала: — И ладно! И пусть! Я тоже уеду с Ариадкой! Навсегда! Насовсем!! — и побежала прочь, сверкая голыми пятками.

Господи! Мне вдруг тоже захотелось вот также топнуть ногой и побежать, крича во весь голос: "Я тоже уеду с тобой, мать Ариадны! Насовсем! Навсегда!!"

Но я не закричал и никуда не побежал, потому что из дому вышла жена и позвала меня. Только на следующий день я, словно бы случайно, прошел мимо того дома, где мать Ариадны снимала квартиру, там уже хозяйничали другие жильцы.

Я не знал, что мне делать — радоваться или плакать. Я не мог ни радоваться, ни плакать, ничего не изменилось. Она не уехала, мать Ариадны, она осталась со мной, в моей душе, в моем сердце. И, словно бы в подтверждение этому, через неделю на мой рабочий адрес пришло письмо от нее. Оно было таким же коротеньким, какими были наши встречи.

"Здравствуй, зайчик мой, и прощай. Никогда уж больше не увидимся мы с тобой, далеко я улетела. Прости меня, зайчик, если виновата в чем перед тобой, за тот вечер прости. Не нужен ведь он мне был, кто приходил тогда, совсем не нужен. Назло я все тогда сделала, тебе назло. Представила, как ты с женой встретишься, как в постель с ней ляжешь, а я одна... Тайно отомстить хотела, а оно явью стало. За это прости меня. А за то, что приходил ко мне и после — спасибо. Знаю, за чем приходил, чего добивался, да что я могла сделать для тебя? Все, что ни сделала бы, во вред пошло, и тебе, и мне. Нельзя мне влюбляться при моем положении, никак нельзя. Троим я в своей жизни говорила: "Люблю". — все трое ушли, забыв навсегда. Не хотела я, чтобы и на этот раз также вышло, чтобы и ты меня забыл. Помни меня, зайчик, всю жизнь помни. Я забуду, а ты помни. Прощай, милый мой, и помни, помни, помни..."

Вот и все письмо. Сколько лет уже прошло с тех пор, а я все еще кричу беззвучно по ночам, обнимая жену: "Где ты, мать Ариадны? Почему я не смог понять тебя, почему не хотел простить? Вернись, мать Ариадны, вернись хоть на миг и ответь на мой вопрос. Он мучает меня, этот вопрос, ради Бога, ответь!"

Но напрасно кричу я, нет ответа. А как же моя жена? Я люблю ее. Я люблю ее по-прежнему. Нет, я люблю ее сильнее, чем прежде: я ищу в ней мать Ариадны...

АЛЕКСЕЙ КРИВЦОВ

Алексей Зиновьевич Кривцов родился в Белгороде в 1925 году. Фронтовик. Тяжело ранен, остался на всю жизнь инвалидом, лишившись ноги. Живет в Белгороде.

С детства любил читать, но сам писать начал в зрелые годы. Война оставила неизгладимый след, определила, в основном, тематику его стихотворений.

Первые публикации появились в 1974 году. Его стихотворения печатались в журнале "Подъем", коллективных сборниках, в газетах "Советская Россия", "Флаг Родины", "Слава Севастополя", "Белгородская правда" и др., вошли "Антологию современной литературы Белгородчины" (1993).

Алексей Кривцов — автор трех книг: "Война и цветы", "Перевал", "И всюду жизнь". Член Союза писателей России.

В МИНУТНОЙ ТИШИНЕ

Синело в дымке поле,
И думал я о том,
Какое же раздолье,
В котором мы живем.

Хотя и рядом немцы,
И сам я на войне...
Но мирно бьется сердце
В минутной тишине.

ПЕРЕПЕЛ

Мы тихо, замедленным шагом,
Шли будто бы мимо войны,
А перепел вдруг у оврага
Присвистнул среди тишины...
И грозное чувство тревоги,
Невольно затронуло враз,
Как будто на скосе дороги
Опасность оставила нас...

ПОМНЮ

Помню был мой день рожденья,
Я же думал не о нем.
За какое прегрешенье
Под губительным огнем,
Глядя в тьму, я слушал пенье
Пули ярой, разрывной,
Что с особым упоеньем
Жар в снегу гасила свой...
В двух шагах передо мной.

ВЬЮГА

Что значит — сбиться со следа,
Из виду потерять друг друга.
Не только пуля — иногда
Жизнь укорачивает вьюга.

Вмиг убаюкает бойца,
В снега раздольные упрячет,
Где ни начала, ни конца,
Лишь ветер одиноко плачет...

РОДНИК

Осталась круча меловая,
Из-под которой бил струей
Когда-то, радугой сверкая,
Родник с живительной водой...

Он утолял с тобой нам жажду
И многим даже жизни спас,
И может, кто-то не однажды
Об этом вспомнит и сейчас...

ПРОСТОР

Жене Кате

Наезжена дорога полевая,
Несет с тобой нас рыжий конь лихой.
А сани легкие, и снег, сверкая
На солнце зимнем, кружит над дугой.

Мы радуемся каждому пригорку,
Глухой ярушке, встретившейся нам,
С далеким прошлым —
славным, или горьким...
Мы кланяемся ветру и холмам.

Мороз слегка пощипывает лица,
Весь белый свет готовы мы обнять,
С просторами полей родимых слиться
И полной грудью весело дышать!

**День театра кукол в областной детской библиотеке.
Юрий и Татьяна Литвиновы.**

ЛЕОНИД КУЗУБОВ

Леонид Трифонович Кузубов родился на Белгородчине в 1929 году. Несовершеннолетним пошел на фронт, был ранен, награжден, окончил войну и был демобилизован как несовершеннолетний.

Автор более десяти книг. Его произведения переведены на многие иностранные языки. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России.

* * *

Ночь, как черный монах,
опустилась на степь.
В небе светятся ярко зарницы.
И как будто на миг я невольно ослеп.
Только слышу — воркует криница.
В чаще леса прохладою машет листва.
Слышен хруст обломившийся ветки.
В подсознанье моем оживают слова
Разговора в далекой беседке.
Неужели все было, как есть, наяву
Где-то там за горами высокими.
Я туда постоянно душою плыву,
Где с тобой были не одинокими.
Лучезарное солнце смотрело на нас,
А в глазах твоих — лето искрилось.
Отчего же мне грустно
и больно сейчас,
Оттого ль, что давно я бескрылый?
Ночь, как черный монах,
отойдет, отомрет.
Лес волшебною сказкой предстанет.
И твой образ,
далекий и милый, мелькнет
Предо мною, как птица в тумане...

* * *

Каждой матери свое дитя дороже,
И красивей всех, и всех милей!
Почему же я с годами строже
Отношусь к поэзии своей.
Может, потому, что я старею
И лукавить в жизни не могу!
Ощущаю с каждым днем острее,
Что один стою на берегу.

* * *

Входи в мой храм четверостиший,
И созерцай покой души.
И к Богу станешь ты поближе,
Но только в жизни не греши!

* * *

Никакой не отвергаю **веры**...
Никому я не желаю зла!
Никаким министрам я не верю,
Люди, как кривые зеркала!

СТАЛИН И РОКОССОВСКИЙ

Над морем чайки вскрикивали славно,
Нарвал букет отборных Сталин роз
И Рокоссовскому с улыбкою державной
На южной своей даче преподнес.

Стер кровь с ладоней Сталин,
улыбнулся,
— Я слышал, вы три года были *там*?
— Товарищ Сталин, я живым вернулся.
— *Такой* вы непременно нужен нам!

* * *

Человек — хитрей лисицы,
Но не хочет засветиться!

* * *

Артист не может быть артистом,
Не будучи *опохмелистом*!

* * *

Твердят:
"В России началась конверсия"
А я-то вижу, что идет диверсия!..

* * *

Иные Указы,
Страшнее заразы!..

* * *

Свободу слова и свободу воровства
В России — узаконила Москва!..

* * *

В селе. От лампочки Ильича,
Перешли к лучине Горбача!..

* * *

Какого б ни избрал народ Главу,
Приспособленцы будут на плаву!

* * *

Не надо Сталина тревожить,
Не надо тень его марать.
История — все подытожит,
А не какой-то пришлый **тать**!

* * *

Партократы! Демократы!
Пред Россией виноваты!
А мужик, что пашет поле,
До сих пор еще в неволе!..

* * *

Давно уж — **доллар-ростовщик**,
Разбойничает на планете.
Так мне сказал седой старик, —
Грядет в России лихолетье!..

* * *

Меня качает от реформ,
Как будто тяпнул самогона.
Ликует сытый забугор,
Что у руля — хамелеоны!

* * *

Поэтический дар — наказанье
За грехи, не содеяны мной.
Лучше дал бы мне Бог указанье —
Не писать, оставаясь собой!

* * *

Пятая колона щелкоперов,
Всем известен их крысиный норов.
Выползли они из подворотен,
Трутни, проходимцы, оборотни!

* * *

Кто в России демократ?
Проходимец! Плутократ!
Развелось хамелеонов
От Курил и до Карпат.

* * *

Лучше сто построить хижин,
Чем один красивый храм,
Лучше раз иметь бы ужин,
Чем молитву по утрам.

ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ

Виктор Лебедев родился в 1939 году в Белгороде. С детства увлекался литературой. Особое влияние оказало на него творчество великого русского поэта Сергея Есенина.

Печатался в районных и областных газетах. Основная тема его стихов — любовь к Родине, к родной природе. В последнее время в его стихах чаще ощущаются гражданские мотивы.

ЗЕМЛЯКУ

Памяти Героя Советского Союза Василия Адонкина, уроженца с. Хохлова.

Летчик–герой Адонкин,
С возрастом — двадцать пять,
Мне б, твоему потомку,
Плечи твои обнять.
Я пятьдесят осилил —
Сын у меня, как ты...
Словно в росе, Василий,
Памятные цветы.
В небе всегда отчаян,
В сером ли, голубом,
Родину защищая,
Принял неравный бой.
И на далеком Севере
Чувствовал на лету,
Ты лугового клевера
Спелую теплоту.
Бой за святую правду,
Дерзостный, роковой...
Где вы, хохловские травы,
Где ты уют стоговой?
Здесь, проходя по лугу,
Пригорками по ночам,
Из родника подругу
Пригоршнями угощал.
Нам завещал посмертно:
Дружбой не пренебречь,
Больше всего на свете
Землю свою беречь.

РАЗДУМЬЯ

У бывшего Дальнего парка,
У серых могильных плит
Всегда мне становится жарко
От мысли, что был бы убит.
Смотрю на медь пьедестала —
На женщину с малышом...
Вот так и меня б не стало —
Сегодня б сюда не пришел.
В далеком году сорок третьем
Я был таким же, как он,
Маленьким, безответным,
Трех с половинкой годков.
От голода мы синели,
Кору я деревьев грыз,
Орал под крыльцом-колыбелью
Под вражьей бомбежки свист.
И если б, идя по следу,
Нашли бы нас полицаи,
Были б сейчас мы медными,
Усыпанными цветами.
Лежал бы я здесь. И точка.
Ни радости и ни боли...
Не родилась бы дочка —
Пожизненная любовь.
Смотрю на медь пьедестала —
На женщину с малышом...
Дочка с глазами талыми
Отбросила капюшон.
В этом святом прозрении
Ты тополиную тишь,
Травинку и сердебиение
Вместе со мной услышь.

РАССКАЗАЛ БЫ ЕМУ...

Размышление на празднике Победы

Жена погладит мои мозоли,
Придвинет кружку молока,
Краюху хлеба посыплю солью,
Отца припомню фронтовика.
Вот если б мы сидели рядом,
Что рассказал бы я о житье?
О суете арендного подряда?
О хозрасчете и о питье?
Я прошептал бы ему о том,
Что языки поразвязали,
По субботам банимся гуртом,
О дороге в область написали.
Что бывали с хлебом перебои,
Нету долго шиферных гвоздей,
Что на севе не было запоев,
Так что нынче — все, как у людей.
А живу я в доме, что у фермы,
От дороги неподалеку.
И к покосу проведут наверное,
Телефон как передовику.
Рассказал бы явно с удовольствием,
Что колю кабанчика зимой.
И программу я по продовольствию
Выполняю, батенька ты мой...
Замолчал бы я, и отдышался,
Глянул бы в отцовские глаза,
Вышла бы жена, чтоб не мешаться,
Мужикам ни слова не сказав.
...Заскрипел бы под столом протезом,
И пустой поправил бы рукав,
И ни зла б не выдал, ни протеста,
На плечо легла б его рука.
Он сказал бы: — Хорошо ты пашешь,
Жизнь у вас — живи — не умирай.
Помни, сын,
что по сравненью с нашим,
Перестройка — настоящий рай.

ВЕЗЕЛКЕ

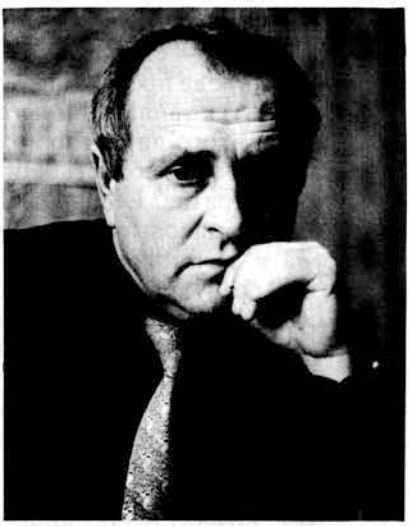
Речке моего детства

Дорогая моя,
Речка-фронтовичка,
По военным полям
Носила водичку.
Остудили отцы
Жаркие винтовки,
А на горле концы
Горя-голодовки.
А кругом про запас —
Тиф да голодуха,
Была солнцем для нас
Черная макуха.
По утрам поскорей
Схватывал корзину,
И рыбешкой твоей
Набирал я силу.
От прошедшего нам
Никуда не деться,
Никогда не предам
Фронтового детства.
Не мельчаешь во мне,
Речка-фронтовичка,
На военном огне
Кипела сестричка.
Где вы, плесы мои,
У любимой кладки?
Вижу ваши вдали
Голубые пятки.

ВЕТЕРАН

Фронтовику А.П.Канищеву

С ним пожизненно осталась
Распроклятая война,
На ветру располыхалась
Ветерана седина.
И с годами все больнее
Его памятная грусть...
У березы на колене —
Будто гипсовая хрусть.
На окраине поселка
Оборону он держал,
Чуть поодаль, у Везелки,
Окровавленным лежал.
Он в разведку через мины
Проводил своих ребят...
На морозе плечи ивы,
Как суставами хрустят.
Капли пота приостыли,
Застегнул воротничок...
Громыхает холостыми
На ветру березнячок.
Многотрудные дороги —
Пол-Европы напролет...
Потому сегодня ноги,
Будто свежий гололед.
Просыпаются все чаще
Вехи памяти его...
Никогда не быть молчащей
Его точке огневой.

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ

Живет в Шебекино, работает в районной газете. Его рассказы публиковались в периодической печати. А.Тарасов — автор книги прозы "Соседи". В публикуемом рассказе сохранена авторская лексика, дающая представление о культурном уровне его героя.

Рассказ

КОЛЕСА ШТАТОВСКИЕ

Кипишует быдло, бьются бараны в одни и те же ворота, блеют: новые русские продали Россию! Рога уже давно поотлетели, а они все никак врубиться не могут, что на новых русских все сейчас держится. Ученые-экономисты, наверное, тыщу лет базарят: торговля — двигатель прогресса!

Я уже не помню, что я сам когда-то кончал — какую, так сказать, едрени матэр, но, клянусь мамой, до сих пор я держу в собственной башке лысого, замшелого заморыша — то ли профессора, то ли доцента, — который тогда долбал, как дятел, что, мол, в одной книжке даже Сталин писал: торговля — двигатель прогресса. Понял? Сталин писал! А его мой родной пахан очень даже уважает. Какие же к нам теперь претензии?

Да, я новый русский! Да, я торгую! Чем? Вопрос, скажу прямо, сложный. На него так сразу и не ответишь. Хотя помнишь, как Президент наш базарил? Делайте, мол, все, что не запрещено! А что у нас сейчас запрещено? И кем? То-то... Я лично продаю многое из того, что пахан мой продавал, когда был секретарем обкома. А что он продавал, я честно скажу: не помню! Пахан мне много кое-чего передал и научил многому. Пахан мой умный человек, но хорек: долдонит мне, как пономарь: ты, — базарит — чего деньгами сориш? Ты им счета не знаешь!

— Ну, не знаю! Ну и что? А откуда мне знать, если у меня на предприятиях для того директора сидят, чтобы все знать. Не хватало, чтобы я еще башку себе всякой мелочью забивал! Я бизнесмен! А они пусть считают. У меня и без того забот — полон рот. Я вот никак, например, не пойму: чего быдло кипишует? Что им надо? Правда, на моих предприятиях не кипишует. Я

хозяин! Ко мне недавно, да как я только из Греции приехал, подходит один мой директор, не помню, правда, блин, какого предприятия, и базарит: быдло, мол, кипеш собирается поднять.

— Зачем? — спрашиваю.

— Да вроде просят заплатить за работу чего-нибудь.

— Ну, так заплати им чего-нибудь.

После этого директор ко мне больше не заходил. А в Грецию я зря ездил! Поверил: в Греции все есть! Ни хрена там путного нету! Море? Так на Канарах оно лучше. Жратва? Ее и в России — хоть в три горла пхай. Телки? А что телки? Они везде одинаковые. Единственное светлое воспоминание от той поездки — это когда я в самолете хохму отмочил. То был прикол! Только это, значит, самолет в воздух поднялся, как стюардесса, качественная, должен заметить, телка, объявляет: "Уважаемые пассажиры! Во время полета попрошу в салоне не курить. В противном случае штраф 200 долларов!"

Я как это услышал — чуть с катушек от ржачки не съехал. И тут же закурил! Греки да итальяшки всякие на меня шары вывалили — не поймут, видно, ни хрена. А стюардесса (качественная, блин, телка!) сразу же ко мне: "Я же вас, господа, предупреждала!.. Платите штраф!.."

А я ей сначала молча — тысячу, а потом базарю: сдачи, мол, не надо.

Это нужно было видеть: она, блин, обалдела! А я сижу, на мне, представляешь, прикид: пиджак красный, колеса (*туфли — А.Т.*) штатовские! И закуриваю я новую сигарету. Телка, естественно, в трансе и не знает, что ей дальше делать. Постояла, повосторгалась мной и к пилотам двинула. Не знаю, что они там базарили, но только ко мне больше никто не подходил. А я больше и не курил: интерес пропал.

Я вообще человек азартный, люблю, когда в жизни интерес есть. Я и в картишки, и в рулетку — все на интерес! Мой пахан человек умный, но хорек, долдонит мне, как пономарь: чего ты, — базарит, — подлец, всегда светишься? Ты, — базарит, — концы прячь, не рисуйся попусту.

А от кого мне прятаться? Я в гробу всех видал! Я человек азартный, люблю когда интерес есть.

У меня и отпрыск мой Эдуард... Не помню, хоть убей, блин, от какого брака же он у меня — от третьего или от пятого?

Ну да ладно, неважно.

Главное, что Эдуард весь в меня! Он тоже человек азартный, без интереса жить не может. Тоже недавно: ох, и номер отколол! Оказывается, Эдуард в такой же едрене матэр, как и я когда-то, учится, на юриста. Спрашиваю его: "Зачем это тебе нужно?" А он... А он... Представляешь?.. Ну, блин, не могу!.. “Хочу, — базарит, — законы знать”. Я, блин, чуть не сдох! Меня чуть кондрат не хватанул! Какие, спрашиваю, у нас могут быть законы? Твой дед, — базарю, — умный человек, хоть и хорек, так он знаешь, что все время долдонит? А то долдонит: у нас, мол, всегда был, есть и будет один закон: тот прав, у кого больше прав. А у кого больше всего прав? У того, кто счету своим зеленым не знает. Усек? — спрашиваю. А Эдуард в ответ: брось, мол, бать, фуфло толкать, я, мол, сам лучше тебя и деда знаю, чего мне в жизни надо, а чего не надо. У меня, — базарит, — в жизни интерес должен быть. Я в университет знаешь как поступил?

— Как? — спрашиваю.

— А так: у нас, как ты знаешь, в городе ни одного путного кабака нет. Надоели эти бордели — хуже горькой редьки. Вот я и решил развлечься, в университете побалдеть. Телок там — тьма! На любой вкус. И все ум-нень-ки-е! Надоели мне дуры.

— А поступал ты, спрашиваю, как?

Он, вижу, даже обиделся на меня за такой дебильный вопрос, посмотрел как на мамонта, а потом базарит: "Отдал бабки — и все!"

Я очмонел: во башка! Весь в меня! Из любой ситуации выход найдет. Он, блин, представляешь... И экзамены не сдает! Я его спрашивал: "Сдаешь?" А он

мне: "Ты, бать, хоть мне бабки и выделяешь, но вконец обурел. Я бабки, — базарит, — плачу. Понимаешь? Плачу! Зачем же мне свою башку всякой чепухой забивать?"

Логично! Весь в меня! Горжусь я им. Только жаль, блин, что забыл я, от кого он у меня — от Натэлы или Эльвиры? А впрочем... Главное — весь в меня! Красоту он, как и я, тоже здорово понимает. У него, представляешь, прикид: пиджак красный, колеса штатовские. За его будущее я спокоен.

Я вообще жизнью сейчас очень доволен. Не пойму только, почему быдло кипишует? Мой пахан, человек умный, но хорек, по этому поводу долбит, как пономарь: вы, — базарит, — новые придурки, и сами жить не можете, и массам не даете. Интересуюсь иногда у него: как же это, мол, мы быдлу жить не даем? Им дана свобода слова, действий. А пахан в ответ: вы щелкоперы, а не хозяева. Мы, — базарит, — в свое время хоть идеями их кормили, а вы их и этого лишили. Я с паханом не согласен. Стар он стал, не просекает ситуации. Неужели непонятно, что мы ведь только-только начинаем жить по-человечески? Мы ведь торгуем! Чем? Я ведь уже базарил: не важно! Важно, что мы усекли главное: торговля — двигатель прогресса! Мы, новые русские, народ прогрессивный. в наших башках всякие державные предрассудки не держатся. Мы к западной культуре на всех парах несемся. Среди нас, новых русских, сейчас лишь один на весь мир знаменитый певец имеется, но скоро станет таких гораздо больше. Это понимать надо! И когда быдло это поймет, тогда оно начнет умно прикидываться, и тогда наступит то, ради чего мы сейчас мучаемся. Представляешь, какая будет красивая, блин, жизнь: все в красных пиджаках, колеса штатовские...

Октябрь 1996 года. Классный час, посвященный памяти С.С.Косенкова проводит преподаватель Государственного колледжа культуры и искусств В.Н.Колесник.

ДМИТРИЙ МАМАТОВ

Дмитрий Акимович Маматов родился в 1931 году в селе Призначном Прохоровского района, в крестьянской семье. Окончил среднюю школу, работал в родном колхозе. После десятилетки служил в армии, работал на производстве, затем — художником в областных газетах.

Первые стихи опубликованы в "Курской правде" (1949). Печатался в армейских, районных, областных, центральных газетах, в журнале "Подъем", в коллективных сборниках "Рукопожатие", "Слово"; несколько стихотворений Дмитрия Маматова вошли в "Антологию современной литературы Белгородчины" (1993). Он автор книг — "Вечерний разговор", "Добро", "Раздолье", "На острие судьбы".

Член Союза писателей России.

У КОЛОДЦА

Когда ведро бросаю я в колодец,
Холодной цепью утренней звеня,
Там из воды кривляется уродец
И пьяный шут, похожий на меня.
Но лишь на круг сойдет успокоенье,
Хрустальный ключ уляжется в кольцо,
Исчезнет безобразное виденье
И засияет доброе лицо!
Открытый взор с надеждой вперемешку,
В глазах колючий затаенный бес,
И я люблю глядеть на ту усмешку
На фоне опрокинутых небес.
В лазури их всевышнего завета
Я благодарен богу и судьбе,
Что есть мой шанс в бореньях тьмы и света
Послать улыбку самому себе!

ТИШИНА

Отзвенел золотой колоколец
В предосенней густой синеве,
Тишина опустелых околиц
Заплуталась в пожухлой траве.
Там, где лето дары возносило,
Спит безмолвный песок на мели,
Да ютится господняя сила
На рассветах угрюмой земли.
Словно с давних времен и поныне,
Напоенные красным вином,
Две рябины стоят, как рабыни,
Под моим одиноким окном.
Дорогие рябины-подружки,
Я вернусь из-за гор и морей
И зарею на ваши верхушки
До весны водружу снегирей.
Все тревоги и горе замну я,
Будто званый и радостный гость,
И последнюю песню земную
Положу на поникшую гроздь.

БЕСПРИЮТНОСТЬ

Как горька она, скуки минута,
В эту позднюю слякоть и стынь!
Ни уюта нигде, ни приюта
В уголках заповедных святынь.
Свищет ветер надсадно и тоще,
Словно призрак незримых погонь,
И горит на осиновой роще
Предзакатный багряный огонь.
Околдованы песней печальной,
Стынут ивы, над плесом склонясь,
И с землей паутинкой случайной
Держит лето бессмертную связь.
Зажигает угасшие взоры,
Прославляя свое ремесло,
Чтобы время за синие горы
Журавлиную грусть унесло!

ЛЕТО

Я люблю случайные ночлеги
В придорожном клеверном стогу,
В теплом сене брошенной телеги
На сухом далеком берегу.
Под шатром овинной старой крыши,
Где стропило ветхое торчит,
Да полет ночной летучей мыши
Колыбельным таинством звучит.
Там, где ночь, зарю провозглашая,
Черноземной пахнет бороздой,
Улеглась Медведица Большая
На хвосте с Полярною звездой.
Где беспечно месяц ходит кругом
Средь небесных рангов и верхов,
Млечный путь всегда к моим услугам
С вечным блеском песен и стихов.
Там, где рожь колышется стеною,
Синь волной свивается по ней,
Из тумана слышится степное
Ржание стреноженных коней.
Коростель под шепоты березки,
Словно он, как соловей поет,
Колесом несмазанной повозки
Мне уснуть минуты не дает.
Но покой царит в медвяном лете,
Пахнут зори сеном на возу
И на нем в сиреневом рассвете
Я стране поэзию везу!

ОСЕННЕЕ

В реке осенней гулок плеск парома,
Усталый мост причудлив и горбат,
Вот-вот сорвется первый лист у дома,
Когда ударит осени набат.
Дожди размоют сельские дороги,
Рыбак под крышу спрячет невода,
И забурлит в пути коню под ноги
С доспехов лета ржавая вода.
Пора прощанья
в медленном движеньи
Свой поведет невидимый учет,
И звон листвы, как сказки отраженье,
На мой алтарь осенний потечет.
И я молюсь,
чтоб в жизни, как бывало,
На день грядущий, словно на века,
Из тьмы ночей меня благословляла
Звездой рассветной ангела рука.
Чтоб мгла над ней небесная редела,
Судьба звала за долы и моря
И вознеслась до высшего предела,
Земли бессмертным пламенем горя!

ЮНОСТЬ

Не менял я в юности фасоны,
Равнодушно их переживал,
Если только дедовы кальсоны
На штаны себе перешивал.
Проверял я их на прочность ногтем
Под задор и творческий накал,
И, покрасив их каким-то дегтем,
В них девчат красивых завлекал.
Васильки качались на гармони,
Из-под кепки кудри до бровей,

А сквозь песни лихо мчались кони
Самых восхитительных кровей!
Вечерами белых яблонь вьюга
Улетала из моих стихов,
И веселье не сходило с круга
До библейских третьих петухов!
Все кружилось в танцах невесомых,
Жизнь была светла и не пошла,
Но куда-то в дедовских кальсонах
Эта юность гордая ушла.
Улетела с перекатной голью
В путь далекий с ветхой бечевой,
Лишь оставил от костров уголья
На дорогах табор кочевой.

ЗВОН

Снова радостный звон и уют
У сиреневой старой калитки,
И опять мне уснуть не дают
По ночам соловьиные пытки.
Но однажды все смолкнет окрест,
Час пробьет мой, угрюм и неровен,
Буду я под лопатный оркестр
В тишину, как в гранит, замурован.
Не услышу родных деревень
С облетевшим осенним левкоем,
Лишь бездомного ангела тень
Пронесется над вечным покоем.

РОДНИК

Жил родник, бескорыстный и чистый,
И беспечный, как смех молодой,
В зимний день и порою росистой
Шли селяне к нему за водой.
Забывая раздоры и дрязги,
Называли то чудо родным,
Но зловещие гусениц лязги
Раздавались все чаще над ним.
Чуя смерть, словно чудо живое,
Ключ впадал в неуемную дрожь,
И однажды свое роковое
Дело сделал бульдозерный нож.
Обмелели окрестные реки,
С берегами простилась вода,
И в серебряном горле навеки
Запеклась человечья беда.
Там пчела не находит нектара,
По весне соловей не поет,
Лишь на кочке влюбленная пара
До рассвета резинку жует.

ПОВЕРЬЯ

Весенний гром упал на крышу
Родного отчего жилья,
Кого я первого услышу —
Кукушку или соловья?
Что принесет сорока к стогу,
Куда промчится черный кот,
И кто мне раннюю дорогу
С ведром порожним перейдет?
Храня извечную причуду,
Раздастся ведьм загробный вой,
И в час ночной к добру и к худу
В трубе засвищет домовой.
Родные, милые поверья
Моих крестьянских давних дней!
Да скрипнет мне фортуна дверью
Рассветной хижины моей!
Я улыбнусь ей, как подружке,
И полетит во все края
Тоска сердечная кукушки
С душевным жаром соловья!
Вновь золотая солнца проба
Зажжется на земной оси,
И буду счастлив я до гроба
В объятьях сказочной Руси!

ПРЕДЗИМЬЕ

Тонкий месяц увяз
В перелете утином,
Что ты, лес-богатырь
Неутешно грустишь,
Держишь, нежно окутав
Небесным сатином,
На руках обнаженных
Озябшую тишь?
На былинном дубу,
Над лесною сторожкой
Запоздалые птицы
Слетелись в кружок.
Свет июньский храня,
Подпоясан дорожкой,
Под туманной папахой
Склонился стожок.
Тихо едет лесник
На понурой лошадке.
Спор нарядных сорок:
Все им что-то не так.
В опустелом гнезде,
Словно в нищенской шапке
Лист опавший желтеет,
Как медный пятак.
Этот символ тоски,
Чудный жертвенник божий
За ветрами сырыми

Хранит свой покой,
И на поздней дороге
Какой же прохожий
Не вздохнет над бессмертием
Сказки такой!

СЛУЧАЙ НА ПАРАДЕ

На праздничном
торжественном параде,
Где маршал в бронзе оседлал коня,
Шел ветеран во фронтовом наряде,
На всю страну медалями звеня.
Бурлила площадь, кумачом алея,
Толпа в упор глазела на вождя,
Упал старик напротив мавзолея
И умер, до бессмертья не дойдя.
Как будто он прижал к брусчатке ухо,
Чтоб слушать поступь грозную веков,
А мимо шаг парад чеканил глухо
Под вечными знаменами полков.

ШУЛЬЖЕНКО

Над поляной в бешеном круженье
Сеет смерть стервятник заводной,
А в землянке пение шульженье
Клавдии Ивановны родной.
Льется песня прямо в грудь солдата,
О любви оборванной моля,
И от взрыва с третьего наката
На пластинку сыплется земля.
Пулеметчик юный хмурит брови.
Лихо каска сдвинута на нем.
На платочке синем капля крови
Пламенеет местью и огнем.
Словно лодка счастья на причале,
Голос с Волги, Дона и Донца:
"Эх, Андрюша,
нам ли быть в печали..." —
Льет бальзам на русские сердца!
И назло любым свинцовым бурям,
На привалах весело бойцам,
Где звучит мотив "Давай закурим...",
И кисет по кругу ходит сам!..
Вот опять по этой жизни бренной
Ходит мир, тревогою дыша,
И к пластинке радужной, бесценной,
Словно к солнцу, тянется душа!
И поет, поет, не увядая,
С огоньком святого соловья
Клавдия Ивановна седая,
Молодость военная моя!

РУКИ

Стук вагонный по чужому полю.
Путь неблизкий, скорбный и прямой.
Увозили девушек в неволю,
В черный зев Германии самой.
Конвоиры, надрывая душу,
Все святое превращая в прах,
Вразнобой пиликали "Катюшу"
На губных гармошках в тамбурах.
Над составом ласточки летали,
Словно птичью чувствуя вину,
И девчонки косы расплетали,
Чтоб достойней встретить седину.
Возвратились все они едва ли,
И в краю, что близок и знаком,
Им такие прозвища давали,
Что не скажешь русским языком.
А потом на Беломорканале,
На колымских рудниках своих
Их, седых, покорных, доконали
Те, что прежде предавали их.
Там, где пели исповедь все ту же,
Кто на свете самый главный бог,
Был ничуть немецкого не хуже
Свой, **советский**, яловый сапог.
Где была кровавая пирушка,
Смерть собой являла торжество,
И сидит передо мной старушка
Отголоском времени того.
С глаз потухших не слетает мука,
Руки в узел скручены, немы, —
На одной отметка Равенсбрюка,
На другой наколка Колымы.
По увядшей лагерной мадонне
Плачут ивы, только и всего,
И тепла не знавшие ладони
Не ласкали сами никого.
Скоро, в час трагической разлуки,
Смолкнет стук колесный позади,
Охладеют меченые руки,
Успокоясь тихо на груди.
И на них без горести и мщенья,
Обо всем прошедшем не крича,
Как с небес господнее прощенье,
Свет прольет бессмертная свеча.

РОМАНС

Ушли мои годы, как ливень в песок,
Страницы былого листая,
И снова по Родине наискосок
Летит журавлиная стая.
И снова отрада, любовь и тоска
Сбиваются с вечного круга,
Лишь гуще и пуще метет на виски
Черемух весенняя вьюга.

И омут далеких любимых очей
Не ищет страданий истока.
Ах, юность
шальных соловьиных ночей,
Зачем ты так зла и жестока!
Идешь ты опять по дороге земной,
Страницу храня дорогую,
В заветные дни наигравшись со мной,
Ты ищешь забаву другую.
Опять всколыхнешь
в чьей-то юной крови
Признанья и жаркие речи,
И в светлом
таинственном храме любви
Зажгутся за здравие свечи.
Но я не ищу за тобою погонь,
Рукой мы помашем друг другу,
Я счастлив,
что вел нас тот райский огонь
По самому адскому кругу.
Угаснувший свет не корю, не виню,
Вздохну о нем грустно и чутко,
И где-то навстречу грядущему дню
В ночи расцветет незабудка!

КОЛОСОК

Устелю свои сани коврами,
В гривы конские ленты вплету,
Пролечу, прозвеню бубенцами,
И тебя подхвачу на лету.
Чтобы кони заливистей ржали,
Погоню их степной целиной...
Эту песню мне пел каторжанин
После срока в полжизни длиной.
Музыкально-тюремного слуха
Предостаточно было при нем,
И синела в бутылке сивуха
Самым свойским и жгучим огнем.
Нежно вьюга певцу подпевала
За холодной, угрюмой стеной,
И воспитанник лесоповала
Пережитым делился со мной.
Он не вор, в отупении грозном,
Из обреза стрелявший в висок,
А мальчонка, на поле колхозном,
Подобравший ржаной колосок.
Ну, а дальше во всем своем блеске,
В забайкальской глухой стороне,
Не скупился закон на довески,
Заменявшие волю стране.
И с поклоном решетчатой раме,
Словно там он осел на века,
Устилал свои нары коврами
Из портянок со штампом "зк".
Похлебав этой прелести много,
Он прибился к родному огню
И, как друга, ни шибко, ни строго
Я за это его не виню.
И мои были годы упрямы,
Где я камнем катился с горы,
Через кочки, ухабы и ямы
Тарахтело все в тартарары!
Благодарен лишь сельской глубинке,
Где ковчег ни велик, ни высок,
Да тому, что на детской тропинке
Не попался ржаной колосок!

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Цвет неба мглист,
тревожен шум берез,
Земля от бурь устала до предела,
И ветра свист пронзителен до слез,
И омут чист, и роща облетела.
Разлив дорог, но чья же в том вина,
Что жизнь на них не пела, а кричала,
Что на ухабах доскрипит она
До самого печального причала.
Ну что ж, в ушедшем Бога не коря,
Уйду, отбив расколотую склянку,
Туда, где осень бросит якоря
На тихую и вечную стоянку.
Там сыч утробный с ветхой каланчи
Заплачет, словно странник ниоткуда,
И гордый демон в пасмурной ночи
Слетит с небес и явится, как чудо.
В том ритуале, вечном и простом,
Подвластно будет все метели белой,
И загорится над моим крестом
Холодный свет звезды заиндевелой.

НАШИ ГОСТИ

ИРИНА МИРОНЕНКО

в переводах с украинского Виталия Волобуева

Ирина Дмитриевна Мироненко родилась в 1960 году в селе Новая Водолага Харьковской области. В 1983 закончила филологический факультет Харьковского университета. Работала корреспондентом газеты Харьковского велосипедного завода.

Публиковалась в украинских газетах и журналах, участница VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (1984). Член Союза писателей Украины.

Автор книги стихов "Жіночий танок" ("Женский танец") (Киев, 1984).

Живет в Харькове.

* * *

На меня ты смотришь
сквозь завесу веток,
солнечные зайчики
пляшут меж ветвей,
Обернись:
ты видишь — через греблю лета
Катится телега детства, мы — за ней.
Ты успеешь вспрыгнуть —
ты же очень сильный,
до моста доедешь и — бегом назад,
А меня накроет пеленою пыльной,
ты вернешься, глянешь —
только вербы в ряд.
Стану я взрослее,
но покуда лето,
дать бы волю детской
дерзости своей —
на тебя вот глянуть
сквозь завесу веток...
Солнечные зайчики
пляшут меж ветвей.

* * *

Все чудесно
по меркам обычных буден,
как буднично все
по меркам чудес.
Оркестра где-то начищены трубы,
мушкетер опирается на эфес.
А старые березы —
подростки-девчонки,
у них с ветром
своя музыка.
Постойте!
Это ж разные системы отсчета:
шпаги, шлейфы, блестящие пуговки —
и платки цветастые,
расписные кувшины.
Но глаза, словно две тернины,
так и просится в песню дивчина,
дух захватывает —
с Украины!
Шляпы прочь!
Ее босоногость

мчится тропкою за огород,
и подсолнухов
солнечную медовость
выцеловывает
маковый рот.
...Мушкетеры ботфорты сбросят,
королевна — хозяйка граблей,
будут сено грести на покосе,
что душистее нет на земле.

* * *

Жила по соседству
с говорливым проспектом
сельская улочка в несколько домиков,
я не знала о ней
до этого вторника
ничего.
И вот заблудилась.
Стайка птиц домашних резвилась,
разыгрались в пыли воробьи,
да на стуле дед
думал думы свои,
и думам в такт качал головой.
Я, стесняясь привычки негородской,
не поздоровалась с дедом этим,
который знает обо всем на свете,
даже то,
что краны — почерневшие аисты,
что летели долго,
не зная усталости,
издалека.
Из его юности.

* * *

До царя Панька?
Нет, до деда Панька
земля была, словно блин тонка.
И как первый блин,
не такой уж ровной,
чтобы лужи дождь
мог налить огромные.
Так вот. До соседа деда Панька
была наша улица мягким-мягка.
И лишь к декабрю
твердела немножко,
а то круглый год увязали сапожки
в сугробах да листьях,
в траве да песке...
Натоптали дорожку —
и пошли налегке...
А вот возвратились не все
и не скоро.
Тонули в песке
каблуки и "платформы".
А земля, как и раньше —
уж так мягка,
только тоньше,
чем до того Панька.
Каждый, кто шел,
уносил на ботинках
улицы этой
родную песчинку.

"ОЙ, У ВИШНЕВОМУ САДОЧКУ..."

I.

Деду песен хватало —
до сих пор не вышли,
и на летний вечер —
усталой маме.
Вроде знаю слова —
запоются сами,
а успею нарвать
лишь ведерко вишен.
Тороплюсь руками, а слово веду,
пока голос справляется:
"Цви-и-те-е..."
Отцвело уже столько в моем саду,
да во всем ли завязь укрыта?

II.

Вот и лестница,
чтобы на вишню влезть,
кружки белые чуть помяты,
кружки белые, словно две хаты
нам с тобой достались на этой земле.
Вишни спелые выше,
не пою, а кричу,
хоть хватайся за небо
или вниз головой,
только дважды
"Копав криниченьку"
не пой —
это — словно припасть к твоему плечу
враз на утренней и на вечерней заре.
А тебя — словно ягод — столько,
что всего никому не забрать,
а только
знать, что все еще там,
наверху,
на горе...
И ни взглядом, ни голосом не одолеть
высоты
(слава богу, а то до греха то...)
На веревочке кружка,
как я на веревке у хаты,
и все лестница глубже и глубже
во влажной земле.

* * *

Где пропахли ветры пшеницей,
Любовался девушкой вечер,
И слетались песни жар-птицами,
И садились тихо на плечи.
Одарила земля и силою,
И любовью своих сынов,
Кто-то первым вымолвил: "Милая",
И впервые принес колосков.
Как легко было все и непрочно,
Из души рвалось к синеве,
И барахталось солнце-квочка
В придорожной траве-мураве.
И девичий рушник, словно радугу,
Он один привязал у седла.
Я такой растерянной, странною
Никогда еще не была.
Вышью песню порою вешнею
Из клубочков собранных слов,
Помудревшею, подобревшею,
Принесу тебе колосков.

* * *

Далече где-то в теплых-теплых снах
Иду по травам в дедовых обутках...
И солнце землю трогает как-будто,
И вечер маттиолами пропах.

А мне еще успеть бы на большак,
И деда на коне встречать с работы,
С ним гордо въехать в старые ворота,
На гвоздь повесить дедовский пиджак.

И вот проснусь, минуты не лежу...
Дым заводской напоминает ржу,
Посмотришь —
дым и солнце вперемешку.

Как странно:
я хочу все меньше, меньше,
А надо больше, больше надо мне бы.
Чего же, кроме солнца, трав и неба?

* * *

Как я на вальсы Штрауса летела!
Смычки да свечи — кругом —
раз-два-три!
Как символ власти (как тут ни хитри)
Перчатка кавалера белым-бела.

Тревожащей плененности хотела
В те вечера безгорестной поры,
Чуть-чуть вниманья,
сдержанной игры,
Пока послушны и душа, и тело.

На хату нам конем месили глину,
А правил хлопец —
словно бы дивчину
Он в вальсе вел, то медленно, то мча.

И мы за ним по глине, ноги голые...
У Штрауса крылатка долгополая
Измазалась, а он не замечал.

* * *

Спасибо, что не целовал,
Что прикатил на тракторе
На день рожденья и не стал
Искать в моем характере
Что благодетель, что порок —
Ты это не раскапывал.
Благодарю за тот ярок
Где ты цветов охапки рвал.
И что Снегурочкой назвал
(Кого не называли?) —
И то, что мой в мелу рукав
Заметил на вокзале.
Ты тер плечо — что говорю?
Был, не был мел — чем обернулось?
Тогда к тебе лишь прикоснулась,
Теперь благодарю.

А ВЕЧЕР ТЯНЕТСЯ...

А вечер тянется — к началу ли, к концу,
Я теплый каравай везу домой,
Прижаться б так же, как к нему, щекой
К обветренному вашему лицу.

ТАТЬЯНА РЫЖОВА

Живет в селе Пушкарное Яковлевского района. Член Союза писателей России. Автор двух книг стихов.

* * *

Раннее утро морозное,
Иней слегка голубой,
Солнце еще где-то ползает
Там, за высокой горой.
Спят и деревья и улицы,
Спит еще сладко народ,
Только петух, моя умница,
Радостно горло дерет.
Да зазвенят полегонечку,
Недостижимо чисты,
Звезды — ночные иголочки,
Те, что упали в кусты.

МЕСЯЦ

Часики тикают, тикают,
В комнате полночь в гостях,
С полуулыбкою тихою
Месяц в окошке застрял.
Теплой рукою поглажу я
Белый пугливый бочок,
Чтоб не измазался сажею
Ночи глухой, дурачок.
Путы разрежу и ножницы
Выброшу в снег за окном,
И мой дружок, как помощница,
Будет светить на весь дом.

* * *

Ребристые волны бегут,
Корявые корни подгрызли,
Ракита хотела бы в пруд,
Но так над водой и повисла.
Печальна, как тысяча свеч,
Узорчата крона и пышна,
Так хочется на воду лечь
Под эту надежную крышу.
И думать про суетность дней
С усмешкою и отреченьем,
Отмыться от жизни своей
Медлительным тихим теченьем.
И, ни за что не боясь,
Снова дышать без оглядки,
Слыша, как светлый карась
Лижет в воде мои пятки!

* * *

Горит костер запальчиво,
Но греет только пни, —
Кругом одни обманщики,
Обманщицы одни.
И я такая ж самая,
Пришлась им ко двору:
Прикрыв глаза панамою,
Напропалую вру.
И нахожу спасение
В чем вроде бы нельзя:

Фантазии, видения —
Любимые друзья.
Беды и зла образчики
Сегодняшние дни,
Кругом одни обманщики,
Обманщицы одни.

ДВА ВЗГЛЯДА

Бабушка в оранжевом пальто
С палочкой в трясущихся ладонях
Говорила: — Девушка, не то
Ты здесь написала о погоде.
У тебя все розовый туман
И дожди какие-то грибные,
Все это заведомый обман —
Сырость, увядание здесь ныне.
Ничего нет нежного у трав
Мокнущих, и в стынущей раките...
Кто же прав, и кто из нас не прав, —
Рассудите вы нас, рассудите!

ГОВОРЯТ...

Говорят, что он счастлив с другою.
Говорят, у него свежий вид.
Говорят, со своей дорогою
Ни минуточки он не грустит.
Говорят, он о прошлом не хочет
Вспоминать ни за что, никогда,
Он разумен, размерен и прочее,
Чист он, словно святая вода...
Говорят, что он верен до смерти,
Что любезен со всеми подряд...
Ах, не верьте, не верьте, не верьте
В то, что вам про него говорят.

Работа с творческой молодежью не прекращается. Занятия в литературной студии ведет поэт В.Волобуев

СТАНИСЛАВ ТАРАСОВ

Станислав Лукич Тарасов родился в 1937 году на Белгородчине (село Кошлаково Шебекинского района). Закончил факультет журналистики МГУ. Работает ответсекретарем в газете Ракитянского района. Произведения Станислава Тарасова публиковались в периодической печати, в том числе в журнале "Юность" (Москва), вошли в "Антологию современной литературы Белгородчины" (1993). Он автор двух книг: "Кругом воры" (1992) и "Подозреваю всех" (1993). Член Союза писателей России.

ПИСЬМО ПРО АМЕРИКАНСКИХ НЕГРОВ

(отрывок из повести "Из жизни графомана")

1.

Тускло светила керосиновая лампа, освещая скуластое, хитровато-простодушное лицо Сеньки, отбрасывая призрачные, шевелящиеся блики на печку, на картину с горделиво выгнутыми лебедями, вместо коврика висевшую над кроватью, на источенный древесным точильщиком шкаф для посуды. Размеренно тикали ходики на стене, склевывая секунду за секундой.

Сенька скомкал исписанный листок бумаги и бросил в черную пасть подпечка. Обида душила его. Хотелось выплеснуть ее на бумагу, но как? Дело касалось Крутоярова, а его конфузить нельзя — сам же навязал зимовенцам...

Оторвав взгляд от бумаги, он рассеянно глянул в утопающий в темени угол и не увидел ни ведра с водой, ни лоханки... А увидел себя за прилавком с весами и кусками мяса, в выданном фартуке, нацепленном взамен тети Вариного. Это она, Сенькина родная тетка, и вдобавок крестная, упросила его продать мясо коровы, забитой по старости — у нее уже начали крошиться зубы. И гораздый на выдумку Семен дал волю красноречию. "Молодое, свежее!" — выкрикивал он залихватским голосом. Покупатели недоверчиво оглядывали темно-красное, морщинистое мясо и проходили мимо.

С трудом, только на другой день сбагрил харьковчанам мясо. И когда шел сдавать весы и фартук, заметил Мишку — сына Трофима Касьяновича Крутоярова. Тот ловко бросал на весы куски свинины, жирными пальцами брал деньги у покупателей и засовывал их в полевую сумку. Но Сенька в точности знал, что Крутояровы не держали кабана! Он не полез на глаза Мишке, обошел его с тылу... А в Зимовеньках навел целое следствие. И вот узнал.

С полгода назад заведующий хуторской поросячьей фермой "фершел" Бурьянов подрезал пятилетнего хряка, дабы погасить в нем любвеобильный пыл к прекрасной половине своего рода, и стал кормить на убой. А три дня назад разопревшего *кабаняру* по распоряжению Крутоярова отправили на "мясозаготовку..."

"А я распинался — агитировал за него голосовать," — подосадовал Сенька, вспоминая то злополучное, однако же бесповоротное собрание...

2.

Самый большой школьный класс Красной школы (она была покрыта красной черепицей) на этот раз заполнили взрослые: оставшиеся от войны, знающие себе цену, при должностях, мужики; руководимые ими крикливо-покорные, выполняющие и перевыполняющие бабы; рано повзрослевшие, недоученные подростки и голосистые девчата, под плавную поступь заводившие на каждых танцах унылые "страдания"...

И, как бы гарантируя им солидарность от лица угнетенного негритянского народа, с портрета улыбался, как пить дать, отмытый от черноты певец Поль Робсон, чудом избежавший цепких лап Ку-клукс-клана. И улыбка его казалась печальной, когда председатель колхоза "Путь Ильича" Помазок читал свой доклад про небывалую засуху, которая спалила квелые посевы, не дала исполнить первую заповедь и обеспечить зерном трудодень.

— Однако партия и лично товарищ Сталин не оставили колхоз в беде и прислали сталинскую помощь!

"Расскажи, расскажи, как вы "помочь" делили, — слушая доклад, думал Семен. — И сколько себе заграбастали..." Но прояснять эту ситуацию пришлось ему самому — колхозному политруку, председателю ревкомиссии.

— В райкоме партии меня предупредили: "Головой отвечаешь!" — резко взмахнул он зажатой в руке шапкой. — Но когда пришел в сельсовет, там уже дым коромыслом — вовсю шла дележка. Дошли до Ваньки Дудкова. Товарищ Помазков супротив: "Советую не давать. Его Мотькя самогон гоня." Я возмутился: "Вы Ваньку должны вальцовочными блинами кормить!" — "Почему?" — "Он без ноги с фронту пришел! И с двумя орденами!" — "Выйди! Ты нам мешаешь помощь делить..." Это значит, я им мешал мухлевать. Вот и получилось: кому густо, а кому пусто... И ишшо: пущай товарищ председатель обскажет, за какие шиши он колхозное тягло леснику давал, почему не оприходовал на хуторской ферме поросенка... И заради какого тайного от глаза эксперимента просо в Глинишшах ночью сеял...

Многие зимовенцы знали ответы на загадки Семена. Сами ж возмущались, когда Помазок за трудодни послал их пахать огород леснику — мол, тот лесом рассчитается. За ним, и вправду, не заржавело, вот только все дубки Помазок себе заграбастал. Неучтенного поросенка назначал кладовщице Мухиной, с которой крутил шуры-муры. А просо посеял по-воровски, ночью, потому что крепко подмагарычили эмтээсовские и вместо вспашки еле поцарапали поле культиватором...

— Даже с папуасами Макуха-Маклай балакал по-доброму, без водки. А наш горе-председатель все вопросы решает через магарыч: не подмажешь, не поедешь! — Семен, будто саблей, рубанул воздух перед собой рукою.

Он предложил избрать "утрясенного" с райкомом человека — Крутоярова, до войны возглавлявшего колхоз. Правда, было в его биографии черное пятно: в сорок третьем у него партбилет отобрали — под одну гребенку подстригли со всеми, кто оказался на оккупированной территории. Но уже в сорок шестом спохватились: разве можно такие заметные кадры стричь под одну гребенку? Восстановили в партии, и, как бы для испытания, дали маленький совхоз. Но раз восстановили, значит, простили грех?

В райкоме навстречу Семену пошли не сразу: начали выставлять то одну причину, то другую. Но Семен настоял на своем: "При нем наш колхоз передовым был, потому что он держал дисциплину в руках, потому что люди его боялись. И теперь будут бояться — до свету с лопатой в колхоз бежать!"

С тем и убедил — и своих, и райкомовских.

3.

"Вот как я опрохвостился, — думал теперь Семен. — Променял шило на мыло... Ну, ничего... Я на тебя живо управу найду... в твоем лице всех махинаторов пригвоздю к позорному столбу..." И он снова склонился над листком бумаги.

"Сердце обливается кровью, когда думаешь, как чижало сводить концы с концами удовам-колхозницам, — заскорузлыми пальцами пристругивал он букву к букве. — От агентов спасу нет — топочут на баб ногами: с займами расплатись, мясо отнеси, шерсть и яйца сдай. И даже шкуру, и ту — сдери до последнего клочка и сдай. А тут такая беда: у одной колхозницы от неудержимого поноса кабанчик откинул копыта. И чтобы расплатиться с налогообложением, она со слезами на глазах отвела свою корову-кормилицу на убой. А председателю колхоза целый год дармовыми кормами пихали колхозного кабана и продали на базаре в Харькове. И это происходит в самой демократической стране — СССР. Где ж справедливость?"

Закончив письмо, Сенька прислушался, но не смог понять, спит тетя Варя на примосте за печкой или нет. Ходики тикали громче, а пламя в лампе слабело.

— Мамаш, ты спишь? — спросил он.

— Нет, не сплю.

— Послухай, что я написал.

Он прочитал ей письмо и терпеливо ждал, что она скажет. Но тетя Варя, казалось, приснула. Поэтому он снова ее спросил:

— Мамаш, ты спишь?

— Нет, не сплю.

— Что ты скажешь?

— Ты вот что, сынок, сделай. Порви письмо. Потому что, если пошлешь, мы не будем знать, где тебя искать...

Сеньке не хотелось пускать на растопку свой труд. "А что, ежли поднапустить туману? Будто поросенок сдох не у нас, в СССР, а, к примеру, в... Америке! Жалко, что у них колхозов нет... Как же быть... Черт-леший... А-а... заменю колхозницу — на негритянку! Председателя — на плантатора! И полный вперед!"

Вот что у него получилось: "Дорогая редакция! Сердце обливается кровью, когда думаешь про тяжкую долю-эксплатацию американского народа. От агентов спасу нет — топочут ногами: доллары отдай, мясо отнеси, шерсть и яйца сдай. И даже шкуру и ту — сдери до последнего клочка и сдай. А тут такая беда: у одной негритянки от неудержимого поноса кабанчик откинул копыта. И чтобы расплатиться с налогообложением, она со слезами на глазах отвела свою корову-кормилицу на убой. А плантатору целый год дармовыми кормами напихивали отобранного у негритянского народа кабана и продали на базаре в Рио-де-Жанейро. А еще похваляются, что все это деется в самой демократической стране — Соединенных Штатах Америки!"

Примерно через месяц Семен получил ответ: "Уважаемый товарищ! Ваше письмо, пронизанное болью за судьбу жестоко эксплуатируемых негров и ненавистью к плантаторам, мы не можем опубликовать, дабы не осложнить дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки. С уважением заведующий отделом писем Лобанов."

ПАВЕЛ САВИН

Павел Иванович Савин родился в 1939 году в с.Хмызовке Алексеевского района Белгородской области. Закончил филологический факультет Воронежского госуниверситета. Долгое время работал учителем, директором школы. В настоящее время живет в пос.Строитель, работает директором фильмотеки.

Автор двух поэтических сборников: "Песня заката" (Белгород,1993) и "Перехлесты дорог" (Белгород, 1994)

Член Союза писателей России.

* * *

Больничные окна раскрыты
Навстречу теплу и весне,
И голуби пробуют крылья
Сегодня с утра в тишине.

Надеюсь. Считаю минуты,
Когда обнадежат друзья.
Но доктор опять почему-то
Смущенно отводит глаза.

А голуби мечутся в сини
И камнем срываются вниз...
Вернись, моя прежняя сила,
Нелегкая юность, вернись!

Налей мне вина беспечально,
На счастье бокалы разбей
И в город, что снится ночами,
Почтовых пошли голубей...

ПРОВИНЦИЯ МОЯ

Дом без крыши. И в рост лопухи,
Тихо ставни качаются ветром.
Здесь когда-то рождались стихи,
И я верил, что буду поэтом.

Плыл над крышей парад голубей
Под восторги девчонки соседской,
Что понять не могла, хоть убей,
О поре расставания с детством.

Утекла моя речка в закат,
Берега зарастают осокой.
Что ж ты, память, уносишь назад,
К тем не взятым когда-то высотам?

Улеглось беспокойство мое.
Узел горестей туже и туже.
И не голуби, а воронье
Над моею провинцией кружит.

И все реже приходят стихи,
И за юность остались расплатой
Дом без крыши, и в рост лопухи,
И высоты, что так и не взяты.

* * *

Опять уходят журавли
За дальний лес печальным клином,
Опять у речки за овином
Морозы клены подожгли.

И мне грустить и тосковать
По стороне родной и дальней,
И долго слышать клич печальный,
И не пытаться улетать...

* * *

Могучей силе потакая,
Со всех своих железных ног,
На стыках рельсов спотыкаясь,
Мой поезд мчится на восток.

И, растрепав густые косы,
Закрыв собой и даль и высь,
Весь день березы по откосам
За мной и поездом гнались.

Они твое шептали имя,
Не уставая вслед бежать,
Как будто ветками своими
Меня хотели удержать...

* * *

Ах ты, Родина, Родина горькая!
Как смогла ты так низко упасть
Со своими пустыми реформами,
С шантрапой, что охоча на власть?

За какие такие пороки
Я за тяжкие годы свои,
Растеряв и мечты, и здоровье,
Не нажил ни добра, ни семьи?

Промотаю последние крохи,
Дорогие слова раздарю,
Как искусственный спутник эпохи,
Где-нибудь в захолустье сгорю.

И своей угасающей зорьке
Прокричу, выбиваясь из сил:
— Я любил тебя, Родина горькая,
Сам не знаю за что, но любил!

* * *

А мне бы, как птицам — в дорогу,
Сквозь дали, сквозь беды и дни,
Чтоб годы забылись немного,
Чтоб так не горчили они.

Без страха бы мчаться и мчаться
И зла за душой не иметь,
Чтоб легче стихам сочиняться
И песнями им прозвенеть.

Вот так бы, обиды прощая,
Забыв надоевшую грусть,
Изведать от края до края
Планету по имени — Русь.

ЧАСОВОЙ

Не заплачет труба на закате,
Барабанщик устало молчит,
На могилы свой свет розоватый
Запоздалая зорька сочит.

Не подняться военным оркестрам
Из оглохшей поры огневой,
Но на самом возвышенном месте
Встал на вечный свой пост часовой.

Дни проходят. Сменяются ночи,
Вьется жизни суровая нить,
Только он почему-то не хочет
От друзей никуда уходить...

АКАЦИЯ

Уже не скрыть нам седины,
Но манит сквозь года
Далекий отсвет той весны,
Что в памяти всегда.

Забыть ли, как в урочный час,
Пахуча и бела,
Цвела акация для нас,
Акация цвела...

И ты с небес ко мне сошла
Испить любви вина.
И третьей лишнею была
Глазастая луна.

Для нас старались соловьи,
И вьюгу до утра
На груди спелые твои
Акация мела.

Зачем же мы свои мосты
Сжигали на пути?
Остались юные мечты,
Как весны, — позади.

И вьюги белые свои
Уже который год
На косы черные твои
Акация метет...

ГЕННАДИЙ УРАКОВ

Геннадий Семенович Ураков родился в 1926 году в городе Тара Омской области. Рано лишившись отца, воспитывался в детдомах Сибири. Потом окончил Енисейское речное училище; ходил рулевым на судах по Оби, Енисею, бывал на Диксоне, заходил в Карское море.

1943 год. Прибавив себе год, Г.С.Ураков уходит добровольцем в армию. Был разведчиком, помощником командира взвода, комсоргом батальона. Воевал. Награжден орденом Отечественной войны, медалью "За боевые заслуги", различными воинскими медалями. Окончил после демобилизации Абаканский пединститут, по профессии — историк. Член Союза писателей России.

Автор книг: "Тепло земли" (стихи, Воронеж), "Белые крылья зимы" и "Ребята, я живу в Ольховке" (проза, Белгород). Его стихи вошли в сборник поэтов фронтового поколения "Слово бойца" (Воронеж); отрывки из повести "Ребята, я живу в Ольховке" вошли в "Антологию современной литературы Белгородчины" (1993).

Геннадий Ураков публиковался в журналах и альманахах: "Молодая гвардия", "Подъем", "Енисей", "Абакан", "Прапор", "Литературный Омск", во многих коллективных сборниках. Живет в Белгороде более четверти века. На конкурсе "Бессмертие подвига" ему присуждена первая премия за книгу "Белые крылья зимы" и рассказы, опубликованные в периодической печати.

Поэма

ЕЛЕНА

1.

Леночка,
Еленочка,
Чистые глаза,
Вот и прокатилась майская гроза,
Вот и прокатились вздохи поутру,
Я тебе, Еленочка, глазоньки протру.
Будешь аккуратная,
будешь — я те дам,
Будешь ты смотреться,
как на взгорке храм.
Платьице веселое Леночке к лицу, —
Как оно понравится маме и отцу!
Дед — он, без сомненья,
сам придет в восторг,
Станет все рассматривать
Леночкин убор.
— Ах ты, золотаюшка,
Ах ты, мой цветок,
Посижу я с краешка,
Маленький росток...
Леночка смущается: дедушка какой,
Будто домовик он — “деда золотой!”

2.

Леночка,
Еленочка,
Чистые глаза,
Вот и прокатилась летняя гроза.
Книжки и тетрадки
В рюкзачок пора:
В школу собирается в доме детвора.
Леночка походкой легкою идет,
А в окошко смотрит
распушистый кот.
Первая линейка.
Первые отметки.
Хризантемы первые
Маленькой соседке.
Витька,
Он забавный,
Хоть порой драчун,
Хоть порой не ходит
К школьному врачу.
А цветы подарит —
Леночка цветет.
А из школы — парой,
А на сердце — мед.
Витька и заступник,
И молчун, и крут,
Не случайно Витьку
Лебедем зовут!

3.

Леночка,
Еленочка,
Чистые глаза.
Вот и прокатилась первая слеза.
Витька дарит Ирке
Маленький букет
И еще красивый голубой пакет.
Это ль не измена?
Это — жест обмана!
Чем же приглянулась Витьке эта дама?
Только Витька вечером
Выложил секрет,
Что в букете Ирке
Нет измены, нет.
Что у Ирки бабушке
Сто один годок.
Правнучка, конечно, испекла пирог...
Леночка в восторге:
Витька — молодец!
Похвалил и Виктора
Леночкин отец.

Леночка,
Еленочка,
Вскинь повыше бровь.
Это называется детская любовь!
Первая слезинка ревности в глазах,
Как она запомнится
И важна как — ах!

4.

Леночка,
Еленочка,
Точеные коленочки
И ядрышками грудки....
Летят весною утки!..
Березы распустились,
Кора, как молоко.
И аттестат получен...
А ты?..
Ты далеко...
Сказала Витьке тихо:
— Хочу я быть портнихой,
Я буду модельершей,
Пока — Санкт-Петербург.
Смотреть тебе не велено
На всех и всяких дур!..
Вагон качнулся тихо:
Плывут ее ресницы.
Кто б мог заснуть сегодня?
Вот и ему не спится.
Он помнит, как в тот вечер,
Тогда, на выпускном,
В любви поклялся вечной
И не жалел потом:
Сказал, что честь имеет,
Что верен будет ей,
Что ждет ее успехов
И добрых ждет вестей.

Леночка,
Еленочка,
Портрет висит на стеночке:
Глаза такие чистые
И милый кулачок...
Я верю: миг наступит,
Придет минута та,
И лепестки распустит
Еленина мечта.
И Виктор офицером
Предстанет — честь имею...
И зашагает верно
По жизненной аллее!

ЕВГЕНИЙ ДУБРАВНЫЙ

Евгений Федорович Дубравный родился в 1942 году на Кубани. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета. Работал в областных и районных газетах. Сейчас возглавляет Белгородское государственное телевидение.

Рассказы и стихи Е.Дубравного публиковались в газетах, журналах, сборниках, вошли в "Антологию современной литературы Белгородчины". Евгений Федорович автор четырех книг: "Анютины встречи" (1991), "Смерть шампиньона" (1992), "Грустное эхо"(1995), "Египетские этюды" (1995). Член Союза писателей России.

ВАС ПОМНЯЩИЙ ВСЕГДА...

(драматическая композиция)

Вечер первый

В композиции использованы письма Сергея Есенина и к нему, воспоминания о поэте матери, детей — Константина и Татьяны, сестер — Екатерины и Александры, А.Изрядновой, Г.Бениславской, А.Миклашевской, С.Толстой, Шаганэ Тальян, Р.Ивнева, А.Мариенгофа, П.Орешина, Н.Асеева, И.Шнейдера, Н.Вержбицкого, Л.Повицкого, П.Чагина, В.Качалова, Н.Крандиевской-Толстой, Ф.Элленса и других.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Сергей ЕСЕНИН	— великий русский поэт.
Зинаида РАЙХ	— жена поэта.
Айседора ДУНКАН	— танцовщица.
Августа МИКЛАШЕВСКАЯ	— актриса.
ШаганэТАЛЬЯН	— учительница.
Галина БЕНИСЛАВСКАЯ	— помощник поэта в издательских делах.
Софья ТОЛСТАЯ	— внучка Льва Толстого.
Лидия КАШИНА	— дочь помещика, сильное увлечение юного Есенина.
Второй друг	— собирательный образ, наделенный чертами тех, кто в разное время окружал Есенина.

С огромной интуицией, с огромным творчеством — единственный в наше время поэт. Такой чудовищной способности изображения тончайших переживаний самых нежнейших, самых интимнейших, — ни у кого из современников... Чудесное наследство...

А.Серафимович о С.Есенине

Небольшая комнатка, чем-то напоминающая железнодорожный вагон. В углу два больших чемодана в пестрых иностранных наклейках. Тахта. На стене крупные фотографии — Сергей Есенин и Айседора Дункан, Зинаида Райх с дочерью Татьяной, Есенин с Софьей Толстой, Есенин и Галина Бениславская, Августа Миклашевская, Шаганэ Тальян, Лидия Кашина и Анна Изряднова...

Старинное зеркало, на котором огрызком мыла написано рукой Айседоры Дункан "Я лублу Есенин"...

Звучит голос поэта в записи. Звучит тихий вокализ "Не жалею, не зову, не плачу"... Слышится тихий неторопливый стук вагонных колес. Мелодия постепенно затихает, а колесный стук нарастает и становится нервным, подавляющим. Сцена высвечивается и мы видим небольшое купе и в нем трое — Есенин, Райх и Второй друг.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЗИНАИДА РАЙХ *(в зал)*: Весной семнадцатого года я жила в Петрограде одна, без родителей, работала секретарем-машинисткой в редакции газеты "Дело народа". Сергей печатался в ней...

ЕСЕНИН: Хе-хе... Печатался. Пороги обивал да унижался до слез, прикидываясь рохлей деревенской или балбесом ряженым. После такого печатанья у меня на языке все слова измельчали, точно теперешние рубли. Да бог с ними, с этими питерскими литераторами. Ругаются только, да лгут друг на друга. Тут уж они талантливы без меры. Но судить о них нечего. Мы ведь с ними разные. Мы скифы, принявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит. А они, брат, все романцы, все западники. Им нужна Америка, да валюта, а нам — песня на Волге да костер Стеньки Разина... От них простоквашей и сливками тянет... Споем лучше. *(Поют.)*

ВТОРОЙ ДРУГ: Побойся Бога, Сережа! Они ведь как братца тебя приветили. И Блок душевно-то как отнесся. Записочку написал...

ЕСЕНИН: Записочку? А ты лицо его видел при этом? Мысли его сердцем своим чуял? Им же все подстриженное нравится, ровненькое да чистенькое, да приглаженное. А тут возьмешь да кинешь им с плеч свою вихрастую голову, и боже мой, такой переполох поднимется... *(читает громко, с вызовом)*:

Полно кротостью мордищ праздниться,
Любо ль, не любо ль — знай бери.
Хорошо, когда сумерки дразняться
И всыпают нам в толстые задницы
Окровавленный веник зари...

И дворовый молчальник бык,
Что весь мозг свой на телок пролил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем...

ВТОРОЙ ДРУГ: Зол ты сегодня, Сережа!

ЕСЕНИН: Я?! А ты видел хоть раз, как какой-нибудь Мережковский приподымал свою многозначительную перстницу и говорил, гундося: гениальный вы человек, Сергей Александрович, стихи ваши изумительны, а образы неповторимы... И тут же съезжал на университет, советуя непременно попасть туда. Затем, довольный собою, ну как же, у него ведь старая университетская закалка, приподнимался вежливо навстречу жене и снисходительно добавлял: "Смотри, милочка, это поэт из низов"... А она, расширив интеллигентские глазки и сузив благородные губки, в тон ему пела: "Ах, это вы тот самый, удивительно, пгекгасно, я так много слышала о вас, садитесь, пожалуйста..." И ну удивляться, и ну расспрашивать о сельской жизни. А я ей с усердием объясняю, что молоко получают от коровки, которую доят двумя пальцами, и что, когда курочка несет яйцо, ей очень трудно и даже больно, и кричит она от счастья, что все прошло благополучно...

ВТОРОЙ ДРУГ: Любишь ты в себе мужика. И сердишься. Все ожесточились, объективную истину ищут, а того не понимают, что без сближения мы погибнем к черту вместе с их объективной истиной!

ЕСЕНИН: Нет, брат, сближение наше с ними невозможно. Ты бы послушал, что самый лучший из них — Белинский говорил о Кольцове — "самоучка", "низший слой". А вроде бы хвалил. Нынешние же еще дурнее. Смотреть не хочется. С ними не сближаться нужно, а обтесывать, как доску и выводить на ней народные узоры, простые и правдивые. Таков и Блок, и Городецкий, и весь их легион...

ВТОРОЙ ДРУГ: Неблагодарны мы в своих речениях.

ЕСЕНИН: Ну ты, братец, благородный слишком. А чего ты не пишешь на своем языке? Тоже в русскую литературу втискиваешься. Обидно ведь. Войдут без спроса да еще и учат. Иной раз и тошно станет от своего положения, от этой игры. Но как глянешь на их умные, ученые морды, так и взыграет неудержимое желание бросить блесну. Уж больно любопытно наблюдать, как они жадно хватают ее на лету своими интеллигентными ртами и тут же заглатывают в изысканные академические желудки.

Нет, что ни говори, а очень не вредно вовремя прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят...

ВТОРОЙ ДРУГ: Ох и озорник, ты, Вятка. И откуда в тебе столько хитрости?

ЕСЕНИН: А ты в русскую литературу в лаковых ботиночках да с проборчиком волосок к волоску хочешь войти? Как можно без поэтической рассеянности, без вдохновенья? Смотри-ка, Андрей Белый. И волос уже седой, и лысина величиной с энциклопедический том, а перед кухаркой своей, что исподники ему стирает, вон каким вдохновенным гоголем ходит.

ВТОРОЙ ДРУГ: Неужто и кухарки вдохновляют?

ЕСЕНИН: Не кухарки, а женщины... А вообще-то, тут, брат, дело надо вести хитро. Пусть каждый считает: это, мол, я его в русскую литературу ввел. Им приятно и мне хорошо. Городецкий ввел? Ввел. Клюев ввел? Сологуб ввел? Вон их сколько — и Мережковский с Гиппиусихой, и Блок, и Рюрик Ивнев...

ВТОРОЙ ДРУГ: В мемуарах они, поди, все расскажут...

ЕСЕНИН: Ну уж, конечно, и про поддевку, и про сапоги в гармошку. Из дурачка, мол, поэта сделали. А я сапог таких рыжих в жизни никогда не носил.

ВТОРОЙ ДРУГ: В каких по салонам шлялся?

ЕСЕНИН: Ну да. Слушай, однажды натянул я валенки и к Мережковским. А Гиппиусиха лорнет свой навела, как сова, и спрашивает: "А что это у вас за гетры? Это где такие носят?" Я улыбнулся и говорю: это русские валенки, а носят их крестьяне, которые ничего не умеют, кроме как пахать и сеять, да кормить крупные города.

Слушай, я ж им говорил, что еду бочки в Ригу катать. Жрать, мол, нечего. А в Петербурге проездом на денек-два, пока партия грузчиков подберется. А какие там бочки — за мировой славой в Питер прикатил, за бронзовым монументом. *(Читает, запрокинув руку за голову.)*

Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл...

ВТОРОЙ ДРУГ: А Клюев чуть не увел у тебя монументик.

ЕСЕНИН: О, ты знаешь, чего удумал этот ладожский дьячок? Прикинулся маляром и к Городецкому с черного хода на кухню елейным голоском: "Не надо ли чего покрасить?" И давай кухарке стих шпарить. А уж известно, что такое кухарка у поэта. Сейчас же шмыг к барину: так-де и так. Барин на кухню: извольте, мол, в апартаменты. А тот ягненком прикинулся: "Где уж нам в горницу — и креслица барину перепачкаю, и пол вощеный заслежу. Уж тут постоим". Так, лысый черт, стоя на кухне и читал свои избяные песни...

ВТОРОЙ ДРУГ: Но и к тебе внимания не убавилось.

ЕСЕНИН: Таскали меня недели три по салонам. Спервоначалу стишки для приличия попросят почитать, слушают, позевотину в кулак пряча. А потом — частушки. Похабщину хоть всю ночь наяривай под тальянку. Это им по душе, свеженькое... А ну дай-ка тальянку. *(Есенин берет гармонь и начинает петь.)*

Эх, яблочко,
Цвету звонкого,
Пьем мы водочку
Да у Коненкова.

РАЙХ: Сергуня, а сейчас-то зачем?..

ЕСЕНИН: Вспомнилось...

Я сидела на песке
У моста высокого,
Нету лучше из стихов
Александра Блокова.

Ходит Брюсов по Тверской
Не мышой, а крысиной.
Дядя, дядя, я большой
Скоро буду с лысиной.

Ах, сыпь! Ах, жарь!
Маяковский бездарь.
Рожа краской питана
Обокрал Уитмена.

Ох, батюшка, ох-ох-ох.
Есть поэт Мариенгоф.
Много кушал, много пил,
Без подштанников ходил...

Сделала свистулечку
Из ореха грецкого,
Нету ярче и звончей
Песен Городецкого.

ВТОРОЙ ДРУГ: А что ж у тебя про любовь ничего нет? Все про политику. Надоело.

ЕСЕНИН: Э-э! Только слушай. Нынче слушать разучились, все к трибунам рвутся.

В Монастырь
Хотел спасаться,
Жалко с девками
Расстаться...

За рекою,
За быстрою
Монастырь
Девкам построю.

Молодой мельник
Завел меня в ельник.
Я думала — середа.
Ныне понедельник!

Пойду плясать,
Весь пол хрястит.
Мое дело молодое
Меня бог простит.

Дуют ветры, дуют буйны
Из куста орехова.
Ты скажи моя зазноба
С кем вчера проехала?

Гармонист, гармонист,
Рубаха бордовая,
Чрез тебя я, гармонист,
Стала нездоровая...

РАЙХ: Сережа!..

ЕСЕНИН: Душа моя, ты ничего не слышишь...
Куда пошел?
Чего делать?
Я ищу
Красивых девок...

ВТОРОЙ ДРУГ: Ох, Вятка, ты и сам-то похабщинки не чураешься, а на Мережковских бурчишь.

ЕСЕНИН: Какая ж это похабщина, дурачок? Это жизнь, о которой вы ни черта не знаете. Вы народа не знаете, а все за его интересы боретесь, все ему лучшую жизнь норовите построить, бездари.

РАЙХ *(почти испуганно)*: Сергуня, я-то совсем о другом хотела сказать, а вы вон куда заехали. Я хотела товарищу рассказать, как мы познакомились.

ЕСЕНИН: Думаешь, ему интересно? Да они все нынче только собой заняты. Они в себя день и ночь как в зеркало смотрятся. И задача у них одна: к себе интерес пробудить, а ты ему...

ВТОРОЙ ДРУГ: Давай, давай. А хотите, я вам расскажу, как вы встретились?

ЕСЕНИН: А ну валяй!

ВТОРОЙ ДРУГ: Приходит как-то один самонадеянный поэтишко в газетенку с громким названием "Дело народа". А чинуши-литератора, с которым встречу назначил, нет — на митинг, видать, подался. Зато на месте оказалась молоденькая симпатичная секретарь-машинистка. Больно уж хороша собой да и приветлива с поэтом. К тому ж и слушательница наиблагодарнейшая. Тут и пошли Сергей Александрович поэтические пируэты выделывать. Да так напористо и увлеченно, что не только красивенькую головку вскружили, но и от возвратившегося литератора отмахнулись, забыли, то есть, за чем пришли...

ЕСЕНИН: Ты что ж, мерзавец, в соседнем кабинете сидел, что ли? Подслушивал? У-у ...

ВТОРОЙ ДРУГ: Нет, нет, Сереженька, просто хорошо знаю тебя... Ты ведь перед красивыми плавишься. А между тем смешливая и жизнерадостная сотрудница редакции так прочно зацепила голубоглазое сердце, что и трех месяцев не прошло, а мы уже пустились в сва... простите, в совместное путешествие. И куда? Аж к Белому морю... *(Декламирует.)*

Небо ли такое белое
Или солью выцвела вода...

ЕСЕНИН: Экий ты мерзавец, однако. Я его к морю тащу, даю возможность жизнь посмотреть, проветрить свой цвелый мещанский мирок, а он чем платит? Черной неблагодарностью!

ВТОРОЙ ДРУГ: Стоп, стоп! Наш чугунный пыхтун, кажется, останавливается. Надо бы хоть узнать, где это мы?..

ЕСЕНИН: Узнай, узнай, братец. *(Наклонившись к Райх, громко шепчет.)* Я хочу жениться на вас...

РАЙХ: *(Растерянно.)* Вы что! С ума сошли?

ЕСЕНИН: А вы сразу не заметили?

РАЙХ: Ну дайте хоть немного подумать!..

ЕСЕНИН *(с обидой)*: Подумать!? Вы еще собираетесь думать? Сравнивать? Взвешивать? Нет! Венчаться и немедленно!

ВТОРОЙ ДРУГ *(входя)*: Поздравляю вас...

ЕСЕНИН: Ты что, опять подслушивал?!

ВТОРОЙ ДРУГ: Мы в Вологде!

ЕСЕНИН: У, черт! А церковь тут есть?

ВТОРОЙ ДРУГ: Ну, Вятка! Не успеешь выйти — уже нагрешил.

ЕСЕНИН: Ах ты дура, моя ягодка, да мы ведь женимся.

ВТОРОЙ ДРУГ: Что, и я?

РАЙХ: Мне Сережа сделал предложение. Но ведь это глупо, не правда ли?..

ЕСЕНИН *(отворачиваясь)*:

Где же те? где еще одиннадцать,
Что светильники ..... жгут?
Если хочешь, поэт, жениться,
Так женись на овце в хлеву...

ВТОРОЙ ДРУГ: Это смотря по отношению к кому глупо...

РАЙХ: Вообще, понимаете. Смешно и глупо...

ЕСЕНИН: Хватит. Выходим!.. *(Хватает легкий чемодан и уходит. Райх и Второй друг поспешают за ним.)*

ВТОРОЙ ДРУГ: А в церковь, между прочим, денежка нужна. Венчание все-таки...

ЕСЕНИН *(шарит по карманам, смущенный, достает несколько рублей)*: Вот...

ВТОРОЙ ДРУГ: И это все? *(Достает свои два рубля.)* С таким капиталом ничего прочного не построишь, разве что клетку для кенара...

РАЙХ *(видя смущение Есенина, с гневом смотрит на Второго друга)*: А вы и правда циник. Не расстраивайтесь, Сережа, я дам телеграмму в Орел. Отец меня поймет...

ВТОРОЙ ДРУГ *(отводя Есенина в сторону)*: Ты что, в самом деле втюрился в нее? Ох, чует мое сердце еще одну грядущую Помпею...

ЕСЕНИН: Брось, дурашка, я с нею покой в душе ощутил. Я писать буду. Увидишь. Много и хорошо...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Легкий колокольный звон и мелодия "Выткался над озером алый свет зари"... Есенин, Райх и Второй друг у входа в церковь.

РАЙХ: Сергун, мы и кольца обручальные купили, и подвенечное платье, и фату...

ВТОРОЙ ДРУГ *(шепчет на ухо Есенину)*: Только на букет ни черта не осталось. А как же под венец без цветов?..

ЕСЕНИН: Будет букет. И к тому же — неповторимый. Посмотри за церковную ограду. *(Он наклоняется и быстро рвет полевые цветы.)* Готово! О таких цветах могут мечтать самые лучшие актрисы мира...

РАЙХ: Спасибо, Сережа. Кроме твоей жены мне, видать, придется стать еще и актрисой...

ВТОРОЙ ДРУГ *(негромко)*: Ох, цветочки, цветочки, каковы-то будут ягодки...

ЕСЕНИН *(к Райх)*: А знаешь, я хотел бы, чтобы эта женитьба ни в чем не сковывала нашу свободу. Поживем пока врозь, а станем скучать — сбежимся...

РАЙХ *(потупившись)*: Могу ли я выступать против свободы? Я хочу только, чтобы тебе было хорошо...

ВТОРОЙ ДРУГ: Вот она — первая ягодка. Чует мое сердце: посыпятся, посыпятся горькие плоды на золотую бесшабашную голову... Расскажу-ка я вам сам, что произошло, потому что и Сергей и Зинаида Николаевна слишком быстро потеряли способность смотреть на себя со стороны и правдиво оценивать свои поступки...

Как-то вечером Сережа задержался у меня допоздна и я предложил ему заночевать. *(В затемненной комнате у порога Есенин, надевает меховой пиджак, улыбается.)*

ЕСЕНИН: Ночевать? Ты что, дура моя ягодка. А жену кому? Я, брат, жену люблю! Приходи лучше к нам... Да и вообще... Так нельзя... в одиночку!

ВТОРОЙ ДРУГ: Посмотри, третий час ночи. Только потревожишь...

ЕСЕНИН: А я тебе еще одно стихотворение не прочитал. Послушай *(возвращается к столу, на котором стоит недопитая бутылка хорошего вина)*:

Мой жених, угрюмый и ревнивый,
Не велит заглядывать на парней.
Буду петь я птахой сиротливой,
Вы ж пляшите дробней и угарней.
Как печальны девичьи потери,
Грустно жить оплаканной невесте.
Уведет жених ее за двери,
Будет спрашивать о девической чести...

А ты знаешь, Зинаида меня обманула. Говорила, что я у нее первый... и соврала. Зачем, а? Дура, дура...

ВТОРОЙ ДРУГ: Брось. Предрассудки это все, темная кровь...

ЕСЕНИН: Не могу! Понимаю, что глупо, а не могу... Мне кажется, мы с ней скоро разойдемся...

ВТОРОЙ ДРУГ: Тебе надо быть снисходительнее к этой дебелой еврейской даме. Ведь она красивая, а красивые редко бывают умными.

ЕСЕНИН: Понимаешь, я не могу уступать постоянно. Я же — Есенин. А ей втемяшилось, что только она может говорить мне всю правду. Кстати, батюшка оставил ей не одни мягкие глазки и сострадательный взгляд. Он ей и пороху в характер подсыпал изрядную дозу...

ВТОРОЙ ДРУГ: В том-то и гвоздь...

ЕСЕНИН: Лезет судить о поэзии. Недавно в истерике выбросила кольцо в окно. Думала, что я брошусь за ним головой в темень...

ВТОРОЙ ДРУГ: А ты?

ЕСЕНИН: А я свое швырнул туда же. Помнишь, в Вологде покупали? Потом, правда, оба кинулись вниз разыскивать... Дураки! *(Немного подумав.)* Ты знаешь, как-то заявилась Зинаида из Орла с Танюшкой на руках. У меня, естественно, друзья. Ну и пошла моя крохотуля по рукам. И так все жалостливо ее ласкают — ровно сироту. Я не выдержал. Только взял на руки, а она в слезы — точно и не отец я ей. Хочешь верь, хочешь нет, но Зинаида и детей против меня настроила...

ВТОРОЙ ДРУГ: Брось, Вятка. Сам от них прячешься. Помнишь, в Ростове случайно встретили Зинаиду с Костей? Так ты ж в туалет сбежал, все просил оградить тебя от посягательств...

ЕСЕНИН: *(уходя)* Ни черта ты не понимаешь. А еще друг...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вновь слышен легкий стук колес и песня в исполнении Есенина:

На горе стоит ольха,
Под горою — вишiня.
Парень девку полюбил,
Она замуж вышла...

ВТОРОЙ ДРУГ *(в зал)*: О, поет свою любимую... Видать, совсем невмоготу стало... Ну его к Богу с моим пророчеством. Точно ведь клетка из той женитьбы сплелась. И ничего не поймешь. Любит же он ее. И она, как куропатка...

(Входит Есенин, немного под хмельком.)

ЕСЕНИН:

Э-эх! Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег...

Все!..

ВТОРОЙ ДРУГ: Что?

ЕСЕНИН: Сбежал от Зинаиды! Не могу больше. Вот тебе слово, не могу. А она ничего понимать не хочет. *(Кривляясь.)* "Любишь ты меня, Сергун"... Скажи ты ей, что у меня другая женщина есть.

ВТОРОЙ ДРУГ: Что ты, Сережа!..

ЕСЕНИН: Эх, из петли меня вытянуть не хочешь! А ты знаешь, что на нее Мейерхольд давно глаза пялит...

ВТОРОЙ ДРУГ: Чепуха! Неужели он не видит ее *райхитичные* ноги?

ЕСЕНИН: Этот Дапертут недавно на вечеринке подсел ко мне и проквакал: "Знаешь, Сережа, я ведь в твою жену влюблен... Если поженимся, сердиться не будешь?"... Ох, дурачок. Я ему тут же и выдал: "Возьми, сделай милость... По гроб тебе благодарен буду"...

ВТОРОЙ ДРУГ: Ну, Вятка, даешь...

ЕСЕНИН: Ты знаешь, он ее в театр берет. Да-да! И хочет поставить "Гамлета".

ВТОРОЙ ДРУГ: Ну и пускай ставит...

ЕСЕНИН: О, дура-ягодка. Так Гамлета ж будет Зинаида играть! Я ему уже и добро дал!..

ВТОРОЙ ДРУГ: А говорил, угомонишься, стихи будешь писать...

ЕСЕНИН: Я, брат, никогда не вру. Слушай! *(Читает "Письмо к женщине".)*

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше вниз.

Любимая!
Меня вы не любили,
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —

Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстояньи.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состояньи.

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых —
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

. . . . . .

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую, и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною сталось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем,
Что не нужна вам наша маята,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш

Сергей Есенин.

Во время чтения на сцену тихо выходят Айседора Дункан, Галина Бениславская, Августа Миклашевская, Шаганэ Тальян, Софья Толстая, Лидия Кашина. Они внимательно слушают, а по окончании также тихо уходят. Остается только Дункан.

ВТОРОЙ ДРУГ: Сбылось мое дурацкое пророчество: 5 октября 1921 года народный суд города Орла вынес решение о расторжении брака Сергея Александровича Есенина с Зинаидой Николаевной Райх. Но к этому времени Есенин успел познакомиться с Айседорой Дункан, хотя в компании друзей он никогда не говорил об этом знакомстве.

(Продолжение следует)

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

Валерий Николаевич Черкесов родился 3 марта 1947 года в городе Благовещенске Амурской области. С 1982 года живет в Белгороде.

Первые стихи опубликовал в 1966 году в областной газете "Амурский комсомолец". Стихи, очерки, статьи, рецензии печатались в альманахах, журналах, сборниках, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Белгороде, Благовещенске, Владивостоке, Воронеже, Иркутске, Новомосковске, Хабаровске, Якутске. Он автор пяти поэтических сборников и двух книг документальной прозы, редактор-составитель "Антологии современной литературы Белгородчины" (1993). В этом году Валерию Черкесову исполняется пятьдесят лет — поздравляем юбиляра.

СТИХИ С МУРАВЬЕМ

1.

На земле, непрогретой еще
Майским солнцем,
забывшись, лежу.
Пощекотывает плечо
Пестрокрылый доверчивый жук,
Муравей по щеке ползет,
А над ухом стрекочет кузнечик.
Может, кто-то из них поймет
Меня чисто по человечьи:
И зачем я пришел сюда,
Почему, слезу не сдержав,
Пересчитываю года,
Безвозвратно их потеряв.

2.

...И если судьба неподвластна,
То дай хотя б силы, земля.
Дожить до последнего часа
Достойно, всех ближних любя.
Не только подобных мне, но и
Малюсенького муравья.
Он смело бежит по ладони,
Не ведая — кто и что я.
Наверное, мне доверяет,
Как дереву или траве.
Торопится... И знать не знает
О неподвластной судьбе.

3.

На тропе, меж корней
Повстречал муравья
И, нагнувшись, спросил у него:
— Кем тебе я кажусь?
Для тебя — кто есть я?
Тот уполз, не сказав ничего.
И травинке я задал извечный вопрос,
И березе, и сиплому ворону.
Только он и ответил,
Кося глазом в сторону.
Вроде — Кар-р, ты один,
Кар-р, кто ляжет в погост...
Благодарен за честность я ворону.

4.

Несет, сутулясь, муравей,
Как проклятый, былинку.
Глянь: притомился, видно, — с ней
Лежит чуть не в обнимку.

И вновь — на горб, и вновь — вперед!
В уютной теплой куче —
Уж точно! — муравьиха ждет
И муравьишек куча.

Он предвкушает, как жена
Посмотрит нежным оком.
А, может, снизойдет она
И пылко чмокнет в щеку.

О, жизни свет и торжество!
Пусть пот струится липкий,
Но смысл-то есть — ради чего
Тащить ему былинку.

И я ползу, и я тащу.
Зачем? Понять нет мочи,
Хотя ползу я дни и ночи,
Хотя, как проклятый, тащу.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Пятидесяти от роду годов
Я жить готов и умереть готов.
А. Межиров.

1.

Готов к тому, что каждую минуту
Случитья может...
Может, потому
Так дорожу покоем и уютом,
И тем, что я один, один в дому.
Как будет там...
А нынче — репетиция.
Играю роль, полузакрыв глаза,
Седого старца, вещего провидца я,
Который что-то силится сказать
Толпе, что у порога колобродит,
Да лишь улыбка жалкая выходит.

2.

Вечерами,
когда в тишине остаюсь,
Ничего-ничего не хочется.
Не то,
чтобы одолевает грусть
Или
тяготит одиночество.
Нет, чувство другое —
словно спешил
К истоку,
из которого желал напиться,
А подошел —
где была криница,
Зелена осока
да черен ил.

3.

Пережил многих друзей,
дождался
Времени,
когда можно говорить,
что хочешь,
И в общем-то,
если глянуть в зеркало вечером,
Довольно моложавым
остался, —
Так чего же ты квохчешь
Недовольно,
как будто старая курица,
Которой не досталось
дармового зернышка?
Благодари Бога,
что сумел не скурвиться
И еще смотришь,
хоть и прищурясь,
На весеннее солнышко.

ЧЕРДАК

Сыну Николке

1.

Чердачное окно открыто.
Подтяну
Я лестницу, и по ступенькам шатким
Полезу вверх.
Сердчишко замирает,
Трепещет, словно воробей в силках.

Там паутины серебристый шелк
Оплел углы, а за печной трубою
Тьма притаилась и прохлада ночи.
Слегка дрожу, да ничего — стерплю.

С дубовой крышки сундука смахну
Пыль рукавом.
Р-раз! — и замок открылся
Стальным тяжелым кованым ключом,
Без спроса взятым в месте потаенном.

На дне, средь тряпок,
тщательно укутана,
Завернута в хрустящий белый холст —
Большая книга с золотыми буквами,
И крест на ней такой же золотой.

"Е-ван-гелие" — за слогом слог читаю
И картинки, не дыша, смотрю:
Восходит человек по облакам
С улыбкою блаженной —
к небу, в небо!

2.

Я плачу над рисунком, где, худющий,
Все тот же человек прибит гвоздями
К распятию.
От бабушки я знаю,
Что звать его так странно — Иисус.

Фамилия еще необычайней —
Христос.
У нас в округе Ивановы
И Богачевы есть, Помалюки,
Давыдовых семья.
Христосов — нету...

Неведомую тайну чердака
Берег я пуще, чем зеницу ока.
Догадывалась бабушка, наверно,
Когда персты на лоб мне возлагала

Пред сном грядущим
и шептала что-то.
И были у нее глаза такие,
Какие видел я на тех картинках
В Евангельи
у матушки Его.

А медный крестик
я хранил в жестянке.
Что пахла леденцами.
Помню, помню.

Как одевал его я перед Пасхой
И прятал от друзей,
как драгоценность.
Куда, когда пропал он?..

3.

Куда бесследно канули года:
Вдруг промелькнет лицо,
но чье — не помню,
Или услышу голос — только кто
Зовет меня
сквозь непроглядность ночи,
Сквозь жуткий мрак,
что жизнью называем?..

Одно виденье лишь приходит часто
Во сне теперь, когда перешагнул
Я возраст Сына Неба:
крест на взгорке
И черная безумная толпа,
ОН — восходящий или уходящий
От мерзости земной. От нас. Для нас.

Да, я жалею, очень я жалею
О книге в золотистом переплете.
О ней забыл я после, увлеченный
Никчемной суетою, что так долго
Отождествлял со благом.
О, наивный,
Как мог я тьму не отличить от света?
Но я нашел, нашел тебя, Иисус
Христос!
Ты не забыл мальчишку
С печальным, ясным,
отрешенным взором,
Готового боль разделить твою?
Прости меня!..
Благослови малого:
Ему еще дорога предстоит.

1990-1997

АНАТОЛИЙ ФОРОВ

Форов Анатолий Павлович родился в 1956 году в деревне Раисовка Прохоровского района. Детство и юность прошли в селе Дорогобужино Белгородского района. Закончил Разуменскую среднюю школу. Служил в Германии.

Работал фрезеровщиком, шлифовщиком, помощником бурильщика, машинистом ВРГ. В настоящее время работает в охране завода ЖБИ-1. Живет в поселке Разумное Белгородского района.

Печатался в районной и областных газетах, произведения А.Форова вошли в "Антологию современной литературы Белгородчины" (1993). Он автор двух стихотворных сборников — "Перепаханные дороги" (1993) и "Боль" (1995). Готовится к печати новая книга стихов.

* * *

По заросшей тропинке нехоженой,
Как бывало, сегодня пройдусь,
И отчаянно, гостем непрошеным,
Я в окошко к тебе постучусь.
Этой жизнью сырой и гонимою
Я иду из далеких веков,
Не сердись, моя женщина милая,
Но не мог я прийти без стихов.
Я не стану искать оправдания
И скулить от возможных причин,
Просто сердце до боли изранено
И былое сиротством горчит...

* * *

Зря, наверно, Правду
Я искал в труде.
Кто-то к славе едет
На моем хребте...

* * *

Что тебе до бед моих,
До истерзанных страданий?
Я ловлю свободы миг,
Как последнее дыханье.
В днях разгульных и пустых
У судьбы стою на грани...
Почему ж в глазах твоих
Слепота непониманья?
Ты, любя и не любя,
Мне прощаешь, не прощая,
Я всю жизнь ищу себя,
Рядом пропасть ощущая.
Потому свободы миг
Жду я, как исповеданья...
Что тебе до бед моих,
До страданий без страданья?

* * *

Хватит, милая, хватит
Душу мне теребить,
Я куплю тебе платье,
Даже два, может быть.
Они будут из света,
Из травы и цветов,
Из улыбок поэта,
Из любви и стихов.
Люди с завистью скверной
Будут взгляды косить.
Эти платья бесценны
И не всем их носить!..

* * *

Я опять чего-то жду,
Беспокойно сердце бьется,
Может, новую беду
Пережить в судьбе придется.
Даже с милой в шалаше
Не уйти мне от кручины —
Столько боли на душе,
Столько ран незалечимых.
И не знаю, что еще
День грядущий мне подбросит.
Жизнь моя ручьем течет
Может в лето, может в осень...

* * *

В твоих глазах весна,
В моих — седая осень,
Ты свежестью полна,
Мой путь листвой заносит.
Ты к солнцу норовишь
Скользнуть, в лучах играя.
А я туда, где тишь,
Где ночь звездой сгорает.
Что общего у нас?
Ты вряд ли мне ответишь.
Вот я уйду сейчас,
А ты и не заметишь...

* * *

Говорят, что пьют сейчас прилично.
А когда не пили на Руси?
Ты любого старца расспроси,
Он ответит: "Пьют, как и обычно..."
И, взглянув, за облачные дали,
Дым пустив, мечтая, уплывет...
И добавит, будто нож воткнет:
"Только Русь,
как щас, не пропивали!.."

РОССИЯ

Тебя овеяли дурманом,
Чтоб не жила своим умом,
Смотри, как демократы рьяно
Торгуют западным дерьмом.
А кто-то вновь с зарплатой дикой,
Хоть заживо похорони,
И чья-то мать рыдает с криком
Над похоронкой из Чечни.
Теперь бомжом и сам живу я,
Как будто в чем-то согрешил,
За демократию такую
Я голову б не положил.
Пусть говорят, что время лечит,
Что время светлое придет...
Но сколько судеб искалечено
И скольких эта доля ждет!..

* * *

Что-то есть в твоей тоске
Обнаженное такое,
Ты гадаешь на руке
И вычеркиваешь злое.
Только, знаю, не уйдешь
От судьбы, как говорится,
И ее не разорвешь,
Не заставишь подчиниться.
И я слушаю твой бред
Про удачу и дорогу,
Даже верится, что нет
Ничего на свете злого.

* * *

Все недосуг, все чем-то занят,
Пора бы сделать и привал.
Давно я в праздник светлой ранью
В российской церкви не бывал.
Там хор поет, поют старушки,
Церковники, как на подбор,
И, как на празднике игрушки,
Огнем ласкают свечи взор.
И души слезы там роняют,
Там не скандалят, не винят,
И в церкви той, я точно знаю,
Давно ждут грешного меня.

ГАЛИНА ХОДЫРЕВА

Галина Васильевна Ходырева родилась в Борисовском районе. Детство и школьные годы прошли в Грайвороне. Здесь она окончила среднюю школу. После учебы работала в Грайворонском лесхозе секретарем-машинисткой.

В 1954 году переехала в Белгород. Работала в редакции областной газеты "Белгородская правда". Затем перешла в Белгородское книжное издательство, сначала корректором, а после окончания Московского заочного полиграфического института — редактором массовой литературы.

В разные годы у Галины Васильевны вышли три детские книжки: "Белочка" (Курск), "Весенний денек" (Белгород), "Лесные малыши (Воронеж).

Печатали ее стихи и в разных коллективных сборниках, в журнале "Подъем", в областных газетах.

* * *

Люблю ночные улицы в дожде,
Когда в лицо — упругий, гулкий ветер
И от дождя спасенья нет нигде.
И никого на улице не встретить...
Весь город — твой,
Промокший и густой.
Твои дома, кварталы, перекрестки,
Разлив огней на мокрой мостовой,
Унизанные каплями березки.
И то окно на первом этаже,
Задернутое дождевой завесой.
Оно — как недосказанный сюжет,
Где все запутанно и неизвестно...
В него стучит, стучит упрямый дождь,
Как будто на свиданье вызывает.
Какой он глупый —
Ты ведь не дойдешь.
Тебя такая непогодь пугает.
А ты махни хоть раз на все рукой —
На дождь, на слякость,
На ночную стужу.
Давай, как в детстве,
Пробежим с тобой
По звонким, разлетающимся лужам.
Давай дождя напьемся допьяна,
Вприкуску с темно-синим ветром.
...Танцует дождь у твоего окна —
И долго ждет он
Встречи с человеком...

* * *

Два дня назад переломилось лето.
И потянуло холодом с утра.
В нем было столько радости и света.
Что принесет осенняя пора?
Холодный сад с последними цветами.
Шиповник, словно в капельках крови.
И нет уже той ясности меж нами,
И словно нет и не было любви.
И так тревожно шелестят осины

И сиротливо стынут за окном.
Уже не манят рощи и долины
И кажется таким уютным дом...
И были, были радужные ливни,
И вишни белокрылые в цвету.
Не верится, что грянет холод зимний
И заморозит птицу на лету.
И может быть, тебе еще услышать
Ее земной, ее последний крик.
Взойдет звезда зеленая над крышей,
К твоим глазам приблизится на миг.
И сразу же погаснет незаметно,
Как будто не светила никогда...
Два дня назад переломилось лето,
И ранние настали холода.

* * *

Я родом с певучей лесной стороны,
Где все зеленым-зелено,
Где солнце качается в лапах сосны
И светят березы в окно.
Я родом из края веселых дождей
И тихих речушек лесных,
Из края, где в сумраке летних ночей
Живут беспокойные сны.
Где звень жаворонка и шелест осин,
И гул пробужденных полей
Сливаются в песню о милой Руси,
О родине светлой моей...

* * *

Я приду в нашу рощу,
Когда опустеют аллеи,
Я дотронусь щекой
До березовой теплой коры...
Вот и лето прошло.
Мы немножко с тобой постарели,
И уже у порога
Приметы осенней поры.
На дорожки ложатся
Сквозистые длинные тени,
Желтизною прошита
Звенящая зелень берез,
Я у старого дуба
Присяду на груду поленьев,
Где живет тишина
Над прохладной прозрачностью рос.
Я у рощи спрошу,
Сколько сказок она припасла мне,
Сколько звуков и слов
Мне подарит она без прикрас.
Я весь день просижу,
Вспоминая без грусти о давнем,
И с собой унесу
Все, что осень мне щедро отдаст...

* * *

Жил бы мой человечек
Во гремучих лесах,
Где стоят, словно свечи,
Дерева на часах,
Где ветвей опахала
Непроглядно густы,
Где бы я отдыхала
От мирской суеты.
Мне бы росы в ладони
Опускались, звеня,
И веселые кони
Узнавали меня.
Уносили далече
На ветрах-парусах.
А навстречу, навстречу
Только звоны в ушах,
Только ширь и раздолье —
Журавлиный полет.
И ни горя, ни боли,
Ни тревог, ни забот...
Но глаза я закрою
И представлю на миг
Безмятежность покоя,
Тишину на двоих.
И захочется снова
Мне в сумятицу дел,
И, наверно, иного
Мне не нужно в удел...

* * *

В предрассветности голубой
Тают звезды одна за другой.
Как снежинки под теплым ветром,
Как дождинки на тонких ветках.
Тают тихо и неизбежно.
Тают звезды — мои надежды.

ВЛАДИСЛАВ ШАПОВАЛОВ

Владислав Мефодьевич Шаповалов в 1943 году семнадцатилетним ушел на фронт. Тяжело ранен, награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, многими медалями. Прошел боевой путь от рядового до офицера. Демобилизовавшись после войны, окончил университет, затем проучительствовал 30 лет. Автор более двадцати книг — романа "Белые берега", повестей "Серые великаны", "Медвяный звон", "Зачарованный бор", "Буланка", "Старый букварь" и других, изданных в Москве, Киеве, Воронеже. Он лауреат Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества, а также лауреат трех журнальных премий. Книги его переведены на ряд западно-европейских языков.

Критика отмечает образность языка писателя, отличительные особенности творческой манеры: "...емкость, лаконичность фразы, выразительность детали, философско-лирическую окраску повествования"; относит его к "признанным мастерам русской прозы XX века".

Г Р Е З Ы

(опыт фактологического романа)

Глава XVIII
С.С.КОСЕНКОВ *(фрагменты)*

В судьбе писателя могут выпасть светлые моменты творческого и духовного общения с людьми родственных искусств, людьми, которые не болеют зеленой завистью к чужому успеху, что я постоянно наблюдаю в среде пишущей братии — до исступления бешеную трясучку амбиций друг перед другом с искусственной игрой в "гениев", а, наоборот, делят радость удач, дополняя друг друга. Такая форма творческих взаимоотношений, или, точнее, творческого взаимообогащения, может сложиться между писателем и художником, которые делают одну книгу. Вообще, прозаик от прозаика, поэт от поэта, художник от художника взаимоотталкиваются, как одноименные заряды. В данном случае — писатель и художник — заряды разноименны, они притягиваются. Я считаю, что у каждой книги есть три счастья. Или несчастья. Это — удача сочинителя, удача редактора и удача художника. Если три условия сходятся — выходит большое счастье книги, а по высоким меркам — событие в культурной жизни края, страны, мира.

Такое счастье общения с большим художником выпало в жизни и мне. Я работал со Станиславом Степановичем Косенковым.

Как было заведено в издательском деле прежде, в подсоветское время? Чаще всего издательство даже не считало нужным поставить автора в известность, кто оформляет его книгу, не говоря уж о том, что это должна быть обоюдно-творческая работа. Вероятно, с именитыми было иначе. Там проиллюстрировать книгу большого писателя составляло для художника честь. Здесь же — все наоборот. С челядью, подобной большинству из нас, в этом плане абсолютно не считались, и предложение писателя дать оформить книгу тому или иному художнику воспринималось как завышенные требования, а то и капризная прихоть.

Работали мы над двумя моими книгами: "Весны детства" и "Медвяный звон". И как только Станислав взялся за дело, последовали телефонные звонки, характерные для белгородцев. Станислава настоятельно убеждали не работать над моими книгами, о чем он не раз говорил мне. К счастью, сохранилась магнитная запись от 7 декабря 1988 года:

"Когда Владислав Мефодьевич обратился ко мне, то, в общем-то, были звонки такие, очень даже нехорошие... Как обычно, поставить какую-то грань. Ну, мол, в общем, это не то, за что ты берешься..."

Такой пассаж для меня не новость.

На учете в Курской писательской организации я состоял недолго. Жил я тогда в районе, наезды в областной центр были нечастыми. Общаться с коллегами приходилось редко. Но в Курской писательской организации каждая моя новая публикация встречалась доброжелательно. А каждый мой приезд в писательскую организацию остался в памяти праздником. Общение с Евгением Ивановичем Носовым, Петром Георгиевичем Сальниковым, ребятами помоложе — Мишей Еськовым, Владимиром Детковым, Юрием Першиным — это самое светлое, что осталось вообще в моей духовной жизни.

В Белгород я переехал из Курской области по инициативе Евгения Ивановича Носова и при содействии Сергея Михалкова. А перед прибытием я с нескрываемым интересом долго копался в "Справочнике Союза писателей СССР", вылавливая фамилии белгородских писателей, стараясь представить себе племя новое для меня, незнакомое, что, естественно, невозможно. До этого я тридцать лет проработал в школе и знал педагогические коллективы со сложными, порою не совсем здоровыми взаимоотношениями. По моим наивным представлениям я полагал, что писатели — люди самых возвышенных идеалов и самого высокого духовного уровня — да иначе и быть не может! Не имея такого багажа, нечего положить на бумагу. Я полагал, что писатели радуются успехам друг друга, и мои творческие радости будут разделены так же, как я радовался бы рождению нового хорошего по литературным меркам произведения товарищей по перу.

Когда я переехал в Белгород, то сразу попал в гущу пишущей братии, общаясь с членами Союза писателей чуть ли не каждый день. Поначалу встречали меня заискивающе и даже со стороны некоторых угоднически — а вдруг я стану еще литературным чинушею!

Но очень скоро те, кто заискивал и льстил, отвернулись: что за классик явился, когда мы сами тут классики!

В этой связи вспоминаются Дома творчества. Сколько там самодовольной спеси и литературно-номенклатурного чванства! Был я как-то в Переделкино, что под Москвой. Там, в сосновом бору, стоят отдельные домики. И в каждом — по гению. От каждого самомнения — крыша поднимается на каждом особнячке! И как же ничтожно чувствуешь себя за столом перед всемогущим словом — как вздергиваешь подбородок перед коллегами, вставая из-за того же письменного стола! А вообще, писатели — тронутые самолюбием люди. Все соперники — точнее: затаенные или открытые противники, искусственно объединенные в кучу Союзом писателей. Стремление затоптать, принизить, отодвинуть на задний план, ограничить мою инициативу, не дать развиться в

полную меру моим способностям я испытывал в белгородской писательской среде постоянно. Все это выражалось и скрытно, и гласно. Чего только стоит пакость, отосланная официально, на ведомственном бланке, с подписями ответственных лиц, в Комитет по Государственным премиям СССР из Белгородской писательской организации, о том, что здесь против выдвижения произведений В.Шаповалова на соискание Государственной премии.

В ходу была, да остается и теперь, при нынешнем ответсекретаре, тенденция стравить писателей между собой, как сейчас это делают "демократы" с народами бывшего СССР, поссорить меня с как можно большим числом писателей, а потом указать пальцем — смотрите, какой неуживчивый человек: и этот ему не угоден, и тот! А неуживчивы были и остаются по сей день мои взгляды на вещи со взглядами тех, с которыми приходилось конфликтовать. В силу своей педагогической деятельности, я всю жизнь учил других: Ваня, не лги, не лицемерь, не предавай, будь справедливым. И это не могло не отразиться на моем эмоциональном, даже порой возбудимо-взрывном характере, что всегда вредило мне. Я всегда восставал против несправедливости, причем, мог и ошибаться, конечно. Но эти качества натуры, повторюсь, необходимы творческому человеку, они — слагаемые его дарования. Если нет обостренного чувства к окружающий действительности, нет болезненной реакции на зло — за перо не берись. Писатель — это человек с очень развитым чувством социальной справедливости, это больная совесть общества.

Губит нас, славян, три беды: сравнение — зависть — вражда. Как только к кому-то приходит успех, сразу сравниваешь с собой, что порождает зависть. Зависть, в свою очередь, разобщает, ведет к вражде. Как только выйдет у меня новая книга, так часть моих коллег перестает со мною здороваться. Отворачиваются незаметно при встречах, избегают подать руку. Потом отходят. До новой публикации. А так как у меня книги выходили регулярно (в восьмидесятых годах вышло десять книг, не считая постоянных публикаций в журналах), то у некоторых завистников этот немой карантин длился перманентно... На языке того да и нынешнего времени все это называется "здоровой" конкуренцией и "творческим соревнованием".

Мы тесним, отталкиваем друг друга, работаем локтями, а того не понимаем, что яркие художественные произведения, если они появляются, не оттесняют другие замечательные вещи, а дополняют их. Талантливо написанные книги уживаются между собой легко по законам взаимодарований, оттеснять они могут только серость.

В нашей литературной среде, да и далеко не только в нашей, каждый хочет быть выше других и считает, что плоды его труда лучше, чем у остальных. Так заложено природой, иначе не было бы прогресса, если бы не было борьбы видов. Писатель, как влюбленный, слепнет, создав свое детище, и не видит недостатков, опять же как влюбленный у своей возлюбленной, пока они вместе не съедят пуд соли в законном браке. Но тут есть существенный нюанс. Каждый графоман считает себя гением. И гений считает себя так же. Разница в том, что гения все время гложут сомнения. Графомана сомнения не гложут. И они, литературные строчкоплеты, надуваются друг перед другом пузырями, достигая больших успехов в писательском высокомерии.

Здесь опять вступает закон природы: она не терпит пустоты. Чем меньше человек из себя представляет, тем за большее себя выдает. Свято место пусто не бывает. Чем больше у человека данных, тем меньше остается места для спеси, тем меньше страдает его самолюбие. Имея литературный багаж, он знает, как мало он сделал по сравнению с тем, что должен бы сделать, и уж совсем ничтожно мало по сравнению с тем, что сделали другие. Обделенные талантом, имеющие только страсть к строчкогонству, пытаются встать вровень с признанными и оттого выглядят еще глупее, чем они есть на самом деле. А амбиции — это болезни самонедостаточности. И если нечего представить, то начинаются эффекты позы, чистоплюйства, самомнения, а у слабых поэтов — артистизм чтения своих худосочных стихов, придание каждому слову особой

выразительности при его полной слабости. Далее идет следствие: чем мельче такой человек в литературе, тем ничтожнее он в жизни. От этого страдают окружающие. Большая душа не удовлетворена собой; мелкие натуры недовольны окружающим. И чтобы как-то проявить себя, они начинают оттеснять более талантливых, дабы не было более сильного фона. На фоне дохлой серятины можно респектабельно выделиться и посредственности. Особенно такие типы рвутся к литературной власти, и, как замечено, все более нечистоплотными путями. Писательское секретарство их заветная мечта! Более всего мы это наблюдаем у выходцев из бывшей партийной номенклатуры. А дорвавшись к литературной власти, такая бездарь начинает качать права и все грести под себя в лично корыстных целях — издания, квартиры, машины, любовницы, звания... И начинает создавать себе искусственно дутый авторитет при помощи литературной должности за счет общего писательского авторитета, паразитируя на нем. Я встречал людей, умеющих максимально выжимать личные выгоды из административного кресла. Подобные типы перешли благополучнейшим образом в новую систему, и, как никто лучше, прижились в ней.

Тщеславие сидит в президиуме, изрыгая литературную блевотину; литкаторжане находятся в трюме. Я представляю литературное дело галерой. В трюме сидят рабы, прикованные к веслам-перьям; на палубе, в капитанской рубке, почивают на лаврах аристократы литературного блеска. Пираты духа. Одни преподносят запросу власть имущих пустозвонные "нужники"; другие творят "нетленку".

К сожалению, порок нашего общества состоит еще и в том, что в нашем сознании многие понятия перевернуты из нормального состояния в ненормальное. Если прозябаешь по своей несостоятельности, то внутренне, пожалуй, часто смеются над тобой, чувствуя свое превосходство, но внешне выражают даже сострадание. Если бы я валялся под забором в корчах хмеля, то, кроме внутренней брезгливости, ко мне было бы еще какое-то сочувствие — руку бы подали. А если я преуспеваю — завидуют и ненавидят меня. Видимо, поэтому у меня в жизни — вечный конфликт с действительностью. Принимая художественную литературу за действительность, я подходил к окружающему меня миру с теми мерками, которые давала мне литература, а действительность несравненно мельче, подлее, гаже, чем искусство. Все это оборачивалось для меня обратным концом палки. Для меня — писателя — жизнь является не предметом литературы, а предметом ее правки. Из-за литературы я прожил не той жизнью, которая окружала меня, а ложной, и таким образом всю жизнь обманывался. Думаю, если бы жизнь строилась по писательским меркам, а не по меркам философов и тем более не по меркам всегда преступных перед народом политиков, то была бы совсем другая планета Земля и жизнь на ней. Когда писателю задаю вопрос: соответствует ли он сам тому идеалу, который создает, то ответ лишь один: конечно нет! Писатель сам очень далек от тех идеалов, что преподносит обществу. Но разница между писателем и остальными людьми в том, что он, неся пером высокую нравственность, невольно приближен к идеалу поведения человека на земле больше, чем те, кто лишь воспринимает этот идеал через слово. Общение с искусством возвышает, столкновение с действительностью — принижает личность. Художественная литература в нынешних зловещих условиях вредит людям: из каждого она пытается сделать человека в то время, как процветает только приспособленец-потребитель, хам, подлец и преступник.

Вспоминая своих коллег, я говорю себе: спасибо друзьям — они помогли мне встать на литературные ноги. Но гораздо большее спасибо врагам моим: они ярили, стимулируя, мое перо. А вообще-то: друг — слишком зыбко; враг — надежнее.

В силу исторически сложившихся обстоятельств Белгород — город пришлых и разноплеменных жителей. Область образовалась сравнительно недавно и людскими ресурсами пополнялась за счет кочевников, прибывающих

сюда со всех городов и весей страны. Здесь не заложен в основу народонаселения коренной генофонд, как это мы можем наблюдать во глубине России, скажем, в том же Липецке, состоящем, в основном, из людей, переехавших в город из окружающих деревень, где в большей мере сохранились традиции великорусской предельной честности, искренности, доброжелательства и порядочности, кстати — отрицательных черт в сегодняшней жизни, ибо они ведут к гибели нации в современных условиях, навязанных нам более "цивилизованными" варварами Запада. Да если бы такое и произошло, скажем, если бы население Белгорода составляли жители только нашей области, то из этого тоже ничего бы не вышло. Дело в том, что Белгород исторически порубежный город, город тусовок племен и народов. Враги приходили сюда и уходили, это был как бы полигон маневров для Великой Руси. И каждому пришельцу следовало кланяться. Складывался нестойкий, беспринципный характер с большим подмесом лицемерия, двурушия и предательства. Отсюда — приспособленчество, готовое служить любой власти. С другой стороны сюда приезжала уйма людей, где-то "погоревших" или не нагревших себе места

Конечно, это не категорическое обобщение, всегда есть исключения, но то, что сказано выше, можно узреть невооруженным глазом. Согласно этим принципам складывались и ненормальные взаимоотношения между людьми, что приобретает гипертрофические формы в творческой среде.

А вообще-то, у писателя больше друзей в мертвых; в живых больше недругов. Отсюда — общение с книгами вернее общения с людьми. За литературу можно спрятаться от жизни. Но это уже уход от действительности.

Художник, возводя монумент Национальной культуры, постоянно борется с окружающей его толпой завистников и недоброжелателей в вечном моцарто-сальериевском варианте. То, что испытал на себе я, перенес, может, не в меньшей степени и Станислав Косенков. Не раз он рассказывал мне, как его коллеги издевались над ним. По-иезуитски тонко и подло, зная, где больнее всего можно ужалить — творческое самолюбие, — не пренебрегая и мелкими уколами, по пустякам, вызывая на скандал. Скажем, едет коллектив художников в Москву на выставку. Зная, что Славу нетрудно выбить из колеи, приходят к нему накануне в мастерскую с бутылками. Если сорвать поездку не удалось, то уже там, на месте, являются в гостиничный номер. Наливают: ну, что ты, мы — пьем! Выводят его из строя. А назавтра выставку смотрит высокая художественная и прочая бюрократия от которой зависит официальное признание и, значит, заказы — материальная сторона дела. Слава отключен. Лежит в гостинице или явится перед начальством в неприглядном виде, что еще хуже.

Как-то раз пришел он на выставку, а его работу повесили вверх ногами рядом с бездарной подмалевкой... В следующий раз "забыли" включить его работы в каталог выставки. Его одного. Все есть, а он "случайно" выпал, хотя работы и представлены... И таких примеров можно навязать целую низку... Ясно, для чего это делалось! Оттеснив талант, на парнас взойдет бездарность. По закону: свято место пусто не бывает. У нас часто посредственность безраздельно подавляет способность.

Кто-то из космополитов пустил побасенку, будто в родном краю пророков не бывает. Эту побасенку подхватывают непосвященные и твердят ее на все лады. Поэтому в родном Отечестве больше душителей национальной культуры, чем пророков. Еще можно услышать в нашей среде, что писателя оценивают после его смерти. Это масонский метод подавления национальных культур. При жизни не ценят, замалчивают, а после смерти "забывают" оценить, если он не вписывается в параметры интересов интернациональной плутократии, правящей миром. И если талант настолько сильно выражен, что прорывает эти космополитические заслоны и вырывается в известность, его пытаются подкупить. А если и это не удается, убирают физически. Наша история пестрит подобными примерами.

К беде, вторгшейся к нам извне, мы добавляем свою. Пока мы живы, то дмемся спесями гоноровито друг перед другом, что не дает нам взглянуть округ себя объективными глазами. Наши писатели видят только себя и больше никого не видят. Но когда человека не станет, то уже не перед кем пыжиться, вот и наступает протрезвление. Так появляются Рубцовы и Прасоловы.

То же самое происходит и в среде художников, о чем Станислав не раз рассказывал мне. И в минуты тяжкого душевного состояния он вспоминал Орел. Там он жил, преподавал. Там прошли самые светлые возрастные годы молодости. В Орле, говорил он, давние культурные традиции дают о себе знать до сих пор, какие бы ни были веяния. Там существует общественное мнение об искусстве, независимое и неподвластное администрации, творческим организациям. И существует отношение к автору по его труду, а не по тому, как он живет с бабушкой или как расплачивается с долгами. Я бы добавил: как лижет начальству...

Полагаю, что это в некоторой степени ностальгия. И вызвана она больше состоянием упадка сил, хорошо известного творческим людям, вызванного внешними обстоятельствами. Бывают такие моменты депрессии, такая слякоть на душе, что и поскользнуться недолго — примеров тому множество. Да и трагическая судьба Косенкова бродила где-то близко возле этого...

Ясное дело, что и с культурой было не все благополучно, как того хотелось и требуется для полнокровной жизнедеятельности общества, хотя в нашем недавнем прошлом культуре уделялось внимания несравненно больше, чем сейчас, в эпоху удушения культуры, когда библиотеки, школы, клубы закрывают, а церкви возводят: молитесь и кайтесь. Нас сознательно опускают в шестнадцатый век. Идет полное разрушение человеческой души и ДУХОВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ народа. Даже больше: мы наблюдаем спланированное целенаправленное уничтожение всех интеллектуальных институтов общества, ликвидацию духовных ценностей и в итоге — ликвидацию самой нации славянства как самостоятельного этноса. Сегодняшнему режиму нужны рабы духа.

Две беды идут рядом, обнявшись, на стезе творческих дарований. С одной стороны, мы сами в зависти к успеху товарища готовы подавить друг друга. С другой стороны — в русской действительности, чтобы не было конкурентов для инородной посредственности, мы наблюдаем планомерное истребление дарований — Пушкин, Лермонтов, Есенин, Клюев, Орешин, Васильев, Рубцов, Шукшин, Мигуля, Тальков, Косенков...

Убрав Есенина, Рубцова, Талькова, нам подсунули Бабеля, Вознесенского, Окуджаву, Шуфутинского. Только их и слышим.

В том-то и трагедия нашего общества, что дрянцо держится крепко на ногах, а вот Косенковы падают...

Убери национально-талантливое — на пустыре вырастет чертополох бездарно-космополитического и диссидентского. А мы знаем, что это значит для нации. Знаем, что диссиденты — это микробы, вызывающие болезни общества.

Обо всем этом, я говорил на выставке в Белгородском художественном музее, приуроченной к сорокапятилетию художника (октябрь 1986 г.):

— У настоящего художника больше подлинных друзей там (указал на землю), чем здесь (обвел рукой зал, где находились его коллеги). Здесь больше врагов. Завистников. Это закономерно: на одного Моцарта, который еще только должен родиться, приходится тысяча Сальери, которые уже алчно ждут его появления. Алчно стоят у трона искусств с ножом, веревкой или дуэльным пистолетом. А то и с ядом. (Надо было добавить: или чаркой. Но в той обстановке это вызвало бы не ту реакцию — смешок, вместо трагедии). Могущество художника в том, — продолжал я, — что он один сильнее тысячи их, подсальериев! Помни это всегда. Ничто не выбьет тебя из колеи, если ты поставишь творчество в своей жизни, свою работу выше всего наносного.

К счастью, в наших отношениях Станислав оказался выше всяких наслоений. Выше даже политических страстей, которыми была охвачена вся страна тогда, когда нашему обществу начали ломать хребет буржуазные демократы. Помнится, уже в новой его мастерской, мы, увлеченные очередным обманом, принялись создавать и свое патриотическое общество "Единение". На этой почве у нас возникла размолвка. Избранный нами председатель использовал духовное направление общества (его вывеску) в своих коммерческих интересах. Кроме того, Станислав сразу не понял, что нас просто-напросто предали, использовав, в обход, наши имена. Между нами "пробежала черная кошка". Потом я, на правах старшего, позволил ему (а он был чертовски самолюбив, самомнение тоже пучило ему подбородок):

— Для меня выше всего то, что ты делаешь, и это никогда не изменит моего отношения к тебе как художнику.

На что он ответил мне тем же.

Наши взгляды, в основном, совпадали, да и не могут они у родственно-славянских душ расходиться, это уже если человек переродился и сменил шкуру ради пряника или его корчит от личных амбиций — тогда другое дело. Мы понимали друг друга с полуслова и были, по главным, глобальным вопросам соратниками, что также стало важным слагаемым в нашем взаимотворчестве. Я уже говорил о трех счастьях книги. Можно добавить четвертое слагаемое счастья книги после автора, редактора, художника. А вернее — первое: убеждения всех исполнителей. Ибо сближение людей должно начинаться со взглядов и общих интересов. И я позвонил ему потому, что для художника главное творчество, а не политика, хотя она часто определяет творчество, — пусть политики сами там разберутся, кто прав, а кто виноват. Наше дело показать обществу — какие они.

Конечно, надо понять и "нехорошие", как выразился Станислав, а точнее — завистливые, подлые телефонные звонки. Можно представить и то, как белгородские "светила", набившие уши читателю "локтями с бицепсами", могли воспринять мое творческое содружество с Косенковым. Ведь Станислав отказывал просьбам многих местных авторов, он так никого из белгородцев и не проиллюстрировал. А тут две книги сразу! Человек только появился в области (где он взялся на нашу голову), и художник, который брался только за Пушкина, Достоевского, Лескова, а из современников — шел на уровне А.Прасолова и Е.Носова, вдруг стал работать со мной.

Кстати о Прасолове. Станислав говорил мне, когда иллюстрировал книгу Прасолова "Стихотворения", что поэт хотел подать историю России через свою судьбу, но у него это не получилось. Я видел, что Станислав хочет помочь поэту восполнить то, что не удалось Прасолову, взяв на себя часть трагической ноши. Как это ему удалось — судить читателям, но я считаю, что это одна из лучших работ Косенкова, выполненная в русле русского реалистического письма.

Однако, вернемся к предмету разговора, ибо белгородской писательской организации да и самим белгородцам здесь посвящены отдельные главы.

———————— • ————————

Цитирую Косенкова далее:

"Ну, я не очень вежливо отставил этого человека в сторону и взялся за текст, потому что надо смотреть на то, что делает человек и как он делает, а не на то, что о нем говорят..."

Мне лично Станислав Косенков откровенно говорил об этом так:

— Когда мне начинают говорить плохо о В.Шаповалове, я спрашиваю: "Вы "Зачарованный бор" читали?"

— Нет, отвечает.

Тогда я задаю еще вопрос: "А "Буланку"?"

— Нет.

— А "Серые великаны?"

— Нет.

— Так о чем тогда говорить! Я сначала исхожу из того, что человек сделал. А из того, что не сделал, вывожу, какой это человек.

Несмотря на разницу в возрасте (15 лет), у нас были равные, самые дружественные отношения. Однажды он прямо признался мне:

— У меня с вами дружба на основе творческого уважения, и все другие налеты сразу отбрасываются.

Включаю снова магнитную запись:

"Я раньше читал литературоведческие вещи, но когда наткнулся на Писарева — просто два дня не мог работать. Ну, вот, не могу — и все! Торчат у меня писаревские слова, мощным таким стилем слов. Втемяшило мне в голову, что Пушкин — это, в общем-то, не то. До тех пор, пока я не раскрыл совершенно случайно "Руслана и Людмилу". Писарева я больше не видел за Пушкиным!"

Здесь снова необходимо прервать художника: не случайно Станислав Степанович Косенков учредил в Белгороде Пушкинское общество. Он первым из нас поднял голос в защиту русского гения, когда темные силы начали свое черное дело под кодовым масонским термином "перестройка".

Ничего нового в тактике нынешних переворотчиков нашей жизни нет — они даже не способны изобрести что-нибудь свежеиспеченное — ума не хватает. Методы захвата власти с целью угнетения народа до примитива просты, что у большевиков начала столетия, что у "демократов" конца века: обгаживай прошлое, низвергай национальные авторитеты, опошляй существующие институты державности, тогда русскому народу не на что будет опереться в борьбе за свою независимость и свободу. И под прикрытием всей этой пены, путем обмана и призрачных обещаний, захватывай рычаги правления, чтобы издеваться над народом именем того же народа, уничтожая его.

Одним из пробных пусков этой методы был выданный из забугорья пшик прямо нам в лицо некоего агента международного капитала, диссидента-космополита Терца. Никто, может быть, и не вспомнил бы о нем, если б он не развонялся. Здесь — коль не удалось что-либо свершить в литературе и прославиться, то есть "хороший" способ нагадить, чтобы душок разошелся по всему свету. Этот блудодей так и сделал: облил грязью имя гения. Печать подняла неимоверный гвалт. Одни — "демократический" фронт — поддерживали русофоба-христопродавца, другие — патриотическое движение в обществе — обороняли Пушкина. Враждебным силам удалось-таки втянуть в пустопорожнюю свару наши и без того разреженные патриотические ряды. Были изведены сотни, если не тысячи гектаров русского леса, а порядочная часть общества не заметила, как ее просто дурачат, пускают энергию интеллекта национального потенциала в ничто. В пустоту. Разряжают ее бесполезно, во вред себе. И когда на одном из заседаний Пушкинского общества Станислав Степанович стал призывать к тому, что, мол, надо защищать поэта от грязных нападок, я подумал и сказал:

— А нуждается ли Пушкин в нашей опеке? Он сам себя защитил на века вперед своим творчеством! Нам не следует поддаваться на провокации. Нужно здесь, на заседаниях, не идти на поводу блудодеев, а наслаждаться стихами гения. Это будет главная защита его славного имени.

Помню, как в дни 150-летия со дня гибели Пушкина по телевидению пустили киноленту, которая должна была по замыслам колдунов потребительского телеварева снизить роль поэта, затмить его. Тщетны потуги! Гения затмить может только гений. И не затмить. Здесь выходит интересно: чем ярче всходит на литературном небосклоне звезда, тем сильнее сияют остальные.

Страсти вокруг рептильного недочеловека Терца, а точнее — подлеца-провокатора, ибо он знал, что делает, — улеглись, имя его улетучилось, а Пушкинское общество осталось здравствовать, общество, о котором Станислав Степанович сказал:

— Это наш дом, где собираются родственные души. Моя цель — просвещение людей именем Пушкина, ибо все то, что было вокруг Пушкина, убивало его, и сейчас то, что окружает нас, убивает Пушкина... Трагедия Пушкина всегда с нами.

А однажды, работая над иллюстрациями к поэме "Руслан и Людмила", он с подъемом воскликнул:

— Пушкина я представляю всегда юным, в 14-15 лет. Живой, как ртуть, перемещающийся. И в то же время такая мудрость...

Но позвольте Вас, уважаемый читатель, вернуть к нашему изначальному разговору, к подлинным записям на пленке голоса Станислава Косенкова — этой реликвии, о которой еще никто не знает:

"Потому, в общем-то, когда я взялся читать Владислава Мефодьевича, а я могу сказать, что избалован хорошей литературой, мне удалось покопать Достоевского, Лескова, это мне столько дало, что я не знаю... если я беру книжку, открываю книжку, если строка меня не берет, несколько строк не захватывают, значит, все это дребедень — у человека нет царя в голове. Он набирает, представляет предложения слов каких-то, у него нет своего мира, нет построения совершенно определенного такого. Открываешь, вот, не глядя открыл, смотришь — это Толстой, это Гоголь, это Достоевский, это Чехов, то есть, свое построение, своя ухватка, свой подбор обыкновенных слов, которыми пользуются все. Ну, наверное, я не смогу проанализировать построение такое, чисто литературоведческое, Владислава Мефодьевича, как он ставит дело и цель, вот, но это совершенно своеобразная какая-то строка, которая вначале, в общем-то, не то, что хватает. Хорошо, что я тогда наткнулся на "Зачарованный бор". Я считаю это, в общем-то, одна из лучших вещей, и не только у Владислава Мефодьевича, а и в русской современной литературе из того, что я читал. Не хочу там обобщать, говорить — почему? Очень трудная задача, чисто художественная постановка задачи. Ну, одно действующее лицо, которое почти ничего не делает. Война где-то идет, люди где-то воюют, а он, лесник, ходит, шишки собирает, в общем, не понятно, что он там делает, вначале..."

Я хочу снова прервать Станислава Степановича и сказать, что здесь наши творческие взгляды на войну сходятся, даже художественные приемы созвучны друг другу.

Ну, во-первых, чаще всего в гравюрах Косенкова мы видим огромное небо, землю и маленький кустик, маленький человечек что-то там делает... И все, что творится на земле — маленькое.

Во-вторых, когда на экране или в книге люди убивают друг друга, то зритель, читатель обязательно стоит на чьей-то стороне. Он не безучастен, а участен. А раз участен, то невольно воспринимает то, что видит. Вы посмотрите на сегодняшние игры мальчишек — одна война! Одни пистолеты, автоматы, выстрелы. Проводится целенаправленный культ насилия. Зачем? Да для того, чтобы интернациональной плутократии покорить мир, а насилие, война — один из методов достижения этой цели. И сейчас нынешнее поколение уже с пеленок готовят к тому, чтобы оно загородило своими спинами правящую элиту мирового зла. После полного покорения славян перед тайным мировым правительством стоит следующий рубеж на пути овладения миром — мусульмане. Вот славянскую кровь и готовят для покорения азиатов. Чечня — первая проба, будут ли русские воевать против мусульман и как будут воевать.

Вы думаете почему сейчас экраны и печать забиты убийствами? Всего лишь одна небольшая газетка может подать в одном только номере несколько убийств! Это пропаганда убийств! Скрытый под маской "свободы печати" геноцид народа. Это пропаганда взаимоуничтожения. А юриспруденция обеспечивает этой пропаганде "правовую основу", почти безнаказанность самого тягчайшего из преступлений на земле. Там, где правительство не является врагом своего народа, убийство карается равноценным расстрелом. Только в этом случае государство можно считать правовым и демократическим, ибо все это укрепляет общество, а не разлагает его. По замыслам мировой

закулисы стоит задача сокращения населения русских на две трети, этого "резерва" вполне хватит им для пушечного мяса и личного обслуживания.

По этому поводу Станислав говорил мне:

— Я не буду баталистом. Колоть, резать, убивать — это безнравственно. Одно это уже заражает. Пропагандирует. Один колет другого, тот — этого. Все это не художественно. Надо найти такой ракурс, чтобы все содрогнулось без выстрелов!

Конечно, героика труда стоит выше героики войны. Героика созидания нравственна; "героика", если можно так назвать ее здесь, разрушения — преступна. Зажечь народ созиданием можно сильнее, чем разрушением. Романтика творчества — не в сравнении с омерзительностью уничтожения. К сожалению, правители больше толкают нас в стихию конфронтации, нежели в лоно примирения. И литература здесь, подлинная литература, никогда не была отрицательной силой, она была и есть только мобилизующей силой. Отсюда цена литературы: хорошая книга — равна подвигу, а подвиг ума — выше всех остальных подвигов, даже героических на войне.

Меня поразило то, что Станислав не только говорит моими словами, но и поступает так, как я. Дело в том, что еще лет за тридцать до моего знакомства с Косенковым я как-то инстинктивно, ХУДОЖЕСТВЕННО почувствовал это, и в моих вещах вы не найдете батальных сцен. Тому подтверждение произведения на темы войны — и "Белые берега", и "Старый букварь", и "Зачарованный бор", и "Буланка"... А намучился я на первой своей повести "Мишка". Я включал батальные сцены в повествование, выкидывал, и снова вставлял, наконец, упразднил окончательно — убедившись, что они не только выпирают из сюжета, но и вяжут повествование. Ничего не дополняют. В психологическом плане самое важное происходит до "пух-пух". Самое напряженное и тяжелое. Идет как бы подъем переживаний, нагнетание страшного предстоящего. Оно неведомо и тем еще более зловещее. А пошло "пух-пух" — это уже механика. Техника. Фактически — разрядка. Недостаток литературы советского периода да и кинофильмов того времени как раз и заключается в гиперболизации "техники" боя, назовем так, и придания ему главного значения, где конфликт решается не психологически, а пальбой из стволов. Художественная литература, кино увлекались техникой поражения противника, как будто в этом ее цель. И конфликты решались путем стрельбы — сплошной рев из динамиков. А стрельба — это уже следствие. Для войны бой имеет действительно главное, решающее значение, а для литературы — служебное, даже проходное, если уж автор никак не может обойтись без "пух-пух".

Но продолжим рассказ Станислава Косенкова, тем более, что теперь каждое его слово стало исторической ценностью, национальным достоянием нашей культуры:

"И вот то нарастает какое-то, так спокойно, спокойно, спокойно оно нарастает, тревога, тревога, вот какое-то беспокойство, а потом вдруг тоже каким-то таким спокойным тоном человек говорит, начинаешь вслушиваться, что же все-таки говорит человек об этом? Вот. И очень длительно начинаешь изучать. В общем-то, интрига, понимаете, не такая броская, яркая какая-то, а типически сдержанная такая и очень сильная. И эта вещь меня настолько привлекла, что я остальным вещам сразу поверил.

"Буланка" прекрасная вещь, мне кажется. "Медвяный звон" — это вещь действительно сложная, здесь сочетается как бы два плана — и рассказ о пчелах, поэма о пчелах, так, это и художественное произведение. Но это поэма, действительно, это поэма в прозе. Вот. Это какое-то, ну я не знаю, но в какой-то мере напоминает мне, допустим, вот в последних главах по построению строки, вот какое-то японское — танки, пятистишия, — какое-то краткое сообщение...

Следующее. Строка вроде бы там рядом стоит, вот такие там параллели какие-то, понимаете, идут, не такое длинное предложение, у него длинных предложений почти нет. Действительно, ведь, если так сказать, переиздаться в "Детской литературе", я не знаю, не имея в общем-то, ни титулов, ни связей, вот,

не околачиваться в Москве, не обивая пороги, в общем-то, это я считаю, что хорошая вещь. Не потому, что я ее сделал."

У Станислава Косенкова я прошел целые университеты нового для меня дела — графики. Даже шлифовал ему заготовки из линолеума под гравюры, что и физически трудно. Наблюдал весь процесс работы художника-графика, станковиста: набросок эскиза, рисунок, перенос его на картон, затем на кальку и доску, дорисовка, наконец, на линолеум и только затем — резка. Наконец, заключительный этап: прокатал через машину — и готовая вещь!

Это была обоюдовдохновенная работа. Мы часто встречались, советовались, вместе разрабатывали тему, строили композицию того или иного листа. Иногда Слава ставил передо мною такие творческие вопросы, на которые мне, не искушенному в графике, трудно было ответить. Почему-то я чаще всего сопротивлялся Косенковской смысловой линии, так как видел в ней отклонение от моего текста. Позже я понял, что у Станислава подобие, даже в портрете, на втором плане, хотя он далеко от изображаемого в тексте предмета не отходил. Здесь, наверное, мне, писателю, всегда хочется от художника добиться того, чтобы тот передал мое видение предмета. А это невозможно.

Но постепенно косенковская линия покоряла меня и все больше убеждала в том, что иначе и быть не может. В этом, конечно, сила таланта: заставить другого видеть вещи так, как того хочет творец, что и делал Слава. Косенков выражал на графическом листе то, что видел сам в моих произведениях, на что имел полное право как художник. Ведь и каждый читатель, как и каждый созерцатель картины, видит то, что изобразил художник слова или кисти, по-своему, в силу своего багажа знаний, развития, представления о мире, и в идеале взгляд художника никогда не совпадет со взглядом "потребителя" искусства.

Весь процесс литературного творчества можно лишь представить. Ты лепишь портрет словами. Нос, там, глаза, лоб. У тебя он существует только в воображении. Тот нос, который ты знаешь. Видел. Вообразил. А у каждого читателя это будет уже свой нос, глаза, лоб, которые видел он. И вдруг — иллюстрация: готовая, в штрихах или в красках. Картина того, что ты сам представлял себе ранее... И — несоответствие.

Конечно, здесь чаще всего можно наблюдать несовпадение представлений. Гравюры разят, удивляют. Они просто неожиданны. Ты часто внутренне протестуешь против той или иной трактовки образа. Соглашаешься или не соглашаешься с художником. Иные графические листы сразу ложатся тебе на душу, иные ты вовсе не приемлешь. Но это ничуть не значит, что та или иная иллюстрация неверна. Дело не в точности совпадения слова с рисунком, совпадения представлений читателя с гравюрой художника, а в воздействии на душу человека этой гравюры. В том-то и суть искусства. Оно должно вызвать ответные мысли, эмоции и должно оставить впечатление. То есть, должно действовать на тебя. Если это происходит, значит, художник выполнил свою задачу. И чем сильнее это воздействие, тем талантливее кисть.

Даже больше. Писатель обязан убедить читателя в том, что небо именно такое, а не иное. И дерево, и нос, и глаза, и лоб тоже. Обязан заставить читателя видеть изображенное глазами художника. Но это уже высший порядок в искусстве, когда художник, точно гипнотизер, что являет собой не что иное, как экстрасенсное явление, берет полную власть над человеком и ведет его намеренно в русле своих представлений о мире. Удается это единицам — гениям.

Станислав говорил:

— Я хозяин своего листа. Что хочу, то и делаю. Но перед листом я и раб. И вот, если наедине с листом я побеждаю, наступает высшее торжество. Из раба я превращаюсь во властелина. А что касается самого текста, то писатель должен взять власть свою надо мною. Тогда я могу работать. Скажем, когда я рисую Прасолова, он становится для меня выше всех. Выше Пушкина, выше

Лермонтова, выше Тютчева. Я должен проникнуться всем им. Я становлюсь на колени перед ним, как становился и перед Вами, когда работал над "Медвяным звоном". Иначе это будет заказ, иначе это будет все по чужой мысли.

Предлагал Славе перейти на "ты", тем более, что я обращался к нему во втором лице. Но он так и не смог преодолеть этот условный барьер. Видимо, из-за возрастной разницы, что мне, к сожалению, все чаще и чаще приходится чувствовать.

— Человек, который понимает себя и может выразить себя — это еще не художник. Художник тот, кто может влезть в чужую шкуру.

Я бы добавил со своей стороны: и через эту "шкуру" выразить себя, свое видение того, что изображает он. Меня часто молодые люди спрашивают, как стать писателем? Я отвечаю: сделай сначала себя и через "себя" пропусти окружающую действительность — выйдет роман. Произведение искусства — это окружающая действительность, пропущенная через сердце и ум писателя, через его жизнь.

— Если в ложном ракурсе начал резать, вся работа полетела. Глянешь — то туча не нравится, то снег, то полоса земли... Поиск техники взаимосочетаний для графика очень важен. И потом: если обособлю — больше скажу. Иллюстратору с поэзией тяжелее, чем с прозой. Проза дает сюжет, поэзия требует обобщений. Она вроде бы и больший простор дает мысли-руке, но и больше вяжет ее, — говорил Станислав.

Так вот где кроется загадка несовмещения взглядов на один и тот же предмет у двух особей! В разной степени обобщения. По багажу. Тот, у кого багаж потяжелее, пообъемнее, видит больше.

Меня всегда поражало, как это обыкновенной линией — малейшим штришком, ниточкой, ничтожной черточкой — можно передать настроение, выразить мысль, создать характер. Как это в штрих можно вложить боль сердца — а в косенковских вещах много печали. Здесь, должно быть, сказалось как время — сколько в истории нашего народа оплаканных, обездоленных, огоренных... так и славянская прирожденность к нытью вместо оптимистической воинственности в борьбе со злом. И здесь нам, славянам, следует решительно идти от консервативного сопротивления к активному наступлению.

Для меня всегда оставалось загадкой, как это штрих может грустить, страдать, а то и ликовать, смеяться! Как это одноцветный штрих может выразить целую гамму — радугу — многоцветья окружающего мира! Штрих, который сам по себе черный, вызывает в твоем воображении красочную картину: дерево — зеленым, небо — голубым, облако — белым... Как это простой штрих несет огромную смысловую нагрузку и по мысли, и по чувству. У Косенкова не линии — а пружины! И каждая черта имеет кривую художественного выражения или прямую, сфокусированную в общем центре идеи.

Косенковская линия, ее изгиб всегда несет напряженную мысль, она строго подчинена точному выражению главной мысли, вернее сказать: мысль ведет линию. Если в романе или в повести, да и в рассказе есть, как выражаются специалисты, проходные места — объясняющие или связывающие отдельные части повествования, то в гравюре каждая точка привязана, как говорят, к центральному "пятну", которое держит все детали — рисунок в совокупности, отчего он не "рассыпается".

Иногда он сокрушался:

— Вот не идет работа — и все! Условность приема требует условности цвета. Ты себя сковал этим. Дерево у тебя вобрало все оттенки зеленого цвета. Все тона зеленого цвета вошли. А картины нет. Дерева нет...

Передохнув, рассудительно добавляет:

— Разбавь рисунок цветами своей души, раскрепости гамму радуги, и зеленое дерево оживет.

И снова о цвете, цвет его больше всего мучает:

— Все могу. От самого желтого на земле, до фиолетового неба. А черный цвет не могу взять. Самые теплые тона — желтые; самые мертвые — сине-фиолетовые. Черные — это уже небытие...

Да ему, Славе, и не надо сокрушаться! Черный цвет у него разбавлен всеми цветами его прирожденной к резцу души. Все это он поручает руке, а рука — штихелю или офортной игле, или скальпелю. У Косенкова даже в однотоновой черно-белой гравюре нет их, черных цветов. Гравюра в черно-белом исполнении воспринимается безграничной палитрой жизненного многоцветья.

Смотрю на его руки: кисти крупные, выразительные, а тела нет! Все ушло в кисти. А через них — в инструмент. У Станислава инструменты так притерты к руке, к ее изгибу, что сами доходят в своем совершенстве до произведений искусства, они достойны музейных экспонатов. Смотрю на его резец, слившийся с рукой, сам заражаюсь и мысленно говорю себе: мантачь и ты, Владислав, свое перо.

Мимолетом замечает мне, глядя, что я изучающе смотрю, как он работает:

— Руку не должен вязать штрих. Когда рука свободная — штрих раскованный. Но его, штрих, не следует и доводить до абсолюта. Его надо чуть-чуть нарушить. "Испортить". Дать своеобразную асимметрию, диспропорцию.

Все это совпадает с моей концепцией, что еще больше единит нас: художественное произведение — это шар в идеале. Абсолютно точный. Но чтобы он стал произведением искусства, надо на этом шаре сделать свою "колдобинку".

Однажды он достал свой потаенный дневник и прочел мне:

"Гравюра только и держится на том, что линия обводит силуэт, потому труднее держать себя в состоянии цельного видения, чем, например, в рисунке."

А закончив иллюстрировать мою книгу, он недовольно сказал:

— В "Медвяном звоне" гравюры вырываются из тональности повествования, они жесткие в детской книге, надо более мягко, не так насыщенно, концентрированно."

Смежные виды искусств обогащают друг друга. А если оба творчески сотрудничающие человека еще и в хороших отношениях и больше того — дружат, то результат и каждого удваивается. Один видит свою работу ярче с помощью другого. Кроме того, писателю предоставляется возможность самому увидеть, как воспринял ту или иную сценку художник. Нам редко выпадает случай узнать чистосердечный, без подмеса похвальбы в лицо, читательский отзыв из первых рук по самым разным причинам: отсутствия личного контакта, неумения читателя выразить на бумаге свои впечатления и чувства, вызванные прочтением той или иной вещи, да и просто ленью взяться за перо. Это если уже кого допечет, тогда выльет желчь.

Есть понятие радости творчества. Есть понятие радости общения. Есть понятие радости единого дела. Все три радости сливаются, когда писатель и художник работают над одной и той же вещью. Во время моей работы с Косенковым мы советовались, обсуждали пробы. В результате этого вносились поправки в рисунок, более точным становился штрих. Что-то принималось, что-то отвергалось. Не говоря уж о личном общении. Художник видит автора шире его произведения, познает его биографию, характер, поведение, строй мыслей, реакцию на те или иные предметы, наконец, постигает убеждения, что не может не сказаться на резце. Это дает как бы "добавочный материал", дает возможность художнику сказать больше, чем сказал писатель в своем произведении. Даже больше: художник начинает видеть побудительную силу, заставившую автора обратиться к тому или иному образу, ведь у каждого из нас, кроме стиля, степени мастерства, есть еще и свой круг интересов и пристрастий. При настоящей работе над книгой все это подлежит тщательному изучению, что я видел на примере Станислава Косенкова. Я изучал его работу,

он постигал мою суть. Больше того: он должен был **лично видеть** меня, автора, какой я, что, к сожалению, часто не учитывается при иллюстрировании книг.

Но и писатель, со своей стороны, не является в этом процессе взаимообщения простым статистом или подопытным кроликом. После таких творческих встреч с Косенковым я часто тянулся к ручке — что-то исправлял, а что-то и добавлял. Возвращался я из мастерской Станислава Степановича с целым багажом впечатлений и мыслей, записывал их.

Общение — это обогащение. И если общение является высшим достоянием человечества, то что оно значит для творчески сродных душ, где каждый сидит на подряде кустарем в одиночку, изолированный от всего мира, над листом бумаги, который часто боится постороннего глаза.

Я, конечно, очень хорошо знаю, испытал на себе, что такое "муки творчества". Об интеллектуально-психологических нагрузках и говорить не приходится. Для писателя каждая новая вещь — это барьер. Причем, совершенно неведомый и малопреодолимый. Каждая новая работа — это проба. Творчество — цепь проб. Это постоянная нервотрепка, в результате которой или что-то получается, или ничего не выходит. Стремишься не повториться каждый раз и каждый раз надо как бы переродиться. Писательство — это вечное ученичество. В нашем деле насколько легко ошибиться, настолько трудно найти верный путь — свою золотоносную жилу. Мои черновые страницы похожи на мусорник, свалку, а листы так почерканы, что иной раз и сам не разберу, что написано. В сущности, творческий процесс состоит из переработки. Если Гоголь переписывал рукопись 5-6 раз, а Толстой 8-10 и более, то это и есть не работа, а переработка, я уж не говорю о том колоссальном умственном напряжении, которое предшествует каждому поставленному на бумагу слову.

О, творчество! Было бы ты прекрасно, если бы самому не тошнило от того, что пишешь!

Устаешь и чисто физически: болит голова, спина, рука — не многим известно, что такое писчий спазм пальцев. После нескольких часов напряженнейшего труда валишься с ног, не годным даже для отдыха. И то, на что затратил недели, месяцы, а то и годы, может запросто полететь в корзину! Весь титанический, на износ, труд идет насмарку. А уж об издержках самой жизни (и личной) и говорить не приходиться. Творческое состояние — это не нормальное состояние человека. Во время работы ты не живешь "своей" жизнью, которая дана тебе природой, и в плане физическом, и в плане интеллектуальном. А это уже не полноценная, как у других, жизнь, ущербная. Ты живешь жизнью других людей, своих героев, которых пытаешься оживить.

Но это добровольная каторга. Тысячу раз прав Толстой, говоря, что если ты можешь не писать, не пиши. Писателя делают трудности, которые он взваливает на себя добровольно. Это добровольцы в самом полном понимании этого слова. Все зависит от тебя. Ты над собой и начальник, и подчиненный. Даешь себе задания и спрашиваешь сам себя. Составляешь план и отвечаешь за его выполнение. Поощряешь себя и взыскиваешь с себя. И если мы хотим назвать образчик дисциплины, то можем указать на самодисциплину писателя — высшую форму порядка. Станислав Косенков говорил мне о трудностях своего ремесла:

— Графика всегда связывает с графическим материалом. Не просто взял и нарисовал то, что видишь. Мне нужно все это перевести через цинк, через линолеум, то есть, я должен весь замысел сделать еще и на чисто техническом уровне. Допустим, на этом подножном материале — линолеуме, который вот стоит в рулоне. По сути, это грубое сырье, а я должен сделать работу в тончайшей штриховке. Так, вначале я должен отрезать кусок этого линолеума, отшлифовать его до микро-шероховатости, перевести на него рисунок,

вырезать, потом раскрасить, печатать и т.д. Я скован многими чисто техническими возможностями. То есть, остротой штихеля, углом его заточки, полировочной тонкостью заготовки, способностью краски стелиться в заданной тональности... Здесь видимости никакой не создашь, здесь все должно быть точно, как у сапера: задел проводок (штришок) — все. Жизни нет! Здесь должна быть предельная честность перед листом. Если где ошибся в своем движении один раз, где-то зарезал не туда — то все. Я должен выбросить всю работу, хотя она и на завершающем этапе. Я должен вычеркнуть часть своей жизни. Из-за одного волоска! И вынужден начинать все сначала. С заготовки линолеума. Опять шлифовать его до идеального состояния. Сидишь за столом согнувшись, в руке штихель, заостренный углом с круглой деревянной ручкой. Делаешь завиток. Перышком намного легче, но оно не дает той чистоты, вот того штришочка, который чувствует глаз. Где рука малейше дрогнула — уже ничего не спрячешь и никого обмануть не удастся. Уже не будет той чистоты, ну, просто такого, как надо, точно до микрона, утолщения, абсолютно точного, выверенного. Это совершенно колоссальный физический труд. Не говоря уж о творческой стороне дела. И главное, вот в чем суть: нужно постоянно быть в состоянии одухотворенности. Даже когда делаешь брак. Вот иногда входишь в мастерскую — лежит все видимое через скальпель и доску, которую надо долбить. И вот ходишь полдня, день, а, может, и два, не можешь воткнуться в работу, потому что первый штрих должен учитывать последний штрих. Там поправок никаких не может быть!

Видимо, поэтому у Станислава было такое бережное, я бы сказал, священное отношение к уже законченной работе. Помню, как он показал мне готовую гравюру к обложке книги "Весны детства", и меня сразу поразила "ошибка": угол рта искажал улыбку девочки. Моя рука сама тянулась исправить изъян, и я удивился, что этого не видит художник. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить Славу дорисовать тот уголок рта, который уж так бил в глаза. А он все сопротивлялся. Не хотел прикасаться к готовому оттиску (после отснятия гравюры на станке бывает мелкая доводка пером, что уже считается халтурой).

Собственно, это была не улыбка, а вернее: не улыбка радости, как обычно мы привыкли видеть, а улыбка печали и отчаяния. Он взял перо, мокнул в тушь, проверил каплю на свет — величину ее, и осторожно, как будто боясь прикоснуться к бумаге, положил еле заметный штришок.

— Вот так и живу: день печатаю, ночь режу. А в праздники работается легче. Хорошо работается! Зло появляется. На себя, на сам процесс творчества. На людей. Когда злой на людей, ты ближе к ним становишься.

И здесь мы сходимся. Во-первых, это вопрос вопросов творчества и тут какое-то противоречие: садясь за стол, ты должен быть и злым на слово, что оно сразу не находится, и добрым, чтобы его подманить к себе. Я всю жизнь ждал выходных дней и праздников, чтобы поработать. В праздники устанавливается тишина и спокойствие, никто тебя не тревожит, не ждешь дергающих на работе звонков — а мне всю жизнь приходилось кормить семью не пером.

Ждешь этот проклятый выходной день и праздник, а отпуск — тем более, вот, мол, потружусь, подгоню работу. А приходят эти вожделенные дни, сядешь за стол с благими намерениями — и ничего не получается. Дела нет. Только сейчас, кажется, шли мысли. Взял ручку — слова разбежались во все стороны. Чуть-чуть ее (мысль) вспугнул — уже она упорхнула. Не поймаешь. Четыре раза макнул перо в чернильницу, а не написал ни единого слова. А если написал, то в следующий раз глянул: не мысли, а помои — вылей к чертям собачьим. Оказывается мысль в голове, что монета в дырявом кармане: не схватил — потерял. Поэт сказал:

Бывают события — случатся раз,
Из сердца высекут фразу,
И годы не выдумать лучших фраз,
Чем сказанная сразу.

Таково оно, творчество.

— Вот в чем, собственно, еще сложность этой работы, — продолжал Станислав, — если, допустим, ну, просто, если я еду на работу и в троллейбусе кто-то там наступил мне на ногу или как-то обозвал хорошенько, что бывает, понимаете, так вот, если к концу дня мне удается начать работу, то хорошо. Вот такие какие-то чисто житейские мелочи играют роль, не дают отстраниться, войти в произведение, над которым трудишься...

Моя работа в школе не оставляла времени и сил для творчества. Недорабатывал и там, и там — мучила совесть. Все это видели окружающие меня люди, и это вовсе выбивало из ритма работы. А общество, коллектив, в котором состоишь, играет и отрицательную роль. Вот подлинная запись слов Станислава Косенкова:

— Сейчас меня вышибли из равновесия. Будут разбирать на собрании. За пьянку. Вчера пошел на этюды. Хожу по природе — ничего не вижу. Раньше я мог сделать семь-десять рисунков с одного места. Я все видел. А теперь сижу и ничего не вижу... Жду кары...

Но и положительную роль играет коллектив с другой стороны. Он как бы заряжает энергией, задевает самолюбие. А самолюбие — главнейший движитель творчества. Но одни могут спрятать его, самолюбие, подальше от людских глаз, как-то скрыть его, отчего выглядят довольно "порядочно"; другие не могут и этого, что вызывает негативное отношение окружающих и даже насмешку.

Еще я подметил одну особенность иллюстрирования. Художник, точно как писатель, работает методом недоговора, особенно, если что изображается на расстоянии. Возьмите, к примеру, заставку в "Старом букваре", где мальчик спешит в школу. Косенков неожиданно выхватывает белым пятном пустое место на штанине у колена. Это вроде ни к чему. Даже нарушение "реализма". Однако, если бы здесь художник с математической скрупулезностью прочертил все линии силуэта до тошноты в точности, эффект был бы слабее. Мы бы утратили ту магическую силу, что и являет собой искусство, его восприятие. Это и есть как раз та "колдобинка" в абсолютно круглом шаре.

Выходит, недоговор действует сильнее, выражает больше, чем "договор", уж не говоря о "переговоре". Действительно, в искусстве скрытое действует на воображение читателя сильнее.

Почему же так?

Тут, видимо, главная особенность человеческой сущности — личное познание окружающей действительности у него стоит на первом месте. Пытливость ума сильнее восприятия готового, преподнесенного тебе кем-то. Представление предмета сильнее созерцания. Мозговых усилий, а, следовательно, работы мышления, расхода энергии здесь требуется больше. А следовательно, и результат выше. Интерес познания исходит от самого человека, деталь картины дает лишь облик в целом, внешний импульс, сигнал, который возбуждает интерес. И достаточно лишь прерывистости контура, намека, иногда пунктирного или туманного изображения, чтобы остальное сразу домыслилось само. Это и есть обоюдный процесс сотворчества "производителя" и "потребителя" — высшая форма мозговой деятельности. И если писатель — мастер, то читатель — подмастерье в одном и том же созидательном деле умозрительного сооружения мира. Чем больше багаж "потребителя", тем это построение мира конструктивнее, богаче. Тем больше на "костях" "мяса".

Сложность искусства состоит не в том, чтобы сказать все или как можно больше, а в том, чтобы недосказать то, что способен домыслить сам читатель. Пусть будет лучше обрыв, разрыв между словами, этот разрыв заполнит

читательская мысль, чем будет стоять лишнее слово. В том, что следует недосказать, состоит одна из трудностей писательского ремесла.

Странное это дело — искусство. Когда я смотрю на фотографию, где все до мельчайших частичек проявлено четко, то пейзаж, улица, лицо человека воспринимается как данность. И вот передо мною то же самое, но в картине, портрете художника. Здесь нет уже той диафрагмовой скрупулезности изображения, полноты реалий, нет той "проработки" каждой детали, фокус как бы сбит даже с резкости, и именно то, что ясно не проявляется, вызывает в тебе самые глубокие чувства. Еще более впечатляет, возьмем к примеру рисунок Станислава Косенкова к книге стихотворений Прасолова, дымка, сама по себе ничего не значащая, но вызывающая целую массу чувств. Что это?

Есть примеры еще более высокого порядка. Что собой являет полотно, на котором художник масляными красками наносит то или иное изображение? Абсолютно ничего, кроме своей функции физической основы картины. Ну, художник скажет еще, какое оно должно быть по качеству. А вот в самом искусстве иначе. Представьте себе, как сквозь краску картины просматриваются пупырышки переплетений холста (в фотографии — тисненая бумага). Или даже сами мазки краски. И именно то, что как бы не является предметом самого искусства, пупырышки, и вызывают целую гамму ощущений, дополняя картину. Тут даже трудно объяснить — почему?

Однако, нам придется оговориться. В целом, для искусства не может быть ограничивающих законов. И то, о чем сказано выше, является только одним из приемов художественного метода. Иногда необходимо высказаться до основания, до полноты, а художнику — "вырисоваться" до почти фотографической точности. Особенно это касается детской литературы, когда в сознании ребенка еще только формируется представление о мире — а Косенков оформлял мои детские книги. И я категорически против космополитических поделок типа всяких комиксов и прочих уродств, которые еще в несложившемся сознании сразу искажают образ реальности, причем в самых отвратительных, отталкивающих формах рисунка. Такими иллюстрациями разрушения детской психики забиты книги русскоязычных детских писателей космополитического толка, начиная от Маршака-Чуковского и кончая житковыми, катаевыми, успенскими и прочими барто. Кстати, изданные на высоком полиграфическом уровне эти литературные приманки притягивают ребят, как притягивают их красочные обертки жвачек и ядо-сникерсов, о которых мы ничего, кроме лживой и преступной рекламы, не знаем, — что заложено в эти жвачки и какое воздействие на здоровье, иммунитет человека они окажут, скажем, через: 10-15 лет, ибо Запад достиг своего "расцвета" на обмане и грабеже других народов низшей расы, к которым он, Запад, отнес сейчас и нас. А мы знаем, какими способами они, фашистствующие конкистадоры, продвигались к "цивилизации", подбрасывая аборигенам отравленные чумными болезнями цветастые одеяла, выменивая блестящие стекляшки бусов на бесценные золотые украшения, подкладывая негодные продукты, после чего вымирали целые селения инков. И еще мы знаем, к прискорбию, что в плане того же Запада намечено "цивилизованное" удушение славянства, как этноса, для чего у Запада разработаны современнейшие технологии ядов и отрав, действующих смертельно на организм, как в целом, так и избирательно на мозг, нервы, сердце, как во временном порядке — медленно, в течение ряда лет, так и мгновенно. Это подтверждается тем, что уже и официальные средства массовой информации говорят о том, что продукты и алкоголь, поступающие из забугорья, или некачественные (объедки с барского стола), или с просроченными датами хранения, или вовсе отравленные (токсическими элементами, микотоксинами, нитрозаминами, гормональными препаратами, пестицидами, радиоактивными элементами) — только от импортного спиртного погибли у нас сотни тысяч человек.

То же самое происходит сейчас и в плане духовного умерщвления народа. Нас травят. Отравляют нас газетами, телевидением, радио. Понижение

общеобразовательного ценза, оболванивание средствами массовой информации — все это не что иное, как превращение человека в рабочую скотину по обслуживанию господ мира сего.

Диверсионная работа Запада по подрыву наших национальных устоев ведется уже давно, и я вижу, как порою удавы запада легко берут на крючок и нашего брата-славянина.

За что Станислав Косенков получал награды и золотые медали?

За некоторое баловство абстракционизмом или, назовем его иначе, как хотите: авангардизмом и прочими "измами", что более всего заметно в работах Косенкова к произведениям Достоевского, хотя болезненно-нервическую прозу этого писателя можно подать и в том ракурсе, как это сделал Косенков.

Кстати, о Достоевском.

"Демократическая" пресса часто напоминает нам о том, что из всех русских классиков прошлого самым читаемым на Западе является Достоевский. Это не сразу становится понятно — почему. А между прочим, кроме всех заслуг русского гения — от литературных шедевров до издательского дела и публицистики, отличающейся высокой гражданственностью, Достоевский бульдозерно нагорнул такую кучу грязи о русской жизни, что ее хватило и нынешним перестройщикам, которые очень умело используют ее для шельмования всего русского. К этой грязи они добавили свою. Грязь в руках нечистых людей — оружие. Им-то и уничтожается Россия. Но почему-то нам все время талдычат о Достоевском одно и то же, что его много читают на Западе, но я ни разу ни по телевидению, ни по радио не встретил в "демократической" печати, чтобы они привели пророческие слова гения о трагедии сегодняшнего дня, которую он предрек более ста лет назад. О публицистике, ее пророчестве они молчат, набрав воды в рот. (Смотри дневник писателя за 1877 год, январь-август в 25 томе Полного собрания сочинений — "Наука"; 1988 г.)

Вот почему там, в забугорье, сразу заметили эту работу Косенкова и посолодили ее золотой медалью. Мол, продолжай в том же духе — во вред своему народу, на пользу западным "благодетелям". И в этом случае Славе не следовало забывать ни при каких соблазнах, что абстракционизм — это разрушение мира посредством искусства.

Или, скажем, почему в Англии сразу обратили внимание на гравюру "В пути"? Да потому, что эта гравюра перекликается с так называемой "деревенской прозой". Считается и до сих пор, что "деревенская проза" "внесла свой вклад" в сокровищницу "советской литературы". Но можно глянуть иначе, о чем я давно говорил, когда работал над повестью "Серые великаны" и мучительно долго искал ракурс, каким же образом следует подать деревню времен "застоя" — этого подготовительного периода "перестройки", чтобы не пристраиваться в фарватер "деревенщикам" и не следовать эпигонским путем, как это делали в свое время многие из пишущих, что было тогда, двадцать лет назад, и модно и престижно, да и перспективно в плане публикаций. Надо было противостоять "деревенскому" потоку, поставить запруду, плотину, а не идти у нее на поводу, так как я чувствовал, что это подвох, что это специально спланированная отдушина русским писателям, чтобы они испустили пар своих недюжинных способностей в ложном направлении. Чтобы использовать этот "деревенский" негатив впоследствии во всеобщем охаивании всего и вся нашей жизни, как это стало понятно только сейчас. В сущности, "деревенская проза" была подготовкой общественного мнения к беспрецедентной кампании обливания грязью прошлого, что открыто и нагло выявилось воочию после 1985 года. И если посмотреть на "деревенскую прозу" под этим углом, то она была наряду с кампанией диссидентства, одним из орудий мировой закулисы и работала на разрушение государственности, а не на ее укрепление, как думали тогда сами писатели-"деревенщики". Так называемая деревенская проза в большей степени отвечает нынешнему, "демократическому" времени, когда действительно сельское хозяйство разрушено, крестьянин брошен на произвол судьбы, а земля пойдет с молотка акулам запада и их пособникам из ближнего,

кавказско-азиатского, зарубежья, — но не времени, которое назвали "застойным". Крестьянин сейчас более обездолен, чем прежде. Вот когда деревенская проза сыграла бы свою созидательную роль — не в семидесятых, а в девяностых годах, если бы она сейчас будоражила обывательское сознание, призывала его к борьбе за свержение драконовских реформ, против уничтожения государственности и закабаления народа. А то ее деревенскую прозу семидесятых с превеликим успехом использовали псевдодемократы в девяностых годах в своей перестроечной чернухе, вылитой на прошлое.

Помню, как в начале "перестройки" выпустили на экран русскую обойму, составленную еще Центральным Комитетом КПСС — Василия Белова, Валентина Распутина, Виктора Астафьева... И они давай выливать обиды на прошлое, вымещая ему, как будто в самом деле пришел рай раскованности, не понимая, что их используют шприце-одноразово как орудие разгрома страны. А когда они по наиву подыграли оккупантам в лице "демократов" своим авторитетом и влиянием на общество, то рты им заткнули. И вот сколько лет прошло, как их обделяют орудием обмана и предательства — мы уже и забыли, какие у них лица. Правда, одного, перебежчика В.Астафьева, еще время от времени выпускают на арену "гласности", где он изливает остатки желчи на русский народ. Отработанную обойму выкинули за ненужностью, а заменили ее своей — жванецкими, петросянами и прочими хазановыми.

Вот так дурачат даже нашего, казалось бы, умного и дальновидного пишущего брата, а критика, помню, в основном, еврейско-космополитическая, еще поддавала жару, восхваляя поток негатива, не без потаенного умысла подхватывая каждую новинку и возводя ее в пример с целью подражания. Если, начиная еще с "дозастойных" времен в наше общество постепенно внедрялись "агенты влияния" в политическом плане, то готовые служить мировому злу находились и в искусстве. "Деревенская проза" — это акция, хорошо продуманная и спланированная в тайниках масонских лабораторий, где колдуют над ядами удушения славян, хорошо рассчитанная ловушка для простаков.

Конечно, я тоже, как "деревенщики", сопротивлялся розовой осоветенной краске, что заметнее всего выявилось в "Серых великанах", как сопротивляюсь ныне черной "демократической" краске. Порядочная литература была всегда стояла в оппозиции к правящей элите. Разница лишь в том, что у меня была краска жесткой сатиры, а не "деревенское" нытье по поводу тяжкой доли крестьянства.

Запад всегда косо — враждебно — смотревший в нашу сторону, подхватывал у нас и возводил на высоту всеобщего признания то, что несет вред, а не пользу. Закулисе надо было сломить уже как-то устоявшийся благополучно строй жизни, где все больше и больше брало верх национальное сознание, а, следовательно, надо было осудить эту жизнь, что и помогала делать "деревенщина". В результате Запад добился своего, и сейчас мы находимся на том отрезке исторического пути Вселенной, когда, как в звездном мире, одна сверхзвезда — государство США — поглощает другого гиганта — сверхзвезду — государство СССР. Поглотило...

А в общем-то, если говорить отвлеченно, абстрагируясь от всего, то в творчестве важна сила враждебности — назовем ее условно так. Если тебя не устраивает то, как пишет тот или иной автор, если ты остаешься недовольным его книгой, и даже больше — настраиваешься враждебно по отношению к его слову по сравнению со своим пером, то это уже побудительный мотив к творчеству. А если еще знаешь, как надо писать иначе — то это уже выход, путь к успеху.

Близкое окружение Косенкова тянуло его в "абстракцию", и он порою, в силу уступчивости своего характера, временами изменял самому себе, что делало его имя известным и одновременно отдаляло от подлинного искусства реализма. Но он-то по своей природе был прирожденным славянином, рука его невольно тянулась к реалистическому письму. В сущности, его реалистические

вещи и составляют основную сокровищницу его дарования, представляют главную ценность из всего того, что он успел сделать за свою короткую жизнь. А все остальные наслоения в той обстановке, в которой мы находились и еще в большей степени находимся теперь, послужили лишь трамплином для "официального" признания.

Впрочем, может, в XX веке иначе нельзя. Взять имя любым путем, потому что иначе не будет тебе хода, и потом, с именем, то есть с правами, исполнить свою настоящую миссию на земле. А иначе тебя назовут, как сейчас принято, дураком с политической недостаточностью. Но, боже мой, как это противно славянской натуре!

Станислав не раз говорил мне и подчеркивал, что талант у нас не востребован. Не востребован, к сожалению, прежде всего и до сих пор талант самого Косенкова. Востребовано то, что не является его истинной сутью. И мы, если способны еще что-то сделать для удержания нашей жизнеспособности, обязаны востребовать этот дар, данный народу природой через человека — Косенкова.

———————•———————

Иногда художник идет мыслью, силой выражения образа дальше самого писателя, говорит больше, чем дает ему текст произведения. И выходит, что художник превзошел писателя. Так вышло с портретом Аиды-кореянки в моей повести "Буланка". И хотя Станислав говорил, что слово стоит к мысли ближе, чем кисть или резец, что слово максимально приближено к мысли, живопись, мол, на втором плане, — в данном случае произошло обратное. Это как бы исключение из правил, а точнее — случай, когда талант художника превзошел способности писателя. В этой гравюре резец полностью заменил слово, которое в тексте стоит дальше от мысли, чем косенковский штрих. Прочтите текст повести, где речь идет о скорби Аиды по утраченной Родине. Сравните описание с гравюрой. Вы увидите, что самое сильное орудие писателя — слово — бледнее резца! Тема грусти девушки в повести многоярусна, рассыпана на многих страницах — Родина, любовь, животное... — и все в расставании. Читателю все это надо собрать в одну "кучу", чтобы ярко высветить образ в целом. Художник делает это на одной странице одним "пятном" — лицом девушки и рукой, тяжко легшей на храп лошади! Здесь выражена такая глубинная боль, такая величайшая скорбь, что слова бледнеют перед резцом. Между Аидой и Буланкой протянуты бесчисленные (и невидимые!) нити, линии-штрихи, вызывающие такие ощущения, на что письму потребовались бы целые многостраничные описания. Здесь же, в гравюре, мы это воспринимаем все целиком, сразу. Одним захватом.

Над повестью "Буланка" я работал много лет назад и совсем не думал, что ее будут еще иллюстрировать художники. Вышла первая книга, и я понял, как художник расширяет писателя перед читателем! Что, повторюсь, порою художник идет дальше писателя, говорит больше писателя. Этого ты никогда не поймешь на собственной книге, пока она не проиллюстрирована. Обо всем этом я говорил на выставке в Белгородском художественном музее, приуроченной к сорокапятилетию С.Косенкова в октябре 1986 года, не зная, что потом будут только печальные юбилеи...

———————•———————

— Сделать картинки похожие — это одно дело, это чисто профессиональное чутье нужно здесь. Умеешь рисовать — нарисуешь. А вот ответить на стиль художественного произведения, которое иллюстрируешь, это для графика самое трудное. И главное — выразить внутреннюю духовную суть изображаемого предмета, — говорил Станислав.

Те же трудности, я видел, испытывал он и при портретной работе — войти в сам образ, в писательское нутро. Помню, как он долго не мог посадить

меня перед собой, когда делал карандашные наброски для моего портрета в юбилейную книгу "Весны детства". И так повернет, и так... Не получается. Посадил меня на диван, бросил на спинку одеяло — пестрит. Снял одеяло. Фон книг ему тоже почему-то не понравился. Слишком уж надоевший на фотографиях писателей антураж. Наконец, уловил момент, когда я взял карандаш в руки, хотя я никогда и не писал карандашом, крикнул восторженно: "О-о-о! Не шевелиться!"

Попробуй не шевелиться, — перед фотографом на мгновения и то не вытерпишь, а тут не совсем удобная поза. Но я терпел. КОСЕНКОВ рисует!!!

И хотя Борис Иванович Осыков сказал, что это одна из лучших косенковских работ, и что она выполнена в классической манере времен Гете, мне кажется, что я мало похож там на себя. Особенно получился большой нос, почти гоголевский — дай бог каждому из нас не только гоголевский нос... Я заметил Станиславу, что он прилепил мне нос белгородок — обратите внимание на эту деталь у местных женщин.

Косенков ничего поправлять не стал, а коротко сказал:

— Для крепости характера.

Я понимаю, почему он так долго и не один день мучил меня. Ему надо было схватить мой образ в момент высшего творческого напряжения, а как это сделаешь, когда я не пишу и не наедине в кабинете со своим листом бумаги и ручкой. Если ты чувствуешь даже со стороны чей-то взгляд — уже не то сосредоточение. Тем более, не сделаешь это искусственно в мастерской художника, когда знаешь, что тебя рисуют. Для этого надо подловить момент незаметно со стороны, когда ты выражаешь глубокую мысль на бумаге. А как ты это сделаешь если она, глубокая мысль, может явиться раз в жизни. А может и не явиться.

— Но без этого ничего не выходит, — сокрушался он, — в жизни не так. Специально не надуешься. Мысль может родиться совершенно неожиданно, когда ее не ждешь. А так, получается опустошенно позирующее лицо. Ничего не выходит... А надо схватить образ. Выразить мысль.

Когда-то замечательный наш белгородский мастер фотопортрета Борис Ечин, сделавший у меня дома не одну сотню снимков, выразил желание поехать со мною в село, где я родился и где прошли мои первые детские годы жизни. Это за сотни километров отсюда! Зачем ему такая нагрузка?! Теперь стало понятно: я не был в родных местах около пятидесяти лет — вот этот взгляд Борису и надо было поймать, и он готов был пойти на такие затраты времени и сил.

Как-то я предложил Станиславу проиллюстрировать поэму в прозе "Медвяной звон" для переиздания отдельной книгой. А случай выйти повторно в самом престижном московском издательстве "Детская литература" выпал случайно, как рассказывала мне мой редактор Светлана Николаевна Боярская. В издательстве "Детская литература" работала в то время комиссия из ЦК партии. Один из проверяющих, утомившись за день от переворошенных папок с рукописями, отобранными для печати, попросил домой, на ночь, на сон грядущий, что-нибудь почитать, как выразился, "для души". Светлана Николаевна предложила ему книгу "Медвяный звон", выпущенную в том же издательстве ранее, еще в 1982 году. Ей понравилось это произведение и она хотела его переиздать в более удобном формате. Но что значило переиздаться какому-то провинциалу там, где площади позанимали всякие алексины, уметнувшие теперь в Израиль, и прочие успенские, конецкие, и коренцы. Тем более, что книга уже выходила в этом издательстве и совсем недавно, всего четыре года назад. Утром приходит тот проверяющий из ЦК, возвращает книгу и показывает большой палец. Сказал, что не заснул, пока не прочел. Этого было достаточно для повторного издания.

Конечно, мое предложение для Станислава было, как я полагал, лестно. В столице он еще не печатался, тем более — выйти в таком издательстве! Помню, еще в Курске, когда в "Детской литературе" вышла моя первая книжка "Старый букварь" (1980 г.), Юра Першин, или Миша Еськов (уже точно не помню), сказал: "Владислав, эту книжку ты можешь вот так взять в руку, поднять над собой и идти по главной улице города".

Но каково же было мое удивление, когда Слава заявил, что этого не сможет сделать.

С каким трудом мне пришлось сломить сопротивление главного художественного редактора издательства "Детская литература" Г.Ф.Ордынского — ведь там тоже свой круг иллюстраторов, своя кормушка, вокруг которой роятся художники и не какие-нибудь, а столичные! Но у меня был веский аргумент: два земляка хотят сойтись в одной книге.

Из Москвы я летел домой окрыленным. А тут Станислав сразу ошарашил меня. Каприз — что ли? Набивает себе цену — что тоже, как я заметил, не было чуждо Станиславу?

Оказалось совсем другое.

Прошло три года, как он иллюстрировал эту повесть в книге "Весны детства", и он уже не тот, каким был прежде. Надо брать новый тон, а подстраиваться под мотив трехлетней давности невозможно.

"Вот это да-а-а!" — озадачился я.

Однако, тут все мои треволнения улеглись.

— Лучше все начать заново, — сказал Станислав через минуту-две, подумав, — Заново настроиться на тему. И опять идти в натуру, на природу. Цветочек там или кустик так просто не нарисуешь. Надо выехать на пасеку. Если у Вас гречиха, то мне надо видеть гречишное поле.

По себе знаю, что и писателю необходимо "ходить в натуру". То есть, на природу, в село, город, трудовой коллектив. Тогда ты если даже ничего не занес в свою записную книжку, то все равно детали залегли в памяти. Таким образом, голова художника становится в полном смысле театральной бутафорной, откуда ты берешь, выставляешь на свет строки-штриха необходимую "декорацию".

— В городе вот так встать и рисовать не могу. Каждый ходит, заглядывает. Дышит из-за спины на палитру... и обязательно что-то укажет. А если не даст наставление, как надо рисовать, то съязвит...

Сложность искусства состоит еще и в том, что один творит, а судят его все и во все времена.

И Станислав с предельной радостью выезжал "на натуру", тянул с собой и меня, даже в Брянскую область, Жуковский район, где в какой-то деревне он отыскал какую-то первозданную старушку и "примечательного мужика", а я все откладывал из-за каких-то "важных" дел, да так ни разу и не поехал, о чем сейчас с таким сожалением вспоминаю. Нам всегда некогда из-за текучки. А по сути, это трата времени по мелочам. Представляю, какую бы сейчас я дал картину: "Художник на природе"... Как бы обогатило меня это общение на природе! А то мелочи отошли, сейчас и не вспомнишь, из-за чего не поехал, а самая большая в жизни ценность ушла безвозвратно.

———————— • ————————

Я считаю, что в книге более всего сочетается с текстом гравюра. В ней особо резко чувствуется движение, что дополняет динамику повествования, придает ему, если можно так сказать, больше экспрессии. Гравюра сама по себе выразительна, а в тексте — еще более. Но, к сожалению, из-за наших полиграфических возможностей оттиск в печати выходит "задавленным", как выражался Станислав. А ротатор вообще, как говорил он же, "загоняет" его, оттиск. Гравюры же к "Медвяному звону" получились великолепными! Помнится, как он сокрушался по поводу того, что "Весны детства" будут печататься в Воронеже:

— Там не протравят клише как следует.

Он всегда был недоволен, если его гравюры печатались в газетах на паршивой бумаге, что вообще снижает, а то и полностью искажает ценность его работы. Кстати, увидев в "Белгородской правде" материалы о моем шестидесятилетнем юбилее, он возмущенно сказал:

— О какой-то чепухе у нас говорят на высоких тонах, а о чем-то важном — на низких.

Помню, как расстроился Слава, когда гравюры действительно "задавили" в Центрально-Черноземном книжном издательстве, где художественную литературу печатали на третьем (самом негодном) номере бумаги, а первые престижные номера пожирала политическая непотреба. Фактически, вся работа Станислава Косенкова пошла насмарку. Превосходных гравюр нет! Если не считать единичные авторские оттиски на той бумаге, что ему приносил я.

У нас было одинаковое пристрастие к хорошей бумаге. Он, как я, любил ее вид, запах, да и вообще, к бумаге у него, я бы сказал, было ритуальное отношение. И когда я приносил ему пачку отменной бумаги, лицо его светлело, наступал редко кем испытываемый праздник. Пожалуй, больше всего он радовался хорошей бумаге. Это его боль и удовлетворение.

Кстати, бумага имеет какую-то магическую силу. На бумаге я слышу лучше, как звучит фраза, чем она озвучена речью.

Я часто бывал в мастерской Станислава Степановича, дверь для меня была всегда открыта в любое время, и ни разу я не видел, чтобы на его лице выразилось недовольство по поводу того, что помешал ему, хотя мне самому известно, что значит сбиться со строки при помехе извне. Или с борозды штриха.

Бывали случаи, когда я приходил не один. Перебывала в косенковском храме кисти и резца вся моя семья: сын Виталий шлифовал заготовки линолеума, дочь Оля познавала азы рисовального дела, что ей очень пригодилось позже при иллюстрировании моих детских книжек. Наши семьи дружили, "гоняли чаи", о чем до сих пор вспоминает и Анна Константиновна Косенкова и моя жена Раиса Егоровна.

До встречи с Косенковым, я не знал, что такое мастерская художника и представлял ее каким-то святилищем. Об этом лучше сказала Анна Константиновна Косенкова:

— Я знаю Владислава Мефодьевича уже много лет. И знаете, как состоялось это знакомство? Владислав Мефодьевич пришел впервые в мастерскую Станислава Степановича, когда она была еще в старом помещении на Фрунзе, 5. Не знаю, Владислав Мефодьевич, что Вы помните, а я помню, когда Вы вошли в эту мастерскую и сняли свой тулупчик, Вы знаете, у Вас было необыкновенное лицо. Я увидела человека, который с каким-то невероятным трепетом, с каким-то невероятным благоговением переступил порог мастерской художника — сам художник. И когда я прочитала его книги, когда я поняла, какого это уровня писатель, я оценила это его отношение к тому, что он увидел и с кем познакомился. Дорогой Владислав Мефодьевич, спасибо Вам за Славу, за то, что Вы были с ним рядом, за то, что Вы его понимали — человек он был невероятно сложный и в творчестве своем, и в жизни своей. Спасибо вам за все и низкий Вам поклон за это.

Сам же я понял, что мастерская художника — это духовный храм, переступая порог которого, ты должен сам одухотворяться. И очищаться.

Но мастерская художника не только храм искусства, это и университет, о чем я уже говорил. Так что у меня теперь два диплома. Благодаря Славе.

Косенков регулярно проводил Дни художника у себя в мастерской, сам организовывал их. К нему в мастерскую приводили ребят целыми классами. На гравюрах к поэме "Медвяный звон" он показывал, как работает художник,

знакомил ребят с тонкостями своего ремесла. Замечал мне с оттенком огорчения, что на детей самое сильное впечатление произвел не сам ход работы — гравировка — тяжелейшее, изнурительное дело, а заключительный этап — процесс печати: чистый лист бумаги, прокатал — и вдруг целое изображение на нем!

— Впрочем, их, детей, можно понять, — соглашался.

Еще одна деталь. Постоянный шум, ясно, мешал. Мастерская выходила окном на привокзальную площадь. А надо было, если, скажем, он работал над "Русланом и Людмилой", войти в пушкинскую среду начала девятнадцатого века, абстрагироваться от всего окружающего, что нелегко и не всегда удается. Поэтому чаще всего в мастерской были зашторены окна, особенно, когда Станислав резал. В соседней комнате негромко звучала музыка Бетховена, Чайковского, Свиридова. И здесь наши вкусы и музыкальные пристрастия сошлись. Музыка у меня всегда поднимала тонус, работоспособность и дух. Особенно одухотворяла классика. Я как бы подтягивался к ее уровню. Это та планка, которую ты, конечно, не возьмешь, но она мобилизует тебя.

———————— • ————————

Нужно сказать, что Станислав Косенков работал вдохновенно и самоотреченно.

— Есть затягивающая сила материала, — не раз говорил он мне, — ничто не выбьет тебя из борозды штриха, если ты поставишь резец выше всего.

К сожалению, в жизни не всегда так удается... Его "выбивало"...

Тема истощает, совершенно опустошает, для чего необходимо восполнять силы, зарядиться снова положительной энергией для нового созидания. В конце большой работы Слава, доведенный до изнеможения, падал — ложился в больницу или тянулся, чего греха таить, к зеленому змию, чему часто способствовали окружающие его коллеги и лицемеры — "поклонники" его таланта.

Конечно, это не выход. Водка — самый легкий и доступный протест действительности. Я бы вместо "доступный" поставил слово "преступный". Ибо если ты тянешься к стакану, то ты выполняешь план бандократии по подрыву генофонда нации и пополняешь мошну мировой плутократии, которая твоими же деньгами уничтожает тебя. Непьющий человек сейчас — враг режиму.

Косенков стал жертвой своего преступного окружения. Зная слабость Славы, я ни разу не выпил с ним ни одной рюмки... Никогда не давал повода. И это никоим образом не отразилось на наших дружественных отношениях, наоборот, укрепляло их в противовес собутыльникам, с которыми он обычно после выпивок конфликтовал.

В таких отношениях мы и расстались навсегда...

Имея друга, ты как бы вкладываешь в него свой капитал, который всегда может возвратиться к тебе с процентами. Я приобрел, благодаря другу Косенкову, недюжинный капитал. Теперь получаю проценты.

(Продолжение следует)

ВЕРА РЕШЕТНИКОВА

Вера Ефимовна Решетникова родилась в селе Погореловка Корочанского района в большой крестьянской семье перед войной. Много ездила по стране. В 1967 году вернулась на родину. Работала завклубом, бухгалтером сельсовета.

Стихи пишет более двадцати лет, столько же лет их публикует местная газета "Ясный ключ", были публикации в областной прессе.

В 1996 году в Харькове вышла первая книга автора — "Лепестковая вьюга".

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество — не воля.
Незавидна бабья доля,
Тяжек крест.
Думы даже в день весенний
Лезут в горницу и в сени
На насест.
Одиночество — не пытка,
Коль рассвет туманом зыбким
Смоет боль,
И надежды светлый лучик
Мне шепнет:
— Так будет лучше
Нам с тобой.
Одиночество — награда,
Я ему безмерно рада
В час ночной.
Вечно юная Эрато
Наклонилась, как когда-то
Надо мной.

* * *

Не уповай на этот мир
Театра теней и сатиры,
Не уповай на этот мир —
Все слишком хрупко в этом мире.
Не уповай на этот мир
Коварства дружеских объятий,
Не уповай на этот мир
Стенаний горьких и проклятий.
Не уповай на этот мир
Любви чарующего плена,
Не уповай на этот мир —
Увы! Все в мире этом тленно.
Не уповай на этот мир
Веселых красок карнавала,
Не уповай на этот мир,
Как я когда-то уповала...

* * *

Оставил ты одну меня
В объятьях страждущих огня
На ветреной дороге.
Иду по жизни наугад,
Вперед бы мне, а я — назад,
В сомненьях и тревоге.

Там, где невинная река
Питает влагой облака,
Витает образ нежный.
Бьют годы, чаще — наповал,
И кто-то лик мой размывал,
А твой — остался прежним.

Что ж, было нам не по пути,
Простила я и ты прости,
За что — сама не знаю.
Ты — на высоком берегу,
Я до сих пор к тебе бегу
И медленно сгораю.

* * *

Не любил ты меня.
Нет, ничуть не любил.
Ах. как красочен был
Вод весенних разлив,
Он со мной говорил,
Он о чем-то молил,
Он мне нежность свою
Неземную дарил.

Он кораллы морские
С небес мне срывал,
Он меня красотою
Своей чаровал,
В стылый холод — сжигал,
А в жару — леденил.
Не любил ты меня.
Нет, ничуть не любил.

Часто видится мне
Вод весенний разлив.
Ах. как светел он был!
Ах, как был он красив!
Он сияньем своим
Жизнь мою озарил.
Не любил ты меня.
Нет, ничуть не любил.

* * *

Называешь меня своею,
В это я до сих пор не верю.
Ты вот — мой, и уж это точно,
Ты — со мною и днем, и ночью.

Ну, зачем ты мне даришь ласку, —
Я придумала злую сказку,
И, когда тебе рассказала,
Вместе с ней навсегда сбежала.

Ничего о тебе не зная,
Я, быть может, давно чужая,
Но, коль ждать бы тебя устала,
То меня бы давно не стало.

Ангел ты или демон страстный —
Мне порою бывает страшно:
Век прошел, а твой взгляд не тает,
Лишь сильнее меня пытает...

РАБА

Мне предначертано судьбой
Быть у нее слепой рабой —
Не мало, и не много.
И я гирляндой долгих лет
Ловлю ее зеркальный свет
У отчего порога.

О, стыд! Прими смиренный вид,
Деяний злобных и обид
Конца нет и начала.
Мечту мою, и кровь, и честь,
Затмила дьявольская месть,
С бедою обвенчала.

И вот беда уж — не беда,
А как падучая звезда,
Сдержать бы — силы нету.
Один лишь миг и — упаду,
Я вижу — корчится в аду
Растленная планета.

ПТИЧЬЯ СТАЯ

Нет дороже родного дома,
Где так мило все и знакомо.
Что случилось, страна родная,
Ты сейчас — словно птичья стая.

И стреляют в тебя на взлете,
На негласной большой охоте,
Хищный след за собой заметая,
Ты же к небу опять взлетаешь.

Рвешься в синее поднебесье
С неизлитою болью в песне,
В грустной песне — вдали от дома,
Где так мило все и знакомо.

* * *

У перекрестка Он стоял
С простертою рукой,
Притихло все и воссиял
Вкруг благостный покой.

Гляжу — уж нет...
А предо мной
Лишь след серпа во ржи...
Пройдут ли снова стороной
Бед новых рубежи?..

ВЛАДИМИР БРАГИН

Владимир Антонович Брагин родился в 1929 году в Волоконовском районе, где живет до сих пор. Стихи и рассказы начал писать рано, со школьной скамьи. Окончил Литературный институт им. Горького. Сменил несколько профессий, работал учителем. Пишет в основном для детей, что требует особого дара. Он автор пяти сборников рассказов и стихотворений, член Союза писателей России. О себе говорит:

— Когда я читал Пушкина и Лермонтова, то как бы шел вместе с ними по весеннему лугу. Но вот мне попались стихи Сергея Есенина, и я увидел на этом зеленом поле все цветы радуги. Поэт поразил меня зримостью картин родной природы.

Вот эта "зримость картин родной природы" присуща и перу автора-натуралиста, отличного знатока картин средней полосы России, ее южного фаса лесостепи.

ВОРОНЕНОК В ТРАВЕ

Шагая по лесу, я встретил приземистое растение. Оно походило на ландыш. Только листья короче, а ягоды красные. Я нагнулся, чтобы сорвать их.

— Кар-р-р! — раздалось у меня над головой.

Да так громко, что я отпрыгнул назад и... чуть не наступил на вороненка.

Из травы, не мигая, уставился на меня его черный блестящий глаз.

"Выпал из гнезда", — мелькнула мысль.

Но нет! Я ошибся: это было тоже растение. Его единственная ягода походила на глаз вороненка.

Я рассказал о своей находке в школе, и учительница ботаники посмеялась надо мной:

— Очень хорошо, что ворона отпугнула тебя от "птенчика": эти ягоды ядовиты. А растение так и называется — вороний глаз.

РЯБИНОВЫЙ КОСТЕР

Летом я не замечал рябину: ничего приметного в ней не было. А когда наступила осень, рябина вспыхнула оранжевым светом, словно это на землю опустилась заря. И я смотрел на нее, не отрывая глаз. Вот ты какая, рябинушка!

Приходил я к ней по снегу. Все так же горит рубиновым светом. Тихо и печально вокруг. Никого. Но вот послышался отдаленный свист. Кто это? И тут я еле заметил на ветке между оранжевыми гроздьями одинокого снегиря. Его оперение сливалось с огненными ягодинками.

Снегирь не глотал ягоды целиком, как это делают другие птицы, скажем, свиристели. Он выбирал одни зернышки, запивая их рябиновым соком.

Вот засвистела вторая пичуга. Она была одета менее ярко, и я понял что это самочка снегиря. Голос у нее намного слабее, чем у снегиря, но все равно его было слышно хорошо там, где, казалось, умерла сама природа.

ПОДАРОК ДЯТЛА

Закурился туман над лесом — иди за грибами, — говорят в народе. И я не ошибся, шагая с лукошком по лесной тропинке Из-под опалых листьев тут и там хитро глядели на меня грибы лисички. Но лукошко все-таки не пришлось мне набрать. Кончилось грибное место — и ни одной лисички.

Собрался идти домой. А в стороне, смотрю, ворох старой коры. Свернул я с тропинки, подошел к вороху трухлявой коры. Вот, думаю, что это: на каждом лоскутке коры — пригоршня лисичек!

Поднял голову, а на сухостое, в развилке между ветвей, кузница дятла. В поисках личинок короеда он откалывал и сбрасывал на землю гнилую кору.

— Вот это подарок! — не выдержал я и набрал грибов-лисичек полное лукошко.

ЮРИЙ МАКАРОВ

Юрий Иванович Макаров родился на Белгородчине, живет в поселке Ровеньки. Первые стихи опубликовал в 1975 году, в районной газете "Пламя" в Вейделевке.

Стихи для детей печатались в областных газетах "Белгородская правда", "Смена", "Крестьянское дело", "Добрострой", "Большая переменка".

Публиковался также в сказочной газете "Жили — были", журнале "Костер", "Барвинок", "Дружба", "Малыш", "Бикинь", "Мурзилка", еженедельнике "Семья", газете "Сельская жизнь".

Автор двух книжек для детей: "Бабочка под зонтиком" (Центрально–Черноземное книжное издательство, Воронеж, 1990), "Кто кого?" (Издательство В.М.Шаповалова, Белгород, 1993), а также двух книжек для взрослых: "Гусляр" (Ровеньки, 1991) и "Рассказы из ветеринарной сумки" ("Крестьянское дело", Белгород, 1995).

Член Союза писателей России. Двадцать четыре года проработал ветврачом, теперь работает в сельхозотделе районной газеты "Ровеньская Нива".

ГРИБНИКИ

На поляне, меж сосенок,
Вырос крепенький масленок.
Только вырос, оглянулся
И от страха содрогнулся.
Через лес и там и тут
Грибники к нему бегут:
Иван да Антошка,
Да Прошка с лукошком,
Юлька с кастрюлькой,
Света с пакетом,
Петро бежит —
Земля дрожит!
Думает гриб:
"Вот я и влип!..
Ну и орава..."
Да шмыг в траву!

СЧАСТЛИВАЯ КОРОВА

Корова Петровых
От счастья лучилась,
Представьте: корова
Читать научилась.
Да будет известно
Миру всему —
Сегодня она
Прочитала "Му-му"!

ФОНАРИ

Укрепить решив забор,
Столб поставил дед Егор
И фонарь на нем повесил —
Пусть сияет во весь двор!
— Дзынь! —
Комар в него врубился,
Треснул столб и повалился.
"Ишь, ты, — думает комар, —
Ничего себе удар!"
И фонарь огромный сразу
Вспыхнул у него под глазом.
Комара поймал Егор:
— Ах ты жулик, ах ты вор!
Посадил его на крышу —
Пусть сияет на весь двор!

ДВА ПИРАТА

Жили-были два пирата,
Два пирата-супостата.
Как, бывало, соберутся —
Непременно подерутся.
Потому они и злые:
Одноглазые, хромые,
Страшные, небритые,
На весь мир сердитые!

ЛЮБОПЫТНАЯ ВАРВАРА

Любопытная Варвара
Мышку повстречала,
Задавала ей вопросы —
Мышка отвечала.
— Мышка, мышка, где была?
— У соседки чай пила,
С крошками печенья —
Прямо объеденье!
— А еще?
— У соседки в норке
Ела сыра корки...
— А еще?
— Зернышки пшеничные —
Вкусные, отличные...
— А еще?
— А еще мне там сказали,
Что вчера, среди базара,
Хвост вороне оторвали,
А ворону звать Варвара!

БАНЬКА

— Куры, вы с ума сошли!
Что копаетесь в пыли?
Станете вы грязными —
Просто безобразными.
— Мы не ко-копаемся,
Мы ко-ко-купаемся!

ФЕДОР ОВЧАРОВ

Федор Платонович Овчаров родился в 1924 г. в деревне Овчаровке Корочанского района Белгородской области, в крестьянской семье. В 1924 г. ушел добровольцем в Красную Армию. С 1943 г. — радист 2-го батальона 14 бригады ВДВ. Воевал в Венгрии, участвовал в штурме и взятии г.Вены, в освобождении Праги. Награжден орденом "Отечественной войны" 2-й ст., медалями: "За отвагу", "За взятие Вены", "За Победу над Германией" и другими юбилейными знаками. Демобилизовался в 1947 г. Окончил Учительский институт в г.Харькове. При Белгородском Обкоме КПСС заканчивал Университет марксизма-ленинизма — факультет партийно-хозяйственного актива. До 1984 г. работал учителем русского языка и литературы. Со студенческих лет увлекался творческой литературной работой. Произведения публиковались в газетах "Сельская жизнь", "Учительская газета", в областной и районной печати, в коллективных сборниках: "Приметы", "Первый взгляд", "Слово бойца", в журнале "Москва".

Федор Платонович — большой собиратель местных фольклорных жемчужин. Он записал песни у давно почивших уже людей, за что благодарны ему современники и потомки. Интересно, что Федор Платонович увлечен этим занятием еще с юных лет. Даже на фронте собирал и сохранил для нас припевки. Да и как же забыть нам таких земляков, как Матрена Ракова, которая "могла тысячу песен спеть", и без которой в округе ни одна свадьба не обходилась, или Павла Алтухова, без которого ни одного хоровода не было в деревне.

ПЕСНИ МОЕЙ СТОРОНЫ

С детства люблю я слушать русские народные песни. Чью душу не пленяли они! Когда слушаю их, вспоминаю все прожитое и виденное с детских лет: вешние воды, луга, цветение садов, открытые просторы и красоту полевого края, утверждение самой жизни — вот в чем сила песен, частицы души русской.

Я часто слушал и всегда восхищался песнями сельчан, бродил по шебекинской земле, отыскивая и находя талантливых исполнителей. Но приходится жалеть, что мало записывал. Видимо, не понимал еще, что каждый исполнитель — поэт, хотя и сам он того не замечает. В старинную песню он вносит свое, потому и песенные радость и грусть становятся настоящими, тревожат душу слушателя.

Я был знаком когда-то с жителем хутора Огнева Павлом Егоровичем Алтуховым. Тогда ему было 75 лет. Никогда не забуду первую встречу с ним...

Пришел к нему в дом. Павел Егорович сидел у телевизора и слушал русские народные песни в исполнении Воронежского хора. Я боялся нарушить тишину, так внимательно вслушивался старик. Наконец, концерт окончился. Алтухов покашлял и обратился ко мне:

— Хорошо, слов нет. Но у нас, на Белгородщине, не так поют старые песни.

Павел Егорович имел в виду своеобразное исполнение песен, и я спросил:

— А как же? Вы можете что-нибудь спеть?

— Могу. Только забыл много, да и кашель меня душит. А то, бывало, любил петь в карагодах и на свадьбах.

— Так спойте же, прошу.

— А чего не спеть? Спою.

Он преобразился: лицо, покрытое рыжей, с проседью, щетиной, помолодело от вдохновения. Павел Егорович начал петь. Голос его был, конечно, старческим, но певец умело передавал содержание песни. Павел Егорович спел мне несколько песен, которых мне не приходилось слышать нигде и впоследствии не мог обнаружить ни в одном песеннике. Решил записать из уст слова песни, в которых увидел первоначало, истоки чистой русской поэзии.

Песня, переходя из уст в уста, зачастую меняет мелодию и форму. Но незыблемым памятником великой поэтической душе русского народа остается ее содержание.

Из репертуара сестер
***Матрены Селиверстовны Раковой** — 1897 г.*
***Прасковьи Селиверстовны Раковой** — 1902 г.*
Хутор Старовщина, Шебекинского района.

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК

Ой, трава, моя трава,
Трава шелковая...
Вся буйная в лог легла,
В лог легла стеною,
Облилась росою.
А во травушке колодезь,
В том колодезе водица...
Умывалася девица.
Ой, девушка бравая,
Красавица славная,
Коса заплетенная,
Лента сторублевая...
Офицер коня поил,
Красны речи говорил:
"Не быть тебе, девка,
За младым,
А быть тебе, девка,
За старым.
Ой, за старым да за мною,
За седою головою!"
"Ох, я старого люблю
И за старого пойду.
Старому я догожу,
Постелюшку постелю —
Во три ряда полынку,
А четвертый ряд крапивы,
Той крапивушки страхучей,
Сверху мятушки пахучей!"

КАРАГОДНАЯ

На улице на широкой,
На муравушке зеленой,
Там девочки выходили,
Танки-кружки заводили,
Про молодцев говорили:
"Ой, кто ж у нас игрунок,
Карагодник-плясунок?
— Игруночек-Ванечка,
Плясунок — Васильевич!
— Он сам себя погубил:
Поздно гулять выходил,
Не ту девку полюбил...
Не ту девушку-игруху,
Карагодницу-плясуху.
Выходил бы раньше всех,
Выбирал бы лучше всех...
Ой, лучшую всех игруху
Карагодницу-плясуху."

*Из репертуара **Павла Егоровича Алтухова***
1884 г. рожд. с. К.-Демьяновка (х. Огнев)
Шебекинского района.

1.

Ой, трава ж, моя травушка —
Зеленый лужок!
Ох, по тебе ж, моя травушка,
Я хожу да не нахожусь!
На цветики алые гляжу
Да не нагляжусь.
Ой, освети, ясное солнышко,
Ты весь белый свет!
Ох, а ты, светлый месяц,
Всю темную ночь!
Освети путь-дороженьку,
Куда милый друг пошел...

2.

Ой, пойду я, пойду
В темный лес
Черемушку рыть.
Вырою черемушку
В дремучем лесу,
Посажу, кудрявую,
В зеленом саду.
Расти, моя черемушка,
Тонка и высока!
Тонкая и высокая,
Листом широкая!
Цвети, моя черемушка,
Белым цветом!
А поспевай, черемушка,
Черным зерном!

Нельзя, нельзя черемушку
Неспелую рвать —
Нельзя, нельзя красную девушку
Несватану брать.

3. СВАДЕБНАЯ

Ой, приехали гости
Из-за Донушка
Из-за Дона.
Лелюшки-лели из-за Дона!
Привезли они игры-пляски
С собою.
Лелюшки-лели с собою!
Заставили сходатая свата
В гусли играть.
Лелюшки-лели в гусли играть!
Заставили сходатая сваху
Поплясать.
Лелюшки-лели поплясать!

4.

Зеленая дубравушка,
Чего рано зашумела?
Ой, не сама я зашумела,
Ладо-ладо зашумела!

Шумнули мною сильные ветры,
Сильные ветры,
Лютые морозы.
Ладо-ладо лютые морозы!

5.

Ох, вы девушки, вы девицы!
Вы названые мои сестрицы!
Ох, да вы придите,
Эх, посидите
И мое горюшко посмотрите!
Меня маменька породила,
Не собравши с умом-разумом
Оженила.
А жена меня, шельма, невзлюбила
И с кроватушки меня свалила,
И рученьку, ноженьку сломила...
Кабы знал я горькую женитьбу,
Я б вовеки не женился!

НАШИ ГОСТИ

ВЛАДИМИР ЛАТЫШЕВ

ОБ АВТОРЕ

Вот что писал когда-то наш курский гость Владимир Латышев в краткой автобиографии: "Родился я в 1934 году под Воронежем, в Подгорном, где до меня уже родился Анатолий Жигулин. Учился на факультете русского языка и литературы в Курском пединституте, где до меня учились Алексей Шитиков, Иван Зиборов и Владимир Конорев, не доучился Вадим Корнеев, и куда не поступил Александр Харитоновский-младший. Закончил факультет журналистики Воронежского университета, который до меня закончил Владимир Молчанов. Работал в областной газете "Молодая гвардия", в которой до меня работали уже Евгений Носов, Фазиль Искандер, Леонид Жуховицкий, Лев Конорев. В 1961-ом вступил в Союз журналистов СССР, куда уже приняли до меня Владимира Деткова и Егора Полянского. А уж о Союзе писателей и говорить нечего: там одного меня только и не хватало... Занялся сатирой и юмором, а там уже давным-давно застолбили себе надежные места Эзоп с Лафонтеном да Крылов с Михалковым... Господи, ну куда крестьянину податься? Но и тут, надо сказать, Латышев — в своей тарелке, в своей неподражаемой юмористической ипостаси.

Работал он и в других печатных изданиях, редактировал районную радиогазету, возглавлял районный методический центр культуры, был директором книжного издательства, в котором, кстати, не издал ни единой своей строки.

Печатался в Болгарии, Венгрии, Польше, Германии, Италии, Канаде, Корее, Норвегии, Польше, России, Украине, Чехословакии. В общем, Латышев мало-мальски известен любителям острого слова. Он провел тысячи встреч с читателями. Его стихотворные миниатюры выходили в сборниках "У истоков смеха" (Библиотека "Крокодила"), "Мы — из страны Юность" (Улан-Удэ), "Эйфория распада" ("Молодая гвардия"), "Поднять на смех" ("Современник"), "Первый взгляд", "Возьмите на заметку", "Рукопожатие", "Стихи поэтов Черноземья" (Воронеж) и других. Читатели встречали его имя в журналах "Наш современник", "Крокодил", "Подъем" (Воронеж), "Прапор" (Харьков)...

В 1988 году Владимир Латышев стал лауреатом Международного конкурса писателей-сатириков в Габрово (Болгария) и был приглашен в качестве почетного гостя в ряд стран Европы и Америки. Он был участником телепередачи "Вокруг смеха" и телефильма "Веселые таланты". Его стихи звучали по радио.

Ранее поэт-сатирик был победителем Международного конкурса "Минутку — на шутку" (Москва, радио), а также всесоюзных конкурсов "Трусцой на Парнас" (журнал "Крокодил") и "Щит Отечества", разделив пьедестал почета с поэтом Егором Полянским, который делить премию наотрез отказался: делить было нечего. А звания доктора сатирических наук и ударника юмористического труда Латышев и сам делить не стал.

В 1995 году издательство Союза писателей России "Крона" выпустило в свет книгу лирики, юмора и сатиры Владимира Латышева "Подарок женщине", книгу, которую он уже почти раздарил.

Творчески активен сатирик и сейчас. Недавно он закончил работу над сатирическим романом о современности "Черная мафия" и повестью "Партизаны", работает над рукописями книг "Наши Васи на Парнасе" (юмор и сатира на литературные темы), "Брак народа" (юмор и сатира, миниатюры) и "Хождение под мухой". Готовы к изданию сборники лирических стихотворений о любви, написанных в разные годы — "Счастливый луч" и "Звезда Северо-Запада".

В переводах Латышева, по поручению совета по сатире и юмору правления Союза писателей России, были изданы сборники сатиры и юмора бурята Элбэка Манзарова ("Щепка на волне", Улан-Удэ) и украинца Василия Шаройко ("Лебедь на балансе", изд-во "Таврия"). А совсем недавно Латышев перевел книжку юмористических рассказов-миниатюр украинского сатирика Феодосия Лузана "Интимный разговор". В общем, дело за издателями, спонсорами да читателями, которым мой друг успешно продлевает жизнь своим блистательным юмором. Итак — со свиданием!

Владислав Шаповалов,
член Союза писателей России.

ЛЕТОПИСЦАМ БЕЛОГОРЬЯ

Дружеские шаржи на писателей-белгородцев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

"Ну вот еще нашелся ферт,
Бьет наших, не краснея!"
Я независимый эксперт —
Со стороны виднее.

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ

Я пошлю домой по почте
Черноморскую ракушку.
Леонид Андреев.

Все подарков ждешь ты, дочка,
Плачешь, бедная, в подушку.
Ты не жди: я шлю по почте
Черноморскую ракушку.

ЛЮДМИЛА БРАГИНА

Я старый бес, но тянет в лес —
Порой схожу с ума.
Вот и принцесса поэтесс,
И хороша сама!

АЛЕКСАНДР ГИРЯВЕНКО

Ясно даже для дворника,
Не отвергнуть нам фактора:
Как бульдог без намордника —
Так поэт без редактора...

ВЛАДИМИР ЖУКОВСКИЙ

(автор книг о Востоке)

Он вам в наших краях
Не таковский —
Вольдемар Ибн-Фаттах
Аль-Жуковский!

ИВАН КРУПА

Поберегись
И будь потише:
Вдруг на тебя
Польстятся мыши.

ЛЕВ КОНОРЕВ

Слыхали ль вы, читали ль вы,
Иль вам ни холодно ни жарко?
Откуда в Белгороде львы —
Тут даже нету зоопарка.

ВЛАДИМИР МИХАЛЕВ

Землю попашет,
попишет стихи...
В.В.Маяковский.

Да тезке простит Михалев все грехи:
Бычков попасет он, попишет стихи
И даже не скажет соседушке Наде,
Что знают о том и в Москве,
и в Канаде.

ВЛАДИМИР МОЛЧАНОВ

С друзьями, баловень удачи,
Легко возьмет любой редут.
А вот жену у тещи прячет:
Видать, боится, уведут.

МИХАИЛ ОБУХОВ
(ранее живший в Курске)

Жизнь юбилеем не кончается,
Коль устроители не врут.
На зло соседям продолжается
Ваш обухотворенный труд!

ТАТЬЯНА ОГУРЦОВА

На Таню глядя, думал чисто, свято:
"Я тоже был огурчиком когда-то!"

НИКОЛАЙ РЫЖИХ
(житель села Хлевище)

Да, в города стремятся тыщи,
А ты — опять в свое Хлевище.

* * *

Хлевищем называется аул,
В котором Рыжих среди белых тлеет.
Он шар земной три раза обогнул,
А вот загнуть как надо не умеет...

ВЛАДИМИР ТОПОРОВ
(уроженец Красной Яруги)

Регламент выступлений нарушает,
Но он спокоен: наказаний — шиш,
Тринадцатой зарплаты не лишишь:
Зарплаты у поэтов не бывает...

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ

Я все гляжу, какой Вы молодец
Под Белгородом, Курском,
Понырями!
У Вас есть "Сумка полная сердец" —
У нас нет сумки даже с сухарями...

НИКОЛАЙ ХАРЧЕНКО
(уроженец Ясной Поляны)

Ему не надо никакого глянца:
В литературе — два яснополянца!

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

Давно на Белгородчине живет,
А все пимы, багульник и заплот.

ВЛАДИСЛАВ ШАПОВАЛОВ
(автор книг "Зачарованный бор",
"Серые великаны", "Медвяный звон")

У друга леса и врага стаканов
Перо легко, глаза всегда смелы
И видят все: от серых великанов
До маленькой работницы-пчелы.

* * *

Нет, Шаповалов, мы с тобой не пара:
Ты сын врача, а я — ветеринара...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
(Автошарж)

Недостатки есть, но разве
Я, друзья мои, таков?
Доброкачественной язвой
Окрестил меня Детков...

Владимир Латышев,
доктор сатирических наук,
ударник юмористического труда.

ГАЛИНА БЛАГАСОВА

Галина Михайловна Благасова — литературовед, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской литературы XX века Белгородского государственного университета. В 1975 году закончила аспирантуру Московского пединститута им. Н.К.Крупской. Принимала участие в работе международных и всесоюзных научных конференций, посвященных творчеству М.Горького, М.Шолохова, И.Бунина. Одна из авторов книги "Русская советская проза" (1989). Опубликовала более сорока статей по творчеству И.Бунина, М.Горького, М.Шолохова. Читает курс "История русской литературы конца XIX — начала XX века". Ответственный редактор двух сборников научных трудов: "Писатель, рожденный Великой Отечественной (К 70-летию Владимира Федорова)"(1995) и "Творчество И.А.Бунина и литературный процесс XX века" (1996).

К 125-летию со дня рождения великого русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, вдохновенного певца срединной России, кафедрой русской литературы XX века Белгородского университета была проведена межвузовская научно-практическая конференция. В ее работе приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты из Индии, Белгорода, Курска. По материалам выступлений выпущен сборник научных статей "Творчество И.А.Бунина и литературный процесс XX века" (1996). Ответственный редактор сборника — Г.М.Благасова.

"Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ДЕТЕЙ..."

Сердцем помню только детство;
Все другое — не мое.
(Ив.Бунин)

Несколько лет тому назад мне посчастливилось найти в Центральном государственном архиве литературы и искусства стихотворения выдающегося русского писателя Ивана Алексеевича Бунина, посвященные ребенку — Оле Жировой. Они были старательно напечатаны на пишущей машинке и сопровождались пометами и примечаниями жены писателя Веры Николаевны Муромцевой-Буниной.

Эти стихи-шутки, как мне показалось, по-новому осветили особенности мироощущения и творческого облика талантливого художника России. Тонкому, чувствительному Бунину дети нравились своей непосредственностью, живостью, радостным восприятием окружающего мира. Общение с детьми

помогло Ивану Алексеевичу по-новому взглянуть на жизнь и отношения людей друг к другу.

Поиски гармонии и красоты были связаны у Бунина не только с вечно творящей природой и теми, кто неотделим от ее стихии. Свои надежды на нравственное очищение общества писатель справедливо связывал и с детьми.

И.А.Бунина всегда неудержимо влекло к детям. "Да, я очень люблю детей, — говорил он. — Милых, добрых, умных, как почти все дети. Ведь злые, капризные, глупые дети исключение. Они почти всегда карикатуры своих родителей. В моей семье, хоть нас никак не воспитывали и мы были на редкость свободны, все дети, каждый по-своему, были милы, добры и умны. Должно быть, от того, что у нас были по-настоящему хорошие родители".

Самому Бунину почти не пришлось испытать "родительскую страсть", так как своего единственного сына Колю от первой жены красавицы Анны Цакни он потерял, когда мальчику было всего лишь четыре года с небольшим. Коля скончался от тяжелой болезни — эндокардита, — и судьба больше не дарила писателю детей.

С большой любовью Бунин относился к Милице (в семье ее звали Милочкой), дочери своих друзей А.Н.Бибикова и В.В.Пащенко. Когда-то, в пору ранней молодости, Иван Алексеевич горячо любил Варвару Владимировну Пащенко, мать Милицы, но их гражданский брак был расторгнут из-за грубого вмешательства в их жизнь отца Варвары Владимировны. Сыграла свою роль и плохая материальная обеспеченность Бунина. Да и сама Варвара Пащенко понимала, что по свойствам своей натуры, по духу, литературным вкусам она мало подходит Бунину, что она ему чужда. И однажды, воспользовавшись отсутствием Ивана Алексеевича, она ушла к его другу Арсению Бибикову. Бунин тяжело пережил этот разрыв, хотел даже покончить с собой, но его братья Юлий и Евгений помогли ему выйти из тяжкого душевного состояния.

Позднее, начиная с 1909 года, произошло несколько встреч с семьей Бибиковых в Москве. Вот тогда и всколыхнулись прежние чувства. Как свидетельствует Вера Николаевна, вторая жена писателя, в книге "Жизнь Бунина", Иван Алексеевич был очень взволнован встречей. В его сознании жила мысль, что Милочка могла бы быть его дочерью. Девочка очень напоминала ему свою мать в молодые годы. Он отмечал в Милочке большую одаренность, любовался ею. Она была, по словам Бунина, "очень музыкальной", "талантливой, чудной девочкой". Ко времени первой встречи Буниных с Бибиковыми десятилетняя Милица училась по классу рояля в московской консерватории.

К сожалению, Милочке суждена была короткая жизнь: она простудилась, в возрасте тринадцати лет заболела чахоткой и была отправлена в санаторий Давоса (Швейцария) на лечение. Когда разразилась первая мировая война, врачи предложили родителям забрать девочку домой. Она была еще очень слаба, и по пути домой, в Россию, умерла. Бунин тяжело пережил ее смерть, плакал по ночам, боясь признаться в этом Вере Николаевне, тосковал так остро, будто потерял собственную дочь. Снова воскресла прежняя боль, вновь пережил былое горе —драматическую любовь к Варваре Пащенко. В рассказе "Безумный художник", как вспоминает Вера Николаевна, И.А.Бунин близко к оригиналу воспроизвел фотографию Милицы в церкви на смертном одре.

Когда Бунин жил в России, он имел возможность видеться с племянниками, детьми любимой сестры Маши, часто щедро одаривал их. Но эмиграция навсегда их разлучила. С 1920 года и до конца дней И.А.Бунин и его жена В.Н.Муромцева-Бунина жили на чужбине, во Франции. Связи с родными были почти прерваны.

И вот уже в пожилом возрасте (Бунину было тогда шестьдесят шесть лет) он испытал нечто похожее на родительское чувство: нежную привязанность к маленькой девочке Олечке Жировой. Олечка была дочерью его близких друзей Жировых и подолгу жила с матерью Еленой Николаевной (по-домашнему Лялей) в доме гостеприимных и доброжелательных Буниных. Ее мать, Елена Николаевна Жирова, красивая женщина с зеленовато-карими глазами, была

близка писательским кругам и в доме Ивана Алексеевича неизменно находила приют и тепло. По воспоминаниям современников писателя, он любил окружать себя "единомышленниками", "последователями", "учениками".

Величественный, патрициански гордый, отчего порою казался немного надменным, Бунин неузнаваемо преображался в обществе Олечки. Со всем пылом неистраченной ласки и нежности он привязался к ребенку, полюбил, как свою дочь. "Какая прелесть эта Олечка! — восхищался Иван Алексеевич. — Никто мне ее заменить не может. Я по ней скучаю, чудная девочка".

По словам художницы Т.Д.Муравьевой-Логиновой, Олечка Жирова была на вилле Жаннет, которую Бунины снимали на юге Франции, в городе Грассе, "общей любимицей". В праздничные дни на вилле устраивали забавные игры и развлечения, придумывали прозвища. Веру Николаевну Олечка любовно называла "Никой-Королевой". Ивана Алексеевича из уважения к его писательскому положению нарекли все вместе титулом "Князь литературный" и "Светлейший". Олечку наряжали "порхающим эльфом", ее мать играла роль "турчанки". Все беззаботно веселились, стремясь скрыть тревогу по поводу разгоравшейся в Европе 1940 года мировой войны. "Эта маленькая девочка, — писала в своих мемуарах Т.Д.Муравьева-Логинова, — внесла в их жизнь своей непосредственностью, своей живостью, своим чутким, детским сердцем — то тепло, которого им обоим (Буниным — Г.Б.) так недоставало. Если бы не ревность матери, никогда бы они с Олечкой не расставались".

Олечка родилась в 1933 году. Сохранилась фотография, запечатлевшая И.А.Бунина с Олечкой на коленях: умиротворенное, спокойное выражение лица у Бунина и светящееся радостью личико шестилетней девочки, прильнувшей к нему.

В беспредельной влюбленности в прелестное дитя сказалась романтическая певучесть бунинской натуры, унаследованная им от отца Алексея Николаевича, человека, по словам Бунина, "очаровательного", "по-особенному талантливого", "веселого", "отчаянно легкомысленного" и щедрого. От матери писатель унаследовал проникновенную чуткость к людям и нежность. С юных лет его волновала судьба матери, вынужденной на старости лет снимать угол у родственников.

Особые свойства бунинской души наложили отпечаток на все его произведения. Уже в первый период творчества писателя интересует прежде всего человек со всей гаммой его душевных движений, многообразием запросов и влечений. Перед читателем проходит целая галерея людских судеб, счастливых и несчастных, светозарных и мрачных. Он умеет чутко уловить и тонко передать все оттенки настроения голодного, обиженного ребенка ("Танечка"), особенности детского сознания и психики ("Над городом", "Цифры", "У истока дней"); страдания больной нищей старушки ("Федосевна"); тяжкие муки старого крестьянина, отлученного от вековечного труда ("Кастрюк"); мечты о счастье любви на всю жизнь ("Грамматика любви"). Он призывает любить "душу человеческую", "любить человека". Это и составляло сущность его творчества, но она, эта любовь к человеку, не могла в равной мере проявляться ко всем людям. С одними он был высокомерен, порою резок, холоден и строг, к другим относился ласково и заботливо.

Богатство бунинской натуры, неиссякаемое чувство любви к человеку в полной мере проявились в отношении к милой девочке Оле Жировой. "Кто его не знал до конца, — писала В.Н.Муромцева-Бунина, — тот и представить не может, на какую нежность была способна его душа".

Свои глубокие чувства к ребенку Бунин назвал не отцовскими, а дедовскими. С таким определением не могла согласиться его собеседница — поэтесса Ирина Одоевцева. Видя скачущего взапуски вокруг стола Бунина и "прехорошенькую маленькую девочку", она была поражена той самозабвенностью, с какой Нобелевский лауреат отплясывал новый танец. Она сравнила его переживания с чувствами брата к сестре, настолько "восторженно" веселился Иван Алексеевич с Олей.

Олечка была единственным человеком, кому разрешалось беспрепятственно входить в кабинет писателя даже во время его работы. Начиналось разглядывание картинок, сопровождаемое дурашливым весельем. Все обитатели виллы "Жаннет" слышали заливистый, веселый смех Олечки и раскатистый, басовитый голос Ивана Алексеевича.

Олечке без труда удавалось смирить гордый нрав "своего умного Вани" и превратить его в ребенка-одногодка. С нею он сочинял сказки, дурачился, плясал, выдумывал новые танцы и игры, исполнял все ее капризы. В нем обнаруживался неиссякаемый запас чистого, "детского", неистраченного целомудрия. Дети были для него символом мудрости жизни, ее неустанного течения и обновления, олицетворяли радость и счастье бытия.

Жизнь на вилле "Жаннет" становилась все дороже по мере того, как разгоралась вторая мировая война. После вступления Италии в войну в июне 1940 года шесть обитателей виллы: И.А.Бунин с женой, писательница Галина Кузнецова, ее подруга артистка М.Степун и Олечка с матерью — выехали в направлении города Монтобана и дальше, в г.Ляфрансез, недалеко от которого находилась ферма А.М.Жирова, отца Олечки. Предполагалось найти там укрытие на случай авиационных налетов. Однако до фермы они не добрались из-за трудностей передвижения на военных дорогах, вернулись в Грасс и прожили на вилле самое трудное время вплоть до 1945 года. Возвратились без Е.Н.Жировой и Оли.

Бунины очень скучали без Олечки. Ивану Алексеевичу доставляло особое удовольствие сочинять шутливые стихотворения для девочки. Живя в разлуке с нею, он продолжал забавную игру, посылал ей рифмованные письма, нередко предварительно переписывал их в свой дневник. Всего цикл стихов для Оли насчитывает двенадцать произведений.

Обычно стихи приурочивались к именинам Олечки, очередному дню рождения или знаменательному событию. Иногда они возникали по случаю визита в гости или в пору воспоминаний о прошлом.

В декабре 1940 года Бунин пишет восьмилетней Олечке первое "послание" в стихах на курорт "Босолей":

Жил-был на Босолейе
Свиненок, поросенок,
Совсем еще ребенок —
На свете всех милее.
Мы часто с ним гуляли,
Покупки покупали,
И танцы танцевали,
И сочиняли сказки,
И кушали колбаски,
Сыры и макароны
Из Ниццы и Ментоны.
Теперь у дяди Вани
Нет ничего в кармане.
Нет сыру, нет колбаски —
Остались только сказки:
Он сам их сочиняет
И Олю вспоминяет.

Олечка тогда говорила "вспоминять".

В письме сказывается сердечная привязанность к девочке и горестное ощущение своей бедности. В форме шутки он описывает то унизительное состояние человека военной голодной поры, когда единственной радостью было светлое воспоминание о девочке, веселых забавах с нею и сочинении сказок.

Приближался день рождения Олечки. В канун его, одиннадцатого марта 1941 года, Иван Алексеевич посылает ей поздравительную открытку:

На весь день я бросил чтенье,
Сижу песенку пою:
"Поздравляю с днем рожденья
Олю милую мою!
Ах, ах, ахахах,
Олю милую мою!"

В письме Бунина от 29 мая обыгрывается мотив радости будто бы от внезапно полученного письма девочки. Тоска от прервавшейся дружбы с Олечкой передана в шутливой форме привидевшегося сна как напоминание о желании давно иметь весточку от Оли:

С постели рано я вскочил —
Письмо от Оли получил!
Я не читал и не молчал,
А целый день скакал, кричал:
"Как наша Оля подросла —
Переросла она осла,
А ведь не маленький осел —
Он ростом выше, чем козел,
Потом смотрите, как умна!
За зиму сделалась она!
Наверно, очень хорошо
Сдала экзамен на башо[1]
У кур и кроликов своих,
Когда из рук кормила их!"
Но оказалось, что во сне
Вся эта глупость снилась мне:
Что я письма не получал,
И не скакал, и не кричал...
И так обиделся я вдруг,
Что посинел и весь распух.

В отношениях с Олей И.А.Бунин не допускает поучений, назидательного тона. Далек он и от сюсюканья. Он ведет разговор с девочкой на близком и понятном ей языке. Чувство меры, свойственное ему от природы и глубоких культурных традиций, ощущение гармонии не оставляет его и в этих шутливых стихотворных играх.

Положение в Грассе было тревожным. Франция порвала дипломатические отношения с Советской Россией. В конце июня 1941 года комиссариат полиции заинтересовался русскими, живущими на вилле "Жаннет". Хотя город оставался еще "свободной зоной", власти Грасса старательно прислуживали Гитлеру. Были арестованы жившие вместе с Буниным А.В.Бахрах, литератор, исполнявший секретарские обязанности, и писатель Л.В.Зуров, поселившийся в семье Буниных еще в ноябре 1929 года. Через три дня их отпустили. И.А.Бунина не тронули из-за пожилого возраста и болезней, но в его кабинете произвели унизительный обыск, хотя и сопровождавшийся извинениями. В эти дни Бунин чрезвычайно взволнован по поводу начала войны с Россией. В дневнике он оставляет запись: “Страшные бои русских и немцев. Минск еще держится... Да, опять "Окаянные дни"!”

В это тревожное время он вспоминает о чудной девочке Оле. Третьего июля 1941 года он пишет ей:

Опять от Оли нет письма:
Наверно, Оля не сама
Писала мне зимой —
Писала за нее мама́,
И потому и нет письма.
Я и картинки получал,
Да их, наверно, рисовал
Какой-нибудь петух —
И как он только в суп попал,
Они исчезли вдруг.

[1] ***le bashot*** *— свидетельство об окончании школы (франц.)*

Вскоре Бунин получил от Оли картинку с изображением "дорогого Вани", кормящего поросенка. В ответном письме от восьмого июля Иван Алексеевич поблагодарил девочку за "чудную картинку":

Пишу тебе два mots[1] —
Целую за письмо,
За чудную картинку,
Где Ваня кормит свинку.

Двадцать второго июля Иван Алексеевич сочиняет для Оли поздравление с днем именин, заставляя весь окружающий мир исполнять в ее честь праздничный танец:

В именины нашей Оли
Все цветы запляшут в поле,
Все деревья и кусты,
Все дороги и мосты,
А в Рюссели все цыплята,
Куры, кролики, котята,
Кошки, утки — и сама
С папой под руку мама́.

Спустя два месяца И.А.Бунин записывает в своем дневнике: "Послал (завтра утром отвезет на почту Бахрак) Олечке письмо: три маленьких открытки шведских и стихи:

Дорогая Олечка,
Подари мне кроличка
И пришли в наш дом
Заказным письмом.
Я его затем
С косточками съем,
Ушки пополам
Марге с Галей дам,
А для прочих всех —
Лапки, хвост и мех.

И как меняется добродушный тон, сопровождаемый перечислительной интонацией, на задорную шутку в письме от девятнадцатого декабря. В нем упоминается мальчик Дима, с которым Оля дружила в Париже, по словам В.Н.Муромцевой-Буниной, называла его своим женихом:

Оля глазки опустила,
Застыдилась очень мило:
"Нет на свете никого
Лучше Димы моего!"

В день рождения Олечки — 14 марта 1942 года — было отправлено очередное шутливое поздравление. На этот раз по законам игры-переписки писатель перевоплощается в сказочного кота, который с радостью виляет хвостом, поздравляя свою маленькую "старушку":

Дорогая моя чушка,
Ты теперь уже старушка,
Ведь тебе десятый год!
Поздравляю, поздравляю

[1] ***mots*** *— слово, здесь: краткое письмо (франц.)*

И хвостом тебе виляю,
Как твой Котька, белый кот.

Однажды девочка поинтересовалась у "дяди Вани", как его с Верой Николаевной угощали у знакомых "С". Вскоре И.А.Бунин ответил Олечке лукавым, задорным стихотворением с предисловием и примечанием: "Милая Олечка, ты спрашиваешь, как мы пировали у "С". Вот как:

У друзей вчера пируя,
Ел змеиную икру я,
Пил настойку из клопов
И вино из бураков.
Остальное тоже было
Очень вкусно, очень мило:
Суп из Nава[1], фарш из блох
И на жареное — мох.
А потом нам подавали
Карамель из мух в крахмале,
Чай Пи-пи и торт Ка-ка
Из кондитерской в Восса.

Когда ты будешь большая, ты будешь знать по этим стихам, как пировали в Novelle Europe".

Через три дня он заносит в дневник это стихотворение с горькой пометкой: "Все это недалеко от правды. "Новая Европа"!"

В детски-наивных стихах дана целая картина драматического быта русской эмиграции тех лет. Забавляя девочку, он рассказывает ей суровые вещи. Под наивной формой юмористического "послания" чаще всего скрывается трагическое восприятие жизни.

Олечка была строгим критиком и не все стихи принимала. Описание сладостей "из кондитерской в Восса" ее возмутило. Девочка назвала стихи гадкими, отчитала "своего Ваню" и поставила его в угол. Он безропотно принял наказание и смиренно стоял в углу, пока не получил у нее прощения:

В начале октября 1942 года послано новое стихотворение:

На серенькой бумажке
Пишу тебе о том,
Что мушки и букашки
Покинули наш дом,
Что из него исчезли
Внезапно муравьи
И пауки залезли
Во все углы свои!
У нас недавно были такие холода,
Что Леня с Алей выли:
"Беда, беда, беда-а!"
Теперь опять теплеет,
Синеют небеса,
И на деревьях зреет
Под солнцем колбаса.

И снова шаловливый смех не может скрыть ужасающей картины бедствия, того, что у Ивана Алексеевича и его домочадцев вызывало особенные страдания и болезни — тяжести "арктического холода".

Но больше всего мучений давали мысли о Родине, изнуренной в борьбе с врагом. И.А.Бунин радуется всякой неудаче фашистов, любому их поражению.

---

[1] ***naba*** *(от франц. nabo) — уродец, карлик*

В дневнике этих дней записано: "Дела немецкие неважны. 76-й день берут Царицын". В день своего рождения, 23 октября 1942 года, он пишет снова с насмешливым торжеством по поводу провала немецких планов: "Нынче радио о Царицыне: "Все атаки большевиков отбиты". Скоро три месяца, как берут его!"

По мере улучшения дел на русском фронте Бунин скрупулезно вносит в дневник все названия возвращенных родных городов и сел: освобождение Царицына, взятие станицы Крымской на Кубани, городов Орла, Рославля, Смоленска, бои в Мелитополе. Более светлым, несмотря на болезни, голод и холод, становится настроение Бунина. Появляется надежда на скорое окончание войны. Он много работает, пишет "по целым дням". Тон его писем к Олечке становится более радостным. 21 октября 1943 года он заносит в дневник новое стихотворение, посвященное ей:

Милая Олечка, как поживаешь?
В школе бываешь иль просто гуляешь,
Дома же в куклы и с Котькой играешь,
А вечерами, под руку с мамá,
Ходишь то в гости, а то в синемá?
Я вас обеих целую и жду
Вскоре иметь от тебя billet-doux.[1]
P.S. Очень жалею, что Котьки тут нет:
Аля сварил бы его на обед.

Первого мая 1945 года И.А.Бунин и В.Н.Муромцева-Бунина вернулись в Париж, в свою маленькую квартирку на улице Жака Оффенбаха. И вновь на целых три года их жилище становится приютом для Олечки и ее матери. Им отдан кабинет Ивана Алексеевича, загроможденный чемоданами, узлами, книгами. И хотя писатель очень страдал от того, что негде было работать, он все же стойко сносил все неудобства ради любимой Оленьки. Лишь в мае 1948 года Елена Николаевна, выйдя вторично замуж, переехала с Олечкой на квартиру мужа.

И.А.Бунин стремился трудиться и в этих стесненных условиях, но быстро утомлялся, мучили болезни. Было трудно дышать, изматывали эмфизема, кашель, сердечная астма, кровотечения. Но, несмотря на нездоровье и безденежье, Иван Алексеевич и Вера Николаевна предложили отпраздновать окончание Олечкой гимназии в своей квартире.

Изнемогая от тяжести недугов, Бунин проявил удивительное терпение и нежность, позволив целому классу отплясывать и веселится в течении шести часов в своем доме. Ради Олечки он жертвовал самым главным сейчас для него — покоем. До конца своих дней Бунины любили Олечку Жирову, заботились о ней и ее матери.

В цикле шутливых стихотворений для Олечки проявляются черты нравственного облика И.А.Бунина — человека чуткой души и оригинального художника. В них сказывается преданность классическим традициям русской литературы, выразившаяся в верности большой правде и мужественном взгляде на мир и свое положение в нем.

Стихи наполнены атмосферой тонкого лиризма и задушевности, верой в чистое, человеческое. Бунин верен в любви и дружбе, готов по первому зову прийти на помощь ближнему, пожалеть и обласкать ребенка.

Нам ценны в произведениях Бунина его приверженность высоким идеалам добра, красоты, правды, искренняя любовь к людям. Он покоряет нас душевной силой и бодростью, забавной игрой воображения, чистотой и прозрачностью языка, упругим ритмом стиха.

Эти стихотворения в известной мере дополняют наше представление о талантливом русском писателе XX века Иване Алексеевиче Бунине.

---

[1] *billet-doux — любовная записка (франц.)*

ГАЛИНА СЛЕЗКИНА

Галина Петровна Слезкина родилась 6 августа 1952 года в поселке Уразово Валуйского района, где проживает до сих пор. Инвалид детства I группы. Образование получила самостоятельно, так как в школу ходить физически не могла. По программе, присланной из Воронежского университета, изучала историю литературы и теорию журналистики. Регулярно публиковалась как в местной, так и в центральной периодической печати.

В коллективном сборнике "Молодая проза Черноземья" опубликована ее повесть "Преодоление", отрывок из которой вошел в "Антологию современной литературы Белгородчины". Кроме прозы и публицистики, увлекается литературной критикой. В 1995 году вышла ее книга критических статей "Обрести себя" (Опыт критического взгляда на прозу Белгородчины восьмидесятых годов XX столетия).

ГОРЬКОЕ ВИНО ПОБЕДЫ

Е.Носов. Избранные произведения. Том 2

Через все повести второго тома избранных произведений Евгения Носова проходит война. Это не просто тема, сколь бы обширна она ни была — это нечто большее, нечто более важное и грандиозное даже в историческом аспекте. Великая Отечественная война, отраженная в этих произведениях, сродни библейскому всемирному потопу, разделившему бытие на два разных непохожих мира — довоенный и послевоенный.

Будто бы следуя этой безотчетной хронологии, в самой первой из повестей ("Усвятские шлемоносцы") автор изображает неповторимо исконную русскую деревню, ее своеобразный полусказочный быт — все то, что спустя какое-то десятилетие отзовется щемящей болью в душе русского человека, перейдя потом в неизлечимую ностальгию... Сенокосная пора, благостный труд крестьянина, радостно опъяненного щедрым урожаем; семейная идиллия

колхозного конюха Касьяна — все это изображается в духе картин Васнецова, красочно, в былинно-эпическом жанре. Однако, расчет автора был совсем не на то, чтобы представить эту жизнь сказочной. Увы, она не сказочна, но сказочной будет чудиться потом, когда грянет, заглушая все привычные деревенские звуки, ошеломляющее слово "война". Оно, будто зловещая тень коршуна, нависло над патриархальным селом и в его окрестностях. И хотя еще ничего не происходит — завтрашний день гнетет уже мучительным ожиданием невиданной беды.

И вот они, роковые повестки, горестные сборы, затем проводы... Не это ли конец той заветной деревни, который оплакивало целое поколение писателей. Может, именно в этот момент и пошатнулась ее основа, когда на плечи женщин и подростков упали всей тяжестью заботы о хлебе насущном. Наверное, поэтому и осталась неистощимой тяга к старому деревенскому быту у этих переживших войну вдов, как горькая память о молодости, где за давностью лет все так перемешалось, тогда как у подрастающей молодежи пережитые в войну тяготы и лишения вызовут роковую для сиротеющей деревни охоту к перемене мест. Собственно, не эта ли проблема поднимается в другой повести — "Во субботу, день ненастный..." Герой — рассказчик, в ненастье, засидевшись на аэродроме в ожидании самолета, бредет по селу и случайно оказывается гостем вдовы-солдатки. Завязывается разговор. Да, эта женщина одна из тех, кому давно минувшая война нанесла невосполнимую утрату, и потому душой она как бы осталась в той далекой довоенной поре, поддерживая свою иллюзию неистощимой тягой к земле, жаждой сохранить непорушенным вековой деревенский уклад жизни. Трудолюбивая и словоохотливая, она с какой-то жаждой рассказывает незнакомцу все, о чем изболелась ее душа. С какой любовью хранит она память о погибшем муже и обо всем, что после него осталось. А остались инструменты мастера-краснодеревщика, — дорогая реликвия, которую она мечтала передать сыну. Но интересы детей, спешащих покинуть родительское гнездо, так далеки от несвоевременных материнских чаяний. И в этой безымянной женщине невольно угадываешь овдовевшую и постаревшую Натаху, жену Касьяна-шлемоносца.

Возвращаясь к этой, первой повести, надо отметить, что, нанося на своих завтрашних солдат налет вещей былинности, автор называет их шлемоносцами, вызывая у читателя смутную ассоциацию со сказочными богатырями. Да, наивными в своей оторванности от внешнего мира шлемоносцами уходят они на жесточайшую из войн, чтобы с боями пройти почти всю Европу и вернуться совсем другими людьми в обнищалую, разоренную деревню. Если кому, разумеется, выпало это счастье — вернуться.

О солдатских судьбах рассказывает повесть "Красное вино победы", звучащая как своеобразное продолжение "Усвятских шлемоносцев", хотя эта повесть написана ранее.

Надо сказать, что Евгений Носов весьма нетрадиционно изображает великое историческое событие — Победу Советского Союза над фашисткой Германией. Как правило, в сознании читателя оно ассоциируется с торжествами и радостью, ощущением какого-то всепоглощающего восторга. А вот Носов увидел это событие по-своему. Другие описывали его как бы глядя на сцену, а он же, словно примостился где-то за кулисами...

Символическое красное вино Победы в данном случае олицетворяет собою ее кровавую пену. Ох, как же она дорога!.. Изображая не торжественный парад, а военный госпиталь, автор подводит читателя к весьма невеселым выводам.

"Мы заново приучались есть из тарелок, — говорит рассказчик, — держать в руках вилки, удивлялись забытому вкусу белого хлеба, привыкали к простыням и райской мягкости панцирных кроватей". Вот чем стал для них госпиталь. По тому, каким блаженством кажутся раненым бойцам элементарные бытовые удобства, нетрудно представить себе фронтовой ад, пройденный ими за время войны. И вот он, первый штришок авторской нетрадиционности: для раненых "это была самая томительная военная весна"; весна ожидания конца

войны. Собственно, для них война уже закончилась. И в том, что закончилась она не на поле брани, а здесь, в госпитале, было горькое недоумение, словно бы ирония судьбы. Война для них как бы оборвалась, вовсе не наградив ликующим победным маршем.

И что же будет дальше? Необъятная радость пресловутого будущего; всепобеждающее торжество мирной жизни?.. Ведь по традиции, книжные герои военной поры буквально грезят некой небывалой, фантастически счастливой жизнью, которая непременно воцарится на свете после войны. Однако, в настроении героев Носова этой эйфории никак не чувствуется. Дальнейшая судьба тех, кто закован в броню гипса, неизвестна. Станут ли они полноценными членами общества, или... Скупо обрисованный трагический образ безрукого сапера-молдаванина Михая производит на читателя потрясающее впечатление. Буднично и прозаически показана типичная военная драма: вчерашний солдат, молодой полноценный мужчина, становится ошеломляюще беспомощным инвалидом. Опять же, Евгений Носов показывает не символический образ уже знакомого нам героя-сверхчеловека, преодолевающего буквально все, а простого смертного, сил которого хватает лишь на молчаливое терпение нечеловеческих страданий. Следуя суровым законам реальности, а не литературной романтики, автор вовсе не торопится "сосватать" Михаю сердобольную экзальтированную медсестру с переполненным любовью сердцем. Увы, судьба его остается тревожно недосказанной и непредсказуемой. Но как бы то ни было, живому о живом и думать. А вот солдат Копешкин обречен, ему не жить. Числился в извозе, наград не имел, ("за езду рази дают...") в общем, не герой. А по воспоминаниям Копешкина о его родной деревне, о семье и довоенной жизни, невольно ассоциируется его образ с образом Касьяна-шлемоносца. Вот она — судьба усвятских защитников родины, и судьба сиротеющей, точно обезглавленной русской деревни... Тихо, будто праведник уходит Копешкин в небытие. Уходит незаметно, в тот самый момент, когда его соседи по палате пьют красное вино победы. И не потому ли оно красное, чтобы напомнить о реках пролитой человеческой крови.

Рассказ, не изобилуя оптимистическими нотами, словно предвещает приметы моральной ущербности нашего общества, которым суждено появиться в скором будущем. Одна из таких примет — появившийся в госпитале фотограф-шкурник, которого кто-то очень выразительно называет "трупоед". Это горький намек на то, сколь кощунственно будут попраны все воинские святости Великой Отечественной войны. И вот об этом, о глохнувшей памяти потомков, о далекой от эйфорических мечтаний послевоенной жизни говорится в повести "Шопен, соната номер два". Сюжет ее предельно прост: сельские музыканты духового оркестра едут в дальнее село на открытие обелиска павшим воинам. Изображая обыденный эпизод, автор не только обставляет его характерными деталями, воссоздающими зримую картину типичного сельского быта, но ухитряется весьма зримо показать главное — разобщенность и даже отчужденность поколений. Так, руководитель духового оркестра дядя Саша — бывший фронтовик. В открытии обелиска, на которое они едут в грузовике через колхозное поле, он видит нечто особенное, волнующее, душу его всколыхнули воспоминания о жестоких боях и фронтовых испытаниях. А потому его коробит и угнетает беспечное веселье молодых питомцев-оркестрантов: то с девчатами-свекловичницами заигрывают, то выпивку затеяли. Словом, им-то и дела никакого нет... И на митинге все как-то уж слишком официально, будто наигранно. И все потому, что смешались воедино и воевавшие, и те, кто не знал последних залпов войны. Собственно, для этих последних происходящее и кажется наигранным, ненатуральным и необязательным.

Но вся глубина пропасти, разделившей ветеранов и молодежь, зияет в тот момент, когда после митинга, официальной части открытия обелиска (который: "В этот предвечерний час... выглядел особенно отрешенным..."), одни

собираются своей компанией, чтобы рюмкой помянуть павших товарищей, а другие, т.е. молодые оркестранты, словно не имея к происходящему абсолютно никакого дела, сами по себе элементарно выпивают.

Корни этой взаимной разобщенности обнаруживаются в беседе подвыпивших ветеранов, когда говорится о том, как постепенно обесценивались ордена и медали, которые и носить-то стало чем-то зазорным, и сам День Победы давно ли стал праздником. А потому, сама ли молодежь виновата в своем невежестве, которое так возмущает убеленных сединой ветеранов. А ведь уважения к ним у молодых и впрямь не достает. Вот и оркестранты досадуют на то, что дядя Саша отдал машину ветеранам — участникам митинга из дальних сел, а их вынудил по слякоти и ненастью возвращаться домой пешком. И ни у одного из этих модных задиристых парней не потеплело на душе при мысли, что хотя бы такой вот ничтожной уступкой они отдали дань уважения тем, кто когда-то воевал за них, за то, чтобы они родились на свет... В конце повествования дядя Саша вроде бы настроил своих питомцев на нужный ему лад, заставив исполнить траурную музыку Шопена. Однако, поверить в это трудно, как трудно примирить непримиримое. Война для воевавших стала своего рода религией, в которую им хотелось бы обратить молодежь. А потому равнодушие к этой "религии" вызывает у них тот же горький протест, какой у верующего вызывает безбожие...

О том же, как тщетны эти вполне естественные притязания фронтовиков; о том, как неумолима и беспощадна жизнь, в которой все течет и меняется, рассказывает заключительная повесть — "И уплывают пароходы, и остаются берега". Главный ее герой Савоня (трудно понять, то ли имя такое, то ли прозвище) — тоже бывший фронтовик. Но как же непохож этот жалкий полубродяжка ни на уходящих на фронт шлемоносцев, ни на раненых бойцов, пьющих красное вино победы, ни на сохранивших свое человеческое достоинство ветеранов у обелиска. Старик-инвалид ведет жалкую бездомную жизнь. Перебиваясь случайным заработком, катает на лодке беспечных туристов, путающих в своем невежестве Онежское озеро с Ладожским... А ведь возвратясь с фронта (на костылях) на один из островов Малой Онеги, Савоня стал бригадиром, самолично взялся рубить "овчарную под шубных овец", но... Далее — знакомая картина: старики умирают, молодые уезжают. Савонины дети тоже в городе, а жена в могиле. "Ушла жизсть, так чего уж"... Так затерялась среди Онежских красот заурядная человеческая драма, никому до нее нет дела. Постепенно все отголоски военных бедствий тонут в обывательском равнодушии и забвении...

Трудно сказать, примыкает ли к этим повестям по хронологии сборник рассказов "На рыбачьей тропе". Но читая их в данном порядке, невольно разглядываешь душевный настрой автора.

Познав немало горьких истин и разочарований, он, словно классический философ, покидает суетный мир, чтобы слиться с миром природы. И лишь там находит он торжество нравственных законов бытия, не говоря уже об очистительной силе ее красоты. Среди самых ярких образов этого сборника отважный белый гусь, слепая охотничья собака Чанг, красивая и смелая птичка зимородок. А лес, а сирень, а радуга?.. Человек, способный душой ощутить красоту и мудрость природы, спасен от многих нравственных изъянов, приводящих к внутренней опустошенности. И вот он нехитрый носовский афоризм — "Рыбачья тропа — только для чистых душой!"

АЛЕКСАНДР ФИРОНОВ

Александр Павлович Фиронов родился в 1953 году в селе Старая Безгинка Новооскольского района Белгородской области. После окончания пединститута работал в сельской школе. С 1989 года — старший преподаватель Белгородского пединститута (ныне — университет). Автор более 10 статей и учебных пособий, в их числе: "Русская советская поэзия на современном этапе" (Белгород, 1990), "Образ России в поэтическом мире Николая Рубцова" ("Славянский мир: единство и многообразие." Материалы Российской научно-просветительской конференции. Белгород, 1995). Живет в поселке Ясные Зори Белгородского района. Сотрудничает со школой. Учитель-методист.

КНИГА ГНЕВА И СКОРБИ

"ОКАЯННЫЕ ДНИ" И.БУНИНА В СОВРЕМЕННОМ ВОСПРИЯТИИ

"Окаянные дни" И.А.Бунина вышли в свет на родине писателя отдельным изданием в 1991 году, т.е. в самый пик "демократической" революции, которая вскоре со всей очевидностью оказалась "криминальной" . В этом видится некая роковая закономерность, поскольку для всех здравомыслящих русских людей книга оказалась очень злободневной и своевременной, своего рода книгой-предостережением. Невозможно было уйти от ощущения, что все это, или почти все, — написано сегодня, с учетом нынешних реалий. Прав был А.С.Пушкин: "Все смуты похожи" одна на другую, во всяком случае — имеют общие черты и особенности, хотя цели и исполнители могут быть очень разными (в нынешней смуте ведь никакие "большевики" не участвовали, да и народ пока еще, как правило, "безмолвствует").

Раньше у нас книгу называли злобной, теперь многие склонны считать ее пророческой и во всем соглашаться с автором. Попытаемся вчитаться (или всмотреться: книга, что называется, "кинематографична": лица, или, как говорили в прошлом веке, "физиономии", проходят перед глазами, сменяя друг друга, как будто камера выхватывает самые яркие, самые характерные образы), — под таким углом зрения, который сегодня не очень распространен, т.е. попытаемся сгруппировать, обобщить выявленные писателем лица и образы в определенные категории по социальным, психологическим и иным объединяющим признакам. Надо заметить, что сам писатель, сознательно или нет, но пытается это сделать, постоянно обобщая: "наши", "большевики", "народ", "буржуи", "писатели" и т.д. — и иллюстрирует каждую категорию людей отдельными яркими примерами.

Итак, какие же лица, "физиономии", характеры, ситуации предстают перед нами со страниц бунинских дневников? Кстати, жанровое обозначение "дневники" здесь весьма условно: это очень близкое к публицистике произведение, очень тенденциозное. При всей остроте взгляда и выстраданности суждений "дневники" отличаются заданностью, т.е. автор не ищет ответ на все происходящее — что характерно, например, для дневников Пришвина, опубликованных примерно в это же время, — а как бы "подгоняет" увиденное

под свой, раз и навсегда определившийся, ответ. Авторская позиция неизменна от первой страницы до последней: все происходящее — безумие, крах, бедствие, кара "за грехи наши".

Как уже было отмечено, не вступая в противоречие с автором, лица и характеры можно разделить на несколько групп. Попробуем определить при этом, в каких случаях автор наиболее художественно и социально убедителен, в каких же — раздражительно-тенденциозен. Рассмотрим каждую из этих групп и разберемся в авторском отношении, а заодно выявим и свое.

"Наши". Здесь все ясно и однозначно. Они (друзья-единомышленники, белогвардейцы-жертвенники, люди своего круга и просто сочувствующие) — жертвы. Они дороги автору, он им сочувствует, насколько может, т.е. предельно сильно. Вместе с тем Бунин сожалеет, даже скорбит о том, что и на них самих лежит огромная вина. Вспомним эпизод с Махоточкой: которая сквозь метель шла и шла, несла господам телеграмму — пустяковую, ненужную — а они в это время занимались праздным времяпрепровождением. Эти строки написаны с покаянием.

"Окаянный" и "покаяние" — слова одного корня, и поэтому название произведения оставляет какую-то надежду, ведь "окаянные", по В.Далю, — не только "проклятый, нечестивый", но и "погибший духовно, несчастный, грешник". Грех предполагает **возможность** покаяния. "Каяться, — объясняет великий словарь, — сознавать проступок свой; жалеть о том, что сам сделал; корить самого себя, со смирением". Это трагедия русской литературы: название произведения максимально выражает его главную идею. Бунин не витийствует, не призывает к покаянию других, другой народ (как сегодня призывают русских "прорабы перестройки") — он начинает с себя и "своих".

"Что имеем не храним, потерявши — плачем", — в этом смысл и пафос многих бунинских произведений, причем, не только послереволюционных (что само уже говорит о неслучайности "Окаянных дней").

Вторая группа — **"буржуи"** — иногда почти сливается с первой, в том смысле, что является пострадавшей и побежденной. Собственно буржуев (без ковычек), т.е. буржуа, в бунинских "дневниках" вовсе нет. Действительно, где булгаковский Корзухин ("Бег")? О горьковских персонажах и говорить нечего...

Или Иван Алексеевич не замечал их? Бунин-то не замечал?..

Есть "буржуи" в кавычках, т.е. нечаянно или злонамеренно (можно, если для кого-то это принципиально, изменить порядок слов: злонамеренно или нечаянно) **зачисленные** в "буржуи". Поэтому здесь говорить не о чем: здесь автор явно не всевидящ.

Большевики. "Они". Чужие. Чуждые. Ненависть к "ним" обнажена до предела, доведена до белого каления — начиная от Ленина и кончая каким-нибудь матросом. Многое схвачено верно: радикализм, авантюризм, максимализм, космополитизм, жестокость... "Они" — шаржированы. Даны односторонне. Они пустотелы — как у Солженицына (хотя и по-другому в художественном плане). Точно и емко изображены большевики-радикалы, большевики-космополиты. Других Бунин не видит или не хочет замечать: нет у него ни Корчагина (реально — Островского), ни исторического Кирова, ни шолоховских коммунистов... Чувство патриотизма у большевиков, по Бунину, и не предполагается.

Народ. Демос. Здесь, наверное, самый трудный вопрос — рискнем предположить, и для автора. Широко известны и цитируются — впопад и невпопад, честно и спекулятивно — слова Бунина о том, что из народа, как из дерева, получается "и икона, и дубина". Сейчас, в революцию, разгулялась "дубина"."Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. В другом произведении он объясняет "разрушительный инстинкт" азиатским, "монгольским" началом ("Инония и Китеж"). И все-таки ближе к истине, наверное, другой русский писатель — эмигрант, Иван Солоневич: наступает неизбежный конфликт, даже крушение государства там, где "аристос" отрывается от "демоса" ("Народная монархия").

Вспомним былинного Илью Муромца, который в ответ на унижение своего крестьянского (т.е. народного) достоинства со стороны князя Владимира — так разошелся, что даже начал крушить купола церквей. "Ах ты, мужичище-деревенщина" — ходовая фраза еще с тех времен. И происхождение слова "смерд" вряд ли позволит усомниться в недостаточности внесоциального подхода к этой проблеме.

"Демократы". Оговоримся: это слово будет употребляться только в кавычках, и не потому, что так принято сегодня, а потому, что в данном контексте это слово к слову "демос" не имеет никакого отношения, кроме отрицательного. Именно здесь — наиболее точен Бунин как в художественном, так и в социально-психологическом плане. Характерная сцена.

"Рассказывают, что Фельдман говорил речь каким-то крестьянским "депутатам":

— Товарищи! скоро во всем свете будет власть Советов!

И вдруг голос из толпы депутатов:

— Сего не буде!

Фельдман яростно:

— Это почему?

— Жидив не хвате!

— Ничего, не беспокойтесь: "хватит Щепкиных".

Кто же эти "щепкины"? Читаем несколькими страницами раньше: "Проф. Евгений Щепкин, "комиссар народного просвещения", передал управление университетом "семи представителям революционного студенчества", таким, говорят, негодяям, каких даже теперь днем с огнем поискать. Как все это проецируется на дни сегодняшние! И "радикалы", и "демократы"... Наверное, многие мне возразят: почему отдается предпочтение слову "радикал", тогда как это были большевики. Нет, и еще раз нет: подобный характер поведения был присущ представителям многих партий из всего спектра революционного движения (см. программы социалистов-революционеров и др.), да и для кого секрет, что многие из лидеров большевиков стали большевиками, только почувствовав запах власти (т.е. переметнулись накануне или даже после 25 октября, т.е. "перестроились"). Нынешние "радикальные демократы" верны своим духовным и кровным предшественникам:

"В этом и весь адский секрет большевиков — убить восприимчивость... Это — как цены на хлеб, на говядину. Что? Три целковых фунт?!

А назначь тысячу — и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность."

Закономерный итог их "исканий" и действий — один: предательство.

"Местами митинги"... Какая-то намазанная сучка стала говорить, что вот-вот немцы придут, и всем придется расплачиваться за то, что натворили.

— Раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем, — холодно сказал рабочий и пошел прочь.

Как, угодно, но рабочего-то хоть понять можно: у него дети голодные, завтра ему, вполне вероятно, придется на фронте быть "пушечным мясом" — "за чей-то чужой интерес" (Есенин). А вот как быть с "сучками", готовыми сдать Россию кому угодно?..

"Встретил адвоката Малянтовича... И таким до сих пор праздник.

— Нет, вы не волнуйтесь. Россия погибнуть не может уж хотя-бы по одному тому, что Европа этого не допустит" ("Мировое сообщество"! — А.Ф.).

А вот и "цвет" "демократов" — "творческая интеллигенция" — гордость и украшение."Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то "Музыкальная табакерка" — сидят спекулянты, шулера, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы.. читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные". Да когда же это написано?! Как будто только что посмотрел "желто-голубой" экран.

Берусь утверждать: подобные места в "Окаянных днях" — самые сильные, безупречно правдивые, созвучные нашему времени. Как и другие умные русские писатели, Бунин очень точен в расстановке социальных групп. Параллель: в "Белой гвардии" Булгакова большевиков вообще нет, народ показан в стихийно-анархических проявлениях, но наиболее художественно убедительны — "наши", т.е. лучшие из "белого стана" и, конечно же, "демократы". Сопоставив цитаты, нетрудно убедиться в родстве "персонажей":

"В марте 1917 года Тальберг был первым... кто пришел... с широченной красной повязкой на рукаве... К концу знаменитого года... Тальберг сделался раздражительным и заявил, что это... пошлая оперетка... Вышла действительно оперетка, но не простая, а с большим кровопролитием... Тальберг сказал, что те в шароварах — авантюристы, а корни в Москве, хоть эти корни и большевистские.

Но однажды, в марте, пришли в Город серыми шеренгами немцы... Тальберг растерянно улыбался..."

У Тальберга, как мы помним, тот же путь: от эйфории — к предательству.

Уроки, не усвоенные доныне нашей "подгнившей" интеллигенцией. Преступления, повторенные в 1989-1993-1996 годах.

Страница за страницей, кадр за кадром проходят перед нами, и хочется, чтобы исчезло кошмарное видение: все повторяется сегодня.

Вот первоначальная эйфория:

"Страшное количество народа возле кинематографов, жадно рассматривают афиши..."

"Разговор... бодрый, веселый:

— Москва нам теперь ни ...не стóит.— Теперь и провинция ни .. не стóит".

"Петербург объявлен вольным городом... Московские банки передаются немцам". Дальше — больше. Появляются "эмиссары" "с коричневой лысиной", с дочками, похожими на "черного барана". Чувствуют себя хозяевами.

"Ехать жутко ... а кто идет, так почти бегом (Поздно вечером. — А.Ф.) Два солдата с ружьями. Стража или грабители? И то и другое".

Кто сегодня возьмется определить, где "стража", а где "грабители"?

"И все то же тревожное. нудное, не разрешающееся ожидание". "Неужели так уверены в своем долгом и прочном существовании?". Кроме прочего, Бунин проявляет себя как удивительно точный художник-физиономист: в обличьях тогдашних "радикалов" проступают черты их нынешних наследников — мастер отмечает предрасположенность их к изуверским действиям.

"О Коллонтай... Судебная и психиатрическая медицина давно знает и этот тип (ангелоподобный) среди прирожденных преступниц и проституток".

Другой, вернее, основной тип: физиономии с признаками ущербности, деградации, отклонения от нормы. Эти же качества отмечает сегодня Александр Зиновьев у нынешних их "преемников". И опора в "демосе" у них та же:

"Нынче встретил опять одного — толстомордого, коротконогого... Страшный тип!"

Пройдите сегодня по улицам любого города (хотя бы Белгорода) — и поразитесь: откуда их столько взялось — расплодилось, этих "страшных типов". Ведь "до чего в самом деле довели, сукины дети!"

Многие строки читаются как летопись.

"Поношение сокрушило сердце мое ..."

"Вероятно, еще можно было спастись. Разврат тогда охватил главным образом города. (Как у нас в 91-м. — *А.Ф.*). В деревне был еще некоторый разум, стыд..." Вот на этом хочется поставить многоточие и остановиться. Потому что есть вера в "разум и стыд" России (прежде всего провинции). Может быть, еще не поздно?

Книга Бунина жива. Она жива в нашем сегодняшнем восприятии ее. Она жива в публицистике Василия Белова и Валентина Распутина, Владимира Максимова и Александра Зиновьева, Юрия Власова и Владимира Исакова...

СЛОВО О ПОЭТЕ

О творчестве Владимира Михалева можно говорить много, хотя написал он в сравнении с иными белгородскими строчкогонами мало. Но даже одно четверостишие "Жаворонок", ставшее уже хрестоматийным, выводит его в первый ряд и первым в этом ряду поэтического воинства Белгородчины:

Гнездо вверх дном,
Птенцы запаханы!..
Вспорхнул и канул в небосвод,
Надрывно охает и ахает,
А люди думают —
Поет!

И неважно, что всего этого не может быть, ибо не пашут в птенцовую пору, хотя целину можно распахивать в любое время. Важно другое. То, что все детали стихотворения сошлись в одно: не в правдоподобие, о чем читатель и не подумает сразу, а в реалии: какой человек.

Жизнь Володи его сложилась и трагически, и радостно.

Родился он на Белгородчине, его отец, Василий Иванович Михалёв, прошёл две войны. В Отечественную был связистом фронта. Грамотный и вдалый на руку, мастеровой, он шил и первоклассные, из хрома, сапоги, и руководил колхозом — первым в этих местах. Володя ровесник этого колхоза — родился в 1928 году.

За невестой отец подался в знакомую по войне сторону — на Украину — добро она не за горами. Привёз оттуда синеокую Евдокию Логвиновну Гарагулю, а она с собой — и дивные украинские песни, и благозвучную, сонорную, с честностью гласных, "рідну мову". И вышло у него, как у Михаила Шолохова: мать — украинка, отец — русский.

По малолетству на фронт не попал, но война прошлась по нему не меньше, чем по испытавшим на себе тяжелое ранение воины. Однажды он прочел мне стихи, еще нигде не опубликованные и доверил мне предать их гласности:

Мне не пришлось служить в солдатах —
Такой уж, видите, затор. —
Я разобрал запал гранаты
И собираю до сих пор...

Несколько смутившись, вроде извиняется:

— "В солдатах" или "солдатом", тут доработать надо. И вторая строка служебная, надо посидеть...

Глаз висит на щеке, руки осушило, терпения нет. Меловые косточки на усеченных кончиках пальцев постепенно розовеют кровью... Лежал в госпитале наравне с фронтовиками, но его, пацана, жалели больше, чем тех, кого следовало пожалеть в первую очередь.

Можно сказать: Володя всю жизнь пропастушествовал. Но вернее будет, если мы скажем: всю жизнь, выхаживая за отарой, выхаживал стихи. Писал он о том, что постоянно окружало его. Отсюда главное направление его пера — природа родного края.

...Природа лаконична. Отсюда, видимо, стиль. Максимально, до ювелирной тонкости, оттачивается фраза. Укладисто ложатся строки. Прессуются в единый блок строфы, до пределов насыщенные мыслью. Работает Михалёв, как правило, небольшими по обьёму, немногословными, почти всегда афористичными, с глубоким подтекстом поэтическими миниатюрами, вынашивая-вышагивая в прямом смысле, за отарой, каждое слово... Самая большая поэма у него укладывается в двадцать строк.

Диапазон сельско-философской тематики на фоне деревенской жизни довольно широк, скупые акварели пейзажей образно выразительны и эмоционально насыщены. Он природно чувствует запах слова, его аромат. Пишет Михалёв прежде всего "о земле... о цветенье её", "о красе ненаглядной России" о родном крае, которым "навек приголублен". О том, как "отжимает поле полы, ручейки — стремглав", как "пробил снежок подснежник нежный" и уже "вишня крошит творог". Как "одуванчик — нынче мальчик, завтра — горюшко-старик", как "раздвигает картофель борозды" и "рожь шуршит пыльцою липкой, сладкой". Как "молоко цедит гречиха", а подсолнух "нахлобучил кепку" и "не продохнёшь волны медовой, когда подсолнухи цветут". О том, что "тенькает в подойник молочная нитка", "слышен стук топора, перезвон наковальни"...

И ничего, что "яркой молнии ломаный прочерк", что "поразгрохалась гроза", что "проломился июль на дожди", потому что "у природы особая речь": "схлынет ливень... говор грома и лепет ракит", "и на всех языках" загорится "многоцветная радуга", а за нею уже и "верх берёт урожайная радость".

И вот уже "листопадит осень у двора", а там и "снегу кланяюсь" — будущему "многому хлебу". Да, "неброская природа зимняя, снега — единственный убор". Зато "ни гроз, ни груза, ни забот... Земля, ты разогнула спину"...

За всю жизнь у него вышло несколько сборников стихов, два из которых — в престижных издательствах столицы. И какой же позор Белгородской писательской организации в прошлом, что к его 60-летнему юбилею выпустили всего-то ничтожный блокнотик форматом чуть больше сигаретного коробка! Какой позор нынешней писательской организации, вырывающей у налогоплательщиков миллионные средства, как на свою потребу, так и на фолианты для абсолютных литературных нулей!

Итоговой книги поэта так и нет. А в следующем году — семидесятилетие. И он, позабытый всеми, никому не нужный и безответный, сидит в своем заброшенном Терехове, не обивает пороги чиновничества, не протигавает руку благотворителям и ни на что не претендует... — жемчужина Белгородской поэзии!

Мне часто доводилось ездить с Володей по области с выступлениями перед читателями. По-житейски прост и доступен, он приятен в общении. Как сейчас слышу его приглушенный голос:

— Детей у меня семеро. Внуков десять.

И почему-то смутясь, тихо, почти шепотом на ухо, будто выдавая какую тайну, сообщил, весь сияя:

— Еще жду.

Чемодан за жизнь не оброс барахлом. Орденов тоже не нажил, одна завалящая медалюшка — и та не за стихи, а за скот. Орден к юбилею — расслабленье; безнаградье — мобильность. Что накопил — в кошелёк. Кошелёк его — дети и внуки.

— Хорошо, что после меня будет кому жить!

— Стихи читать, — добавляю.

— Может... — опустил глаза.

И всё же будем надеяться, что грядущее будет милостивее и добрее к нему, ибо, по сути, перед нами ещё не востребованный, как следует, уникальный народный талант, перед которым мы все в неоплатном долгу.

— И посох будет кому держать, — продолжаю разговор.

Морщины смахнуло с чела. Кивает головой: может...

— А, может, и стихи?..

Сдвинул плечами.

Спрашиваю: ну, что написал нового?

— Трудно пишется. Почти совсем не пишу.

— И всё же?

— Да вот никак не одолею "Ветеранов".

— Покажи.

Речитативом бубнит под нос, вышагивая еще никому не известные строки:

Великой войны ветеранов
Обидно сжимается круг.
Подлечивать давние раны
Врачи посылают на юг.

Как мало, как мало сынов воротилось
В победной моей стороне,
Душой не измятых тротилом,
Неломанных телом в огне.

Да будет надёжным подспорьем
И сил, и здоровья всего —
Побывка...

Так и не дотянул...

Владислав Шаповалов

РОДОСЛОВИЕ

ВИТАЛИЙ ЩЕРБАЧЕНКО

Виталий Иванович Щербаченко родился в 1929 году в слободе Вейделевка Воронежской губернии (ныне Белгородская область). Там же учился в десятилетке, затем поступил в Валуйскую дорожно-техническую школу МПС. Тридцать два года отдал службе в армии, окончив Иркутское военное авиационно-техническое училище. На его образовательном счету и Куйбышевский политехнический институт.

Много лет занимается краеведением. Печатался в журналах — "Истоки", "Русская провинция" (Воронеж), "Бахмутский часопыс" (Украина). Является составителем и автором книги "Белгородский численник" (1994-1996 гг.) . Автор книг: "На службе Отечества", "Лермонтов и белгородцы".

О РОДЕ ГУМИЛЕВА

Старооскольская ветвь

Выдающийся русский поэт Николай Степанович Гумилев родился в семье морского врача в Кронштадте 3(15) апреля 1886 года. В 1910 году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Первое стихотворение юного поэта появилось в печати в 1902 году. А через шесть лет вышла первая книга Гумилева "Путь конкистадоров", затем "Романтические цветы". Организовал общество, объединяющее поэтов-акмеистов и возглавил его. В 1907 предпринял путешествие в Италию, затем в Абиссинию. С началом мировой войны 1914-1918 пошел добровольцем на фронт. Служил в Русском Экспедиционном корпусе во Франции. В Россию возвратился после Октябрьской революции, в начале 1918 года. Летом 1921 года был арестован, обвинен в участии в контрреволюционом заговоре. Расстрелян 24 августа 1921 года.

Поэт Николай Гумилев известен и как литературный критик ("Критические письма о русской литературе"). Переводил на русский язык поэтов Франции — Г.Готье, Ф.Вийона, английских О.Уайльда, С.Кольриджа. Перевел вавилонский эпос "Гильгамеш". Участвовал в работе редакции "Всемирная литература", организованной М.Горьким. Был женат дважды.

Первым браком на Анне Андреевне Горенко (литературный псевдоним Ахматова) имел от нее сына. Во втором браке с Анной Энгельгардт тоже были дети.

Имя поэта Николая Гумилева многие десятилетия было в нашей стране под запретом. Его жена Анна Ахматова и сын подвергались репрессиям. И только после снятия абсурдного обвинения с поэта и последующей реабилитации исследователи начали заниматься родословной поэта. В 1991 году вышла из печати книга "Жизнь Николая Гумилева". В ней впервые опубликована родословная Н.С.Гумилева по мужской линии Гумилевых (Пановых). Из нее следует, что предки отца происходили из священнослужителей. Дед и прадед поэта — дьячки, отец бабушки — священник. Сам Николай Гумилев только во втором поколении — дворянин. Из гумилевской родословной мы узнаем, что поэт был в родне с известной русской героиней Французского Сопротивления Кузьминой-Караваевой — матерью Марией, погибшей в печах гитлеровского концлагеря.

Исследователи жизни поэта почти не касались его родословия по линии матери — Анны Ивановны Львовой (1854-1942), вероятно, из-за отсутствия каких-либо документов и материалов. Для нас представляет особый интерес то, что прадед Николая Гумилева по материнской линии Яков Алексеевич Викторов — из села Викторовки Старооскольского уезда. О нем осталось немного сведений.

Поручик Викторов был тяжело ранен в Аустерлицком сражении. Его денщик Павлюк вынес поручика с поля сражения и привез домой в имение Викторовка. Здесь в селе и прожили они долгий свой век. В Старый Оскол отставной поручик Яков Викторов ездил за получением пенсии и для покупки продуктов. Последнее на первый взгляд весьма странно. Иметь имение и ездить за продуктами в город?

После долгих поисков установлено, что в Викторовке, расположенной в 40 верстах от Старого Оскола в Кладовой волости (позже Юшковской) к концу XIX века жили 26 мужчин и 26 женщин. А ранее и того меньше. Сколько Викторов имел десятин земли — нам неизвестно.

Родословная дворян Викторовых в архивах не сохранилась. Возможно, следует поискать Формуляр поручика Якова Алексеевича Викторова в фондах Военно-исторического архива.

Из "Энциклопедического словаря" Брокгауза и Ефрона мы узнаем, что "Викторовы — старинный русский дворянский род, происходящий от Михаила Онуфриевича Викторова, испомещенного в 1615 г. в Рыльском уезде. Потомство от правнука Ивана Тимофеевича Викторова записано в VI ч. родословной книги Курской губернии. В первом томе Танкова "История Курского дворянства" опубликована писцовая книга Рыльской десятни за 1632 год. В ней мы находим не только родоначальника Михаила Онуфриевича Викторова (Михайло Онофреев сын Викторов). В стане Омонском, "в поместьях" мы находим еще двух Викторовых: "Михаило Ондреев сын Викторов (стр.114) и Захар Козмин сын Викторов". Можно предположить. что все они двоюродные братья, отцами их были Андрей, Онуфрий и Захар. Дальнейшее их потомство можно вывести, если найдутся писцовые книги Белгородского разряда в архиве древних актов в г.Москве.

Таким образом, нам стало известно, что родоначальник Викторовых Михаил Андреевич и его родственники находились в Рыльском уезде до 1632 года. Предположение, что второй Михаил и Захар — однофамильцы, едва ли выдерживает критики. Фамилия Викторовы — редчайшая в русском дворянстве. И, вполне возможно, иностранного происхождения.

Если отталкиваться от того, что праправнук Михаила Онуфриевича как раз и был предъявителем своей родословной в губернское дворянское собрание, то реконструированная роспись дворянского рода Викторовых в настоящее время будет выглядеть следующим образом:

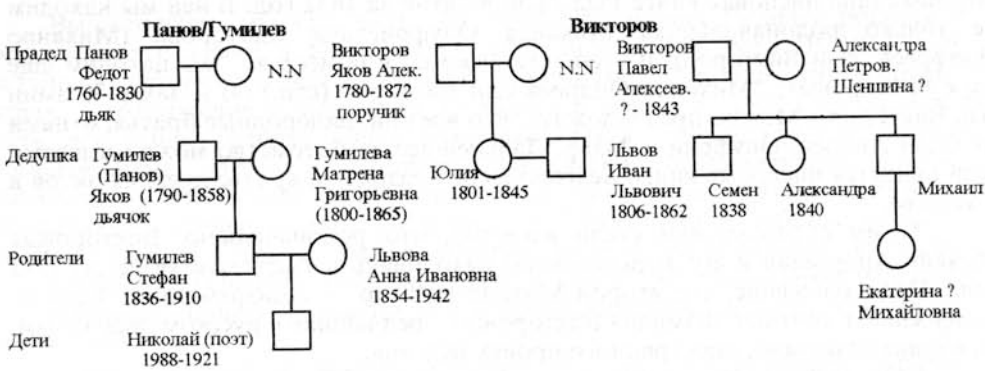
1. *Онуфрий Викторов отец* — *родоначальник Курских Викторовых.*
2. *Михаил Онуфриевич* — *родоначальник (до 1815—после 1832).*
3. *N Михайлович* — *сын.*
4. *N N* — *внук.*
5. *Тимофей N* — *правнук.*
6. *Иван Тимофеевич* — *праправнук*
7. *Алексей Иванович (?)* — *прапрадед Н.С.Гумилева.*
8. *Яков Алексеевич (1780-1872)* — *прадед.*
9. *Юлия Яковлевна ( )* — *бабушка.*

В результате предпринятого поиска в госархиве Белгородской области было установлено: у прадеда поэта Якова Алексеевича Викторова, оказывается, был брат Павел (годы жизни неизвестны). Тоже служил в полку и уволен поручиком. Отставной поручик пошел в статскую службу городничим города Старого Оскола. Служил с 1834 по 1842 год. Его сменил отставной поручик В.Е.Юдин. Был женат на Александре Петровне. Фамилия жены неизвестна. Но если учесть, что крестным ее сына был Петр Шеншин, вероятно, ее отец, то можно предположить, что она урожденная Шеншина.

Из сохранившихся метрических книг Соборной Рождества-Богоявленской церкви города Старого Оскола (ГАГО, фонд 139) установлено, что у старооскольского городничего П.А.Викторова было два сына и одна дочь. Первенец Семен родился 21 февраля 1838 года (по ст. ст.) Через два года, 2 апреля 1840 г., родилась Александра. Год рождения сына Михаила неизвестен, так как родство его установлено по другим материалам архива. Судьба Семена и Александры нам неизвестна. Коллежский регистратор Михаил Павлович Викторов служил в старооскольской дворянской опеке (в 1890 г.)

В ходе исследования обнаружен еще один потомок прадеда Якова: в 1909 г. с 1 сентября в пригородной слободе Казацкой стала работать учительницей Е.М.(Екатерина?) Михайловна Викторова, окончившая женскую гимназию в Старом Осколе. В других источниках выявлены: некий Федот Алексеевич Викторов, полковник живший в Санкт-Петербурге. Но являлся ли он родственником старооскольским Викторовым — неизвестно.

Что касается "рыльской ветви" Викторовых, то это тема другого исследования. В конце прошлого века один из Викторовых был уездным предводителем дворянства одного из уездов Курской губернии. Поиск продолжается. Таким образом, первый опыт реконструкции родословной по матери (старооскольская ветвь) Николая Степановича Гумилева будет выглядеть так:

ВИКТОР БУДАКОВ
преподаватель Центра духовного возрождения Черноземья
Воронеж

ПРОВИНЦИЯ, ЗЕМЛЯ МОЯ РОДНАЯ

В последнее время часто звучит это слово — возрождение. Возрождение России, ее культуры и исторического чувства, родного края, семейного уклада. Слово, как бывает со многими хорошими словами, от каждодневного и разнотолкуемого употребления какую-то часть своего изначального, созидательного смысла постепенно утрачивает, но вопрос остается.

Не менее часто, и не пренебрежительно, как прежде, а весомо, в корневом срезе сходит с уст многих еще одно слово. Провинция. Наследница той губернской, уездной, деревенской Руси, о певучей раздольности, силе и самобытности которой, но и о забытой богом глухоманности, бедности и слабости которой теперь знать можем разве что из отечественной классики — тургеневских, лесковских, бунинских страниц.

Шесть областных городов, да полсотни былых уездных, да надречные или суходольные цепочки и россыпи деревенских изб или хат — средне-русская провинция, Черноземный край. Что ныне объединяет и роднит нас, живущих в Орле и Воронеже, Курске и Белгороде, Липецке и Тамбове — в Черноземье? Разумеется — само поле. Здесь наша история, наша память, наша общая судьба. Разделительные знаки меж областями по счастью, не разделяют наше историческое, духовное, культурное наследие на обособленные и замкнутые уделы. Поле — единое! Белгородская область — из бывших уездов Воронежской и Курской губерний; Липецкая — из уездов орловских, воронежских, тамбовских. Административное деление не более, чем административное деление. Подобно тому, как Дон, беря свой исток в подмосковной Тульской области, перетекает в Липецкую и не обрывается на границе с Воронежской, но мерно течет дальше на юг, так и река исторической памяти и культуры не обрывается на том или ином межтерриториальном разделительном знаке, но перетекает из области в область, от одной человеческой души к другой.

Белгородская сторожевая черта на восемьсот километров протянулась по черноземным просторам, от курских до тамбовских; воронежские корабли готовились, ладились мужиками со всего края; петровское это предприятие сдвинуло с места чуть не пол-России. А Курская дуга? Ее концы вонзались в земли орловские, белгородские, ее ближний тыл — земля воронежская, в победе же на ее полях — воля всей страны.

Нам не дает забыться драма братоубийственной гражданской войны, драма тамбовских, воронежских крестьян, которых продразверстка вынудила взяться за оружие, сесть на коня и дать силу антоновскому и колесниковскому восстаниям. Нас роднит и пережитое на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. А еще — нас овевают такие разные, но похожие по духу и напевности песни с Хопра и Воронежа, Сейма и Цны, да исполненные добра и справедливости народные сказки, которые выдающийся истолкователь

славянского фольклора собрал в губерниях Курской, Воронежской, Тамбовской...

Большие земляческие имена также дают чувство породненной общности. Бунинский литературно-мемориальный заповедник (он будет!) может стать одновременно и этнографическим заповедником, типологически воссоздающим уклад мелкопоместного дворянства и крестьян среднерусской полосы. Бунин — уроженец Воронежа, но разве исчерпывается Воронежем бунинский мемориал? Детство и ранняя юность автора "Деревни" и "Суходола" взлелеяны нынешним липецким подстепьем, и оно нашло зримое отображение в его художественном слове. А Орел? "Орловский вестник", ранняя литературная страница, первая любовь. Иными словами, какой бы черноземный областной город не вознамерился вдруг "обратить" писателя в сугубо своего, он принадлежит всему Черноземному краю, не говоря уже — всей России, всему читающему миру. И только ли Бунин? Лебедянский Замятин учился в Воронеже. Воронежский Платонов работал в Тамбове. И много их, таких, по углам не разводимых, всероссийских имен, требующих и соответственно широкого взгляда, и щедрой памяти.

Не одна лишь Юго-Восточная железная дорога, устремясь во все стороны Черноземного края, соединяет нас. Но и "Степная дорога ночью, Степная дорога днем"... Дорога духовности и культуры, на которой наши великие земляки зажгли высокие свечи. С нами Дон, в который впадают родники и притоки со всего края, — река не только географически, но и исторически протяженная. Река духовная.

На чем же стоит ныне, в конце тяжелейшего для нашей родины века, безжалостного от первых его десятилетий и завершающегося безладьем, кровью, ложью, равнодушием верхов к народным судьбам? На бетонных, на ржавью взятых железных пустырях мало что рождается, а именно подобные пустыри густо являет действительность. Плотины ГЭС и водохранилищ — как шлагбаумы, как тромбы на пути живого тока рек. Задохнувшиеся родники, распаханные поймы, истощенные черноземы. Брошенные погибшие деревни. Разбросанные камни. Пересохшие русла. В "окаянные дни" переломов, смут и порух раньше родников и речек иссыхают души. Наши руки разучились делать то, что умели делать руки прадедов. Плодоносный слой традиций безжалостно уничтожен, провинциальная культура (когда-то несомненная реальность!) выродилась в нечто типовое и маргинальное.

И все же — тонкий "гумус", почвенный гумус народной, вещественно зримой культуры кое-где островками уцелел, удержался, появляются новые зеленые ростки. Разумеется, нам сегодня не увидеть всего того, что век назад можно было найти на Коренной, Лебедянской и иных ярмарках края и на общерусском рынке. Промысел бондарный, кузнечный, портняжный, валяльный, вышивальный, ковроткаческий, гончарный, меловой, даже иконописный, — всего, что изготавливалось в крае, враз не перечислить. Но не все быльем поросло. Елецкие кружева, романовская игрушка, рамонская керамика, елань-коленовские ковры, народные костюмы, вышивки, поделки из дерева, лозы и коры — все это на потревоженных, полуиссеченных корнях удержалось, пережив годины упадка и даже преследований. Хоперские, козьего пуха платки мастерицы вязали не то что без командной подсказки, но вопреки ей. А народные песни, танец, сказка? Сказка, веками складывавшаяся в Черноземном крае, вошедшая в знаменитый афанасьевский свод, отозвалась в творчестве воронежских сказительниц Барышниковой и Корольковой, а песни, распевавшиеся на просторах уездной Руси и записанные Пятницким, дают тон современным народным хорам. Когда-то, в пору студенческой молодости, в придонских слободах и селах мне без особых труда и поиска удалось собрать больше полусотни местных — русских, украинских, казачьих — песен. Старушки напевали их. Ни старушек, ни песен? И все же что-то да сохранилось, и ансамбль "Калитвянка" поет чистые песни наших прадедов и прабабушек. При

режимах, враждебных духу национальной культуры, народную песню можно на время заглушить, но вовсе убить ее нельзя, разве когда вовсе убивается жизнь.

Что б там ни было, песня звучит, сказка сказывается. Набирают голос фольклорные ансамбли. Развивается историко-краеведческая мысль. Выходят книги со страницами родинознания. Возвращаются в жизнь забытые или уничтоженные названия. Воссоздаются культурные гнезда. Конечно, все это пока — лишь робкие отсветы утраченного, маленькие ручейки...

Ручейки или сливаются и впадают в реки, или пересыхают. Любая культура — национально самобытна, у нее есть территориальный и национально-этнографический адрес, ее рождают и питают малые родины. Но вместе с тем культура не может существовать без живого диалога. Существование отдельных оазисов культуры без информационных русел и обогащающей связи с другими оазисами таит опасность исчезновения подобных оазисов или одинокого усыхания их. Ведь тем же елецким кружевам надобно было появиться на всемирной выставке, быть отмеченными среди лучших, чтобы о них заговорили широко и отвели от них эпитет местничества. Тем более необходимы диалоги, встречи, породненное бытование областных, провинциальных ветвей культуры.

Известный опыт здесь есть. В Воронеже на протяжении десяти лет издавалась литературная серия "Отчий дом" — тридцатитомник избранных произведений писателей, жизнью и творчеством породненных с Центрально-Черноземным краем. Могучее поле нашей классики возделано не одними лишь исполинами, поэтому мы посчитали необходимым и справедливым представить под крышей серийной библиотеки не только Боратынского, но и малознаемого ныне Марина; Лескова, но и менее читаемого Слепцова; Платонова, но и Забытого. Казалось бы — провинциальный замысел. Но опальный Замятин, после вынужденного отъезда за границу впервые в стране, и не за месяц до перестроечных "верховных" разрешений, был издан именно в этой серии. Некоторые новые тексты из знаменитого теперь пришвинского дневника также впервые были напечатаны в воронежском издании. Серия получила широкое общественное признание, во многих городах страны позже стали издаваться подобные, в них мощный массив "провинциальной" — мирового уровня — литературы.

В стране, где безладье, подмены, антикультура стали реальностью жизни, культуре, может быть, неуютней всего. Тем более, что сегодняшний драматизм ее положения усугубляется и сопутствующими наростами, ранее небывалыми или не проявлявшимися столь стыдно. Образованщина и власть, поток американизированной масс-культуры, рекламный диктат, суррогатный пласт, стилизация...

Истинная культура и духовность — не справа и не слева, она не проходит по ведомству ни радикальных прогрессистов, ни консервативных традиционалистов, хотя в ней все есть: и традиция, и авангард, и верность старому, и поиск нового. Культура не в пример политике всегда моральна, и если она все же используется политикой, долг ее — не размахивать митинговыми флагами; долг ее — научить видеть человека и на другой, в злобе дня враждебной, стороне, понять инакомыслящего "Что считаешь райским садом, я назову кромешным адом"... Долг культуры — выявить и запечатлеть истинные лики нас окружающего мира и назвать все по истине и милосердной справедливости.

И уклад народной жизни, и культура создаются, по счастью, не на верхнем, властном этаже; не указами и разгонами можно убыстрить или остановить ее ход. На огромных пространствах культура творит самое себя...

Есть и в городе, и в деревне люди, которые хотят, чтобы на родине жизнь стала духовно лучше и чище. По крупицам собирают они разрушенное, утраченное, по кирпичику восстанавливают дом, по деревцу воссоздают сад. Когда-то у русской интеллигенции — уездных, сельских врачей, учителей, земских подвижников — в чести было скромное, каждодневное, беззаветное

служение. Теория малых дел? Да, малые, но живые дела, помнят о них и поныне. Революционный режим, ориентированный на гигантское и универсальное, пренебрежительно отвернулся от малых дел и загородил реки и жизнь гигантскими плотинами и запрудами. Что из этого получилось, — видим. Говорим об экологии родной земли и экологии человеческой души, но чего стоят речи, если Родина затоплена и затянута илом водохранилищ — рукотворных "морей", а на дне их — не только сенокосы и сады, но... кладбища наших предков. Они — молчаливо кричат!

Все, сколько их ни есть, Братские ГЭС не стоят одного расчищенного родника. Но какие же неизмеримые народные силы ушли в котлованы и плотины этих ГЭС, если б малую часть их — да на действительно разумное устройство нашей жизни!

Измученное, изувеченное поле нашей духовности и культуры ждет участливых человеческих душ и рук, малых и больших дел, взращивания несорного корня, неядовитого посева. Дело-то на земле есть каждому, и, помимо главного, прочистить родник, убрать хлам от калитки и может, и обязан каждый. Разумеется, немало значит, с каким настроением делать любое дело. Легенда о строителях Шартрского собора никогда не потеряет своего живого смысла. Один строитель на вопрос, чем он занимается, ответил, что он невесть зачем таскает камни, другой заявил, что он подносит камни для какой-то стройки, а третий гордо сказал: "Я строю Шартрский собор!". Наш собор разрушен, чтобы построить его заново, надо хорошо понимать, что мы хотим строить.

* * *

Центр духовного возрождения Черноземного края — в ряду тех, кто видит смысл своей деятельности в возрождении и созидании духовной, культурной среды всего края. Восстановить забытые или искусственно погашенные духовные ценности, разумные традиции, самобытные начала, дать "вторую жизнь" нашему культурно-духовному наследию, во многом искаженному или вовсе уничтоженному, — не менее важно, чем утвердиться экономически. Не сможем мы достойно двигаться дальше, предоставив человека, особенно молодого, лишь рынку, масскультуре, сиюминутному. Личность, да и общество, могут развиваться прежде всего на духовно-культурных началах — на естественном сочетании лучшего в опыте наших предков и лучшего в опыте мировой цивилизации.

Какие же краевые направления, программы, пласты разрабатывает, разработал и осуществляет Центр?

"Народная память" — современное прочтение и осмысление былых устоев, обычаев, преданий, нравственно-здоровых начал в старинном укладе; забота о культурно-исторических гнездах, усадьбах, парках, родниках, малых реках, кладбищах, старинных трактах; поддержка промыслов и ремесел на территории края, традиций народных умельцев.

"Славянский мир" — обращение к истории и нынешнему бытованию Дома русских, украинцев, белоруссов, их культуры, языка восточного славянства; ознакомление с жизнью и творчеством выдающихся уроженцев края, — какие имена: историки Болховитинов, Калайдович, Костомаров, философ Станкевич, актер Щепкин, фольклорист Афанасьев, художник Крамской, писатели Лесков, Марко Вовчок, Бунин! — все они сердечно крепили "град" духовной общности восточного славянства; создание этнографического музея и славянского лицея, в которых были бы представлены русская изба, украинская хата, казачий курень, и где бы преподавались полноправно и полноценно курсы культуры и истории славян — засельников Черноземного края — русских, украинцев, также и казаков, в судьбах которых русские и украинцы корни переплелись неразрываемо.

"Диалог поколений" — встречи с известными отечественными фамилиями. В прошлых веках их представители воздвигли на черноземной родине

замечательные усадьбы, проложили дороги, щедро жертвовали немалые ценности на строительство храмов, земских больниц и школ. Двадцатый век многих разметал по странам и континентам, но лишенные Родины они жили и живут мыслями о Родине. Примиренно осмыслить нашу общую трагедию разрыва и соединиться в надежде на возрождение Отчизны — общественно значимый смысл "Диалога поколений"; разумеется, участники диалога — не только зарубежные соотечественники.

В "Золотом кольце Черноземья" — разработка и осуществление историко-культурной программы туристских, краеведческих дорог, уводящих к большим событиям былого, к большим именам, к геологическим, природным, историческим, культурным памятникам, к православным святыням Черноземного края.

Наконец, условно обозначаемый пласт — "Я-семья-Вселенная". Ребенок, подросток, взрослый — в семье, на улице, в церкви, в отечестве и мире. Как образовывают личность, и как она самообразовывается? Как ориентируется в мнимом и подлинном, как в мире, "где от добра неотделимо зло", выбирает добро? Здесь же — человек на дорогах культуры и искусства. Творческий опыт молодых — в слове, картине, звуке.

Всем этим пластам и направлениям сопутствуют издательские дела. Центр подготовил пятнадцатитомную "Библиотечку школьника", треть уже выпустил; более двух тысяч книг в порядке благотворительности передал библиотекам и школам, для детей-сирот и больных. Издан подарочный альбом "Воронеж". А на ближайшей очереди "Духовная библиотека". Это свод христианских сочинений, молитв, поучений, трудов православных подвижников и религиозных мыслителей, для которых Черноземный край — родина или страна служения; трудно и здесь не перечислить хотя бы немногие имена: Тихон Задонский, Серафим Саровский, Феофан Затворник, старец Амвросий, или же религиозные философы Хомяков, Данилевский, Булгаков... Готовится книга-путешествие "Край Черноземный", еще — "Молодые голоса серединной России".

Не за горами и издание об отечественном коневодстве, своего рода песнь о коне. Тут впору спросить: зачем — о коне, ежели страна их на три четверти извела, и сплошь и рядом бывает так, что и в деревне коня днем с огнем не сыщешь? Да, но конь — часть человеческой судьбы, его истории и культуры, и человек, теряя его, теряет и себя. Медленно конь, как и многое иное — полуутраченное, полуотверженное, полузабытое — возвращается в нашу жизнь.

Издание книги, если только она не многостраничный эрзац, — дело благое, но тяжкое и, сказать по правде, приходится сводить концы с концами; впрочем, кому сейчас не тяжко, кроме разве тихо и шумно на разных уровнях мародерствующих?

Центр духовного возрождения края во взаимопонимании взаимодействует с учредителями — ассоциацией "Черноземье", Воронежской епархией, Новолипецким металлургическим комбинатом, а также с железной дорогой, творческими союзами, музеями, библиотеками. Все понимаем: как ни трудно, а нашего никто за нас не сделает.

Любая река начинается малым ручейком. Больших дел без малых не бывает. На фоне очередной отечественной смуты ясно видим, что возрождение России может начаться, да в чем-то и началось, с малых ручейков в провинциях, где худо-бедно сохранились и традиционные ценности, и совестливое отношение к жизни.

Россия воспрянет, когда воссияют сорок, или сколько их, губернских, провинциальных городов, как сказал наш знаменитый современник, много и глубоко размышляющий о путях и судьбе России; когда вновь разовьется земская жизнь, вернутся порушенные храмы, воссоздадутся усадьбы и парки, возродятся наши промыслы, возвратятся песни. И новая жизнь позовет старую, в ее лучших проявлениях.

ИВАН ВЕРЕТЕННИКОВ

Иван Иванович Веретенников родился в 1944 году в селе Афанасьевке Алексеевского района. Окончил Московский государственный институт культуры по специальности хоровое дирижирование. Руководил хоровыми коллективами. Печатался в журналах "Советская музыка", "Клуб и самодеятельность", "Музыкальная жизнь", "Встреча", в центральных и областных газетах. Побывал на гастролях в Германии, Венгрии, Болгарии, Алжире. Песни И.И.Веретенникова выходили в московских издательствах, они входят в репертуар известных коллективов России, Украины, Белоруссии, исполнялись в Японии и Норвегии. Он лауреат Всемирного фестиваля молодежи, лауреат четырех Всероссийских конкурсов патриотической песни, автор четырех книг, заслуженный работник культуры РСФСР.

КУЛЬТУРА — НЕ ТОВАР

Духовность или художественая проституция

Среди множества определений культуры, понятий и взглядов на нее есть понятие экологии общества, его духовной сферы. Здесь имеются в виду духовные ценности и традиции, которые были уже проверены веками и благодаря которым общество спасало себя от разложения. Это как чистый воздух, вода, земля, которые имеют допустимые пределы концентрации вредных веществ. Переход за эти пределы приводит общество к гибели.

Тысячелетиями народ понимал культуру как поступки людей в отношениях друг к другу, к природе и к самому себе.

Культурность проявлялась, концентрировалась в поступках, в творчестве человека. Согласно здравого смысла вроде не возникает и сомнения в правильности такого понимания. За тысячелетия по крупицам были выработаны механизмы и традиции, регулирующие жизнь людей во взаимодействии с природой и друг с другом. Так, например, вся жизнь русского крестьянина была расписана по календарю. Из поколения в поколение передавались традиции труда и отдыха, формы их проведения и язык праздников и обрядов.

Параллельно с таким традиционно-экологическим типом культуры существовал, в большей мере в Западной Европе, товарно-потребительский тип культуры. Признаком культурности здесь принято считать посещение театров,

музеев, чтение, просмотр фильмов и т.д., то есть потребление информации. По объему накопленной информации и судят о культурности человека. Заметим, не по поступкам этого информированного человека, а по тому, как он умеет красиво говорить, сообщать, продавать информацию, культуру.

На основе товарно-потребительской философии такой тип культуры превратился в самостоятельную отрасль, продающую людям духовную продукцию. Отсюда возникло мнение, что культурным можно стать только при наличии денег. И чем больше денег, тем больше и культуры.

Но факты жизни говорят чаще об обратном. Культура не зависит напрямую от образования. Нередко самые "образованные" люди совершают самые бескультурные поступки и даже преступления. Наш народ за последние годы достаточно убедился в этом.

Дальнейшее утверждение товарно-потребительского типа у нас в стране произошло в 60-е годы, когда было организовано Министерство культуры, призванное обслуживать трудящихся культурой. Раз есть Министерство, то как грибы начали расти сотни специальных учебных заведений, театры, филармонии, Дворцы и Дома культуры, платные хоры, оркестры и т.д. Соответственно вырос и аппарат управленцев культурой. Теперь это уже огромная машина. В России, как известно, всего этого никогда не было, однако народ пел и плясал, проводил праздники, где был активным участником, а не пассивным зрителем.

Огромные средства изымаются сейчас у народа для облуживания его культурой. Но все напрасно. Преступность, наркомания, СПИД и другие проявления бездуховности, бескультурья растут по мере увеличения средств на потребительские, обслуживающие формы.

Народ в этом случае является объектом манипуляции для торговцев культурой, не имеющих ничего общего с традициями этого народа. Он не является участником процесса созидания культуры, а лишь покупателем "наслаждений". Более ста лет назад В.Г.Белинский подметил: "Как только искусство теряет связь с подлинными интересами народа, оно превращается в предмет наслаждения, становится игрушкой в руках праздных ленивцев, что в конечном счете убивает само искусство" По сути, это художественная проституция, но не культура.

Обратим внимание на некоторые принципы русской традиционно-экологической культуры. Например, принцип органичной связи образования с повседневной жизнью, бытом человека. Но что же мы имеем в настоящее время.

Изучая в школе биологию, ребенок не получает знаний, как вырастить дерево и ухаживать за землей на своем огороде. Изучая химию, не получает знаний об экологии природы. Изучая родной язык, литературу не умеет написать письма в газету, сочинить частушку, общаться. На уроках географии, истории учащийся не получает знаний о своем крае, городе, селе. Не формируется как гражданин. И так со всеми дисциплинами. Родные песни и танцы местной традиции никогда не изучались в школе. Но если школа не поет и не танцует, то значит этого не будет делать и народ. У детей фактически отнимается язык самовыражения, творчества в повседневной жизни. Кружковая внеклассная деятельность вне поля зрения управленческих структур. Ребенок оценивается только по знанию программного материала, мало применимого в жизни. Значит, общество с детского возраста уже формирует условия для криминальной среды. И дело, конечно, не в материальной базе, на что любят ссылаться чиновники. Проблема заключена в нормативной политике.

Так, например, уже тридцать лет насаждается система Д.Кабалевского, по которой дети на уроках музыки учатся не создавать музыку, а слушать, потреблять. Для пения остается всего лишь 5-10 минут в неделю. Разве это не издевательство над человеческой природой? Жизнь показала, во что выливается потребность в самовыражении у молодежи в условиях фактического духовного геноцида средствами массовой информации.

Ну, а какую песню народ может спеть в бытовой ситуации из той коммерческой продукции, которой забита вся звуковая среда?

Впрочем, это свойство человеческой природы выражать себя в звуках, пластике движений настолько заглушено, что находит проявление лишь только в случаях принятия изрядной дозы спиртного. Но, поскольку люди не научены навыкам пения и танца, то мы слышим вместо пения просто беспорядочный крик, а вместо танца кривляние. А ведь не было такого в русской народной культуре вплоть до 40-50-х годов. Так, исследуя традиционную народную свадьбу, нельзя не заметить ее наполненность всевозможным ритуалами, церемониями, массой песен. Во всем этом активно участвуют все, кто пришел на свадьбу. Это и есть экологическая форма жизни. И здесь уже условия для разложения личности отсутствуют.

Но за счет чего же достигалось участие всех в созидании культуры? Прежде всего за счет владения национальным языком самовыражения во всех формах его проявления, будь то песня, танец, обряд, общение, игра или даже кулачные бои. Возможность говорить на родном языке культуры была у каждого, так как в бытовой ситуации нет деления людей на артистов и пассивных зрителей, на начальника и подчиненных.

Стоит обратить внимание еще на один принцип. Принцип накапливания духовных ценностей. Это уважение опыта предков и максимальное использование его. Общество таким образом развивалось по принципу накапливания. Новое, возникало на основе развития старого и привнесения в него заимствованных элементов других культур, но ни в коей мере не отбрасывало старое. Современным являлось то, что помогало обществу жить без потрясений.

Можно было бы еще долго характеризовать и другие принципы традиционно-экологической культуры, но не менее важно выяснить, почему эти принципы, а точнее сказать национальный язык культуры оказались ненужными, забытыми.

Заглянем немного в историю. Нам известен указ императрицы Екатерины II, который, наконец, разрешал русскому народу плясать свои карагоды, "ибо пляшущий дурного не замышляет". До этого указа, да и после него народные песни, пляски, обряды, игрища, скоморохи церковью осуждались. В донесениях царю говорилось, что "церкви стоят пусты, а люди на лугах свои бесовские игрища справляют". Требовалось запрета на эти бесовские игрища — хороводы, а также скоморошничества.

В царствование Петра I, по свидетельству историка Н.Костомарова, даже за ношение русской национальной одежды могли сослать в Сибирь. "И велено было устраивать ассамблеи, на которых танцевать только заморские танцы". В последующие столетия не без помощи монархов и их окружения преклонение перед Западом настолько возросло, что любой элемент культуры русского народа вызывал в высших слоях по меньшей мере насмешку или осуждение. Не случайно автор Толкового словаря Вл.Даль, датчанин по национальности, более ста лет назад писал: "Нигде, ни в одной стране мира интеллигенция не является таким ревнителем чужого и таким гонителем своего русского, как у нас в России".

В дневниках Ф.М.Достоевского а также в воспоминаниях друга А.С.Пушкина П.В.Анненкова мы находим следующие мысли: "Чтобы стать поэтом русским Пушкин принужден был исправлять недостатки своего первоначального французского воспитания и обучаться духу народному у своей няни Арины Радионовны".

Пропитанная духом Запада интеллигенция, в основной своей массе, не могла не привести страну к тому, что мы имеем на сей день: полное забвение и отрицание всего русского и подмена его вульгарными, псевдонародными суррогатами на американский манер. Но если ни интеллигенция, ни трудящиеся не поют песен на родном музыкальном языке, не танцуют танцев на родном пластическом языке, не знают русских обычаев и обрядов, то может ли этот

народ считать себя русским? И что же тогда в нем русского?.. Надо признать, что теперешний этап в истории развития русского этноса самый болезненный из всех, ведь никогда не были так размыты объединяющие его в единый организм традиции. Последние 70 лет его пытались превратить в советский народ, лишая самобытного лица. Теперь же проамериканские правители выводят новый безликий этнос "общечеловеков", овладев телевидением и радио.

Но соответствуют ли законам природы такие действия? Экологами заносятся в Красную книгу различные растения, виды животных и насекомых с той целью, чтобы сохранить и восстановить в природе экологическое равновесие.

Но что-то не видно научных работ демократических ученых по поводу исчезновения русского этноса. Что ждет и что уже получает человечество от этого? Известно, что природа за все победы над ней жестоко мстит людям. Механизм ответственности у нее работает и работал всегда четко. Наказание получали и те, кто формировал политику и нормы жизни, и те, кто позволял превращать себя в безликое стадо. История человечества полна таких примеров.

Немало сторонников у той идеи, что в мире всегда была борьба культур. И в этой борьбе должна выживать сильная культура. У меня большое сомнение в том, что могут вести борьбу культуры, тем более национальные. Участвуя в различных международных фестивалях фольклора со своим коллективом, замечаешь какой искренний интерес у самодеятельных участников к национальным традициям других народов. Какое уважение проявляют все коллективы друг к другу и невольно думаешь: нет, борьбу ведет бескультурье с культурой.

Разве можно назвать культурой какого-либо народа агрессию антикультуры с телеэкранов? Ведь воры, убийцы, проститутки стали духовными наставниками русского народа. Разве это телевидение можно назвать русским? Какой же национальности соответствует это телевидение? Думаю, что национальности бандитов. Ведь изымая из кармана народа деньги на себя, оно же и уничтожает этот народ, разлагая его устои, традиции.

Главной целью у телевидения является формирование потребительской психологии. Не разумных человеческих потребностей в создании среды обитания, а превращение народа в управлемое быдло, которым можно манипулировать при помощи художественных проституток, продающих свою "продукцию". Еще в 60-е годы разве мог наш народ восторгаться прокуренными, пропитыми, хриплыми голосами певиц? Сейчас это стало модой. Стало модой покупать песни, танцы, нежели самим петь и танцевать.

Кому же не выгодно и не нужно воспитание в русском человеке творца, созидателя культуры? Ответить на этот вопрос односложно нельзя, так как воедино объединилось множество антирусских течений. Однако наибольший вред стране и народу наносит политическое течение западников. Внутри страны они играют роль пятой колонны, т.е. внутреннего врага. За несколько веков они создали в России разветвленную сеть учебных заведений, где студентам расписываются прелести западной цивилизации. Сюда входят практически все учебные заведения искусства и культуры, где русское народное творчество не изучается, а если что-то и изучается, то в карикатурном, упрощенном виде, как примитив, не заслуживающий внимания. Здесь любят говорить о классике, забывая, что **классикой является традиционная народная культура**. Если мы присмотримся к той классике, которая изучается, то не сможем не заметить в ней западного стиля и языка во всем. Русское здесь признается лишь в том случае, когда оно прошло обработку на западный манер. Так было еще в 18-м веке, когда к русским народным песням подставлялись западные гармонии. Русская народная пластика по-прежнему загоняется в прокрустово ложе французского балета. Имея неограниченное влияние на власть, эта лжекультура довела воспроизводство себя до абсурда. Вообще, вопрос взаимодействия западной потребительской культуры с властью очень обширный и интересный. Отметим лишь один момент в нем. Как западный потребительский тип

управления обществом, так и вульгарно-социалистический были сходны в одном. Народ здесь стадо и управляют им на основе старого принципа "хлеба и зрелищ". Однако тип традиционно-экологического общества все же лучше отражен в мыслях Ленина: "Социализм не строится по бумажкам сверху. Живой, творческий, он есть создание самих трудящихся".

К чему приводит неучастие народа в культурной политике. Так, например, в одной нашей области при наличии всего нескольких академических хоров и оркестров, готовят сотни дирижеров. За десятилетия их подготовлены тысячи, а народ не поет и не играет. Подобно им ежегодно в стране выпускаются тысячи концертных исполнителей, которые, в свою очередь, начинают готовить других, естественно за народный счет. Да, они проводят конкурсы, концерты, на которые только сами и приходят. Народ же, кормящий их, в стороне. Весь этот паразитизм прикрыт лозунгами о возрождении культуры, классики. Внутренний враг находит крепкую опору у некомпетентного чиновничества. Известно ведь — нет большего врага, чем дурак.

Проявления народной инициативы глушатся, так как не соответсвуют так называемой "классике". Так, в 70-80-е годы молодежь тянулась к пению под гитару, но не была поддержана. Процесс пошел по коммерческому пути. Ее заставили покупать западные рок-группы. Но двери для форм народного бытового творчества как были, так и остались закрытыми.

Разбухание обслуживающих, потребительских форм рекламируется как рост культуры. И даже президент Ельцин в одном из выступлений отметил, что "Несмотря на спад производства, культура в России идет на подъем. Так в Белгородской области возникло восемь профессиональных коллективов". Но это значит, что опять сотни "профессионалов" будут петь, плясать за счет отнятых у народа денег. Это называется развитием культуры. Но чьей? Можно ли называть культурой народа то, что находится вне его, над ним и вне его традиций? Как можно говорить о подъеме культуры и духовности при обвальном росте жуликов, преступности, наркомании?

Эта присосавшаяся к народному телу лжекультура и порождает разложение, поскольку ориентирует общество на куплю и продажу духовности. И это путь в тупик. Пример США и Европы говорит о том, что сколько бы много ни покупал человек духовности и культуры, преступность от этого не снижается. Она становится более изощренной. Духовность нельзя купить, это не товар. На Западе церковь продавала индульгенции от грехов. Но культура — это среда, это состояние всего народа, как земля, воздух, вода.

В 20-30-е годы нашего века вопрос развития отечественной культуры на основе народных, национальных корней ставили Кастальский, Давиденко, Захаров и многие другие. Академик Б.Асафьев разработал даже программы по изучению русского музыкального языка для музыкальных учебных заведений. Но все потонуло в коридорах власти лжекоммунистов.

В 70-80-е годы лично я многократно обращался в ЦК КПСС с проблемами сохранения и развития народной культуры. Мне отвечали в устных беседах, что я "протаскиваю национализм и работаю на старух, а не на молодежь". В письменных ответах министерств и Союза композиторов утверждалось, что работа по сохранению и развитию народных традиций улучшается, будут проведены совещания, а также научные конференции, на которые я приглашался. Действительно, научных конференций проводилось очень много, но ничего не менялось в программах учебных заведений и нормативной политике. Механизм разложения всех национальных традиций работал и до сих пор работает на полных оборотах. К командным методам теперь добавились еще и коммерческие. Теперь мне стало ясно, какую современную культуру имели в виду инструктора ЦК КПСС, когда говорили мне о том, что молодежи нужно давать то, что она желает, то есть, современную культуру.

Современным оказались танцы племен юго-западной Африки и музыка американских негров, боевики, секс-шоу и прочее.

Стало ясно, что эти "идеологи" никогда не интересовались даже мыслями своих классиков по поводу народной культуры.

А ведь "Современная культура, — утверждал Ленин, — не может выскочить неизвестно откуда, она развивает прогрессивные элементы старой культуры". Ведь глупо, говорил он, отбрасывать прекрасное старое только лишь на том основании, что оно старое. Его нужно сохранить и взять за образец. Но в этом вульгарные коммунисты усматривали возврат к капитализму, а западники от удовольствия потирали руки и подливали масла в огонь, продолжая готовить в учебных заведениях тысячи убийц русской культуры, идеологических работников, осевших теперь на телевидении, радио, в творческих союзах, в аппарате власти, редакциях и т.д., не понимающих, что новое, современное может появиться лишь в результате глубочайшего проникновения в закономерности национальной культуры. Вперед может идти только память, но не забвение.

Встать на традиционно-экологический путь жизни природа все равно заставит человечество. Но сколько же еще будет загублено жизней людских! Сколько горя и страданий перенесут люди, прежде чем в массовом сознании восстановится традиционно-экологическое мировоззрение. Речь идет не о том, чтобы одевать лапти, шкуры и поселяться в пещерах, хотя мы ведь живем в искусственных пещерах и носим искусственные кожи. Речь идет о том, чтобы мы придерживались тех же принципов и истин, которых придерживались наши далекие и близкие предки, обеспечив тем самым нам жизнь.

Сможем ли мы обеспечить будущее нашим детям и внукам, изменив проверенным в веках принципам жизни?

Презентация книги школьницы Маргариты Новак "Маргаритины сказки" в областной детской библиотеке.

АНАТОЛИЙ СОРОКИН

Анатолий Ильич Сорокин родился в 1941 году в селе Черкасское, Саркандского района Алма-Атинской области. Мать украинка, из столыпинских переселенцев; отец — донской казак.

Учился в Москве, после окончания института вернулся в Казахстан. Работал всю жизнь строителем. Слесарь, сварщик, бригадир, мастер, прораб, старший прораб, главный инженер, начальник ПТО треста, зам.генерального директора республиканского объединения (главка). Казахский язык на бытовом уровне знает с детства: жил в деревне (отец работал ветврачом), большинство семейных друзей — казахи. В Алма-Ате имел все: работу, квартиру, дачу, машину. Вынужден был уехать. Кое-что продал за бесценок, многое бросил...

В Белгороде живет пять лет. Женат, трое детей, двое внуков.

В Казахстане осталась сестра-пенсионерка, брат-пенсионер...

ПОЧЕМУ РУССКОЯЗЫЧНЫЕ БЕГУТ ИЗ КАЗАХСТАНА?!

Казахская ССР торжественно праздновала 200-летие добровольного присоединения к России.

Добрыми словами были помянуты султан-хан Аблай, грозный северный сосед, названный Старшим братом — Россия, не забыты первые казахские просветители: Чокан Валиханов, Алтынсжарин, Сейдалин, Сейфулин.

Во всех этих слащаво-радужных публикациях республиканской прессы, немного скуповатых сообщениях средств массового оболванивания Москвы и даже скупых заметок зарубежных агенств, сквозила правда: Казахстан, не называемый тогда еще этим именем, добровольно, по согласованному желанию всех трех жузов, присоединился к России. И агрессия джунгар, и мудрость политиков тех времен, не ведающих своего существования без России, как нации, как суверенности народа киргизов, била в одну идеологическую цель: без старшего брата — русского народа, киргизам (то бишь впоследствии казахам) не выжить!!!

В дни торжеств Казахская Советская Социалистическая Республика была неотторжимо, исторически, кровно, словно дите и мать, связана жизнеродной пуповиной с Россией. И "кухонные" разговоры о засилии русских были обыденно-обывательскими и звучали из уст зажравшихся докторов наук в узком кругу единомышленников. Тихим сапом, за достарханом, строго среди своих, за обильной выпивкой и обжираловкой — суверенно-посвященных — шли

разговоры об угнетении старшим братом — младшего. Единомышленников суверенитета добавлялось, число посвященных конспирировалось.

После добровольного присоединения киргизов к России, последняя продвинула свои передовые позиции к самой южной границе — Китаю. Были заложены казачьи крепости Верный и Джаркент. Разбивку и застройку производили казачьи есаулы; широкие улицы — чтобы по ним могла свободно пройти развернутая казачья лава, по несколько площадей — мест сбора казачьих войск. Было организовано и свое — семиреченское казачество. И форма одежды, и цвет, и устав, и срок оседлости, и земельные наделы, и отношение к коренному населению — все это было принято Сенатом и утверждено Указом Его Императорского Величества.

К казакам, учитывая их воинский уклад жизни и долголетие царской службы, было милостиво этим же указом разрешено прибытие на постоянное место жительства ремесленного люда, как мужского, так и женского пола.

Семьями только что народившиеся казаки обзаводились быстро. К ним ехала родня, знакомые и их знакомые, и просто переселенцы из южных перенаселенных районов России и северной Украины.

По благодатным горным рекам, словно по волшебству, за три-четыре года появились сотни новых поселений из числа переселенцев.

Названия вновь обустраиваемых целинных сел без раздумий и многоярусных согласований давались первыми поселенцами — выходцами из Воронежской, Курской, Сумской и Харьковской губерний: Антоновское, Покатиловское, Андреевское, Черкасское, Борисовское, Новоуспенское, Садовое, Саратовское, Веселое, Александровское и т.д. Посмотрите на карту этих областей сегодня и вы без труда найдете единоутробные названия в Талды-Курганской и Алма-Атинской областях современного Казахстана. И до сегодняшнего дня, несмотря на вековой срок их существования, в этих селах сохранены обрядовые песни, танцы, свадебные обычаи, приметы и... языковые наречия. По ним безошибочно можно определить о столыпинских переселенцах — из какой губернии были они.

Степные безжизненные просторы Казахстана начали осваивать уже в советское время геологи. Они открыли мировые кладовые угля, медных, железных, фосфорных, асбестовых, урановых и других руд. Открыли они в нем и газ, и нефть, и... плодороднейшую землю!..

Освоение началось теми ударными темпами, которые были свойственны первым пятилеткам. Первые лампочки Ильича, первые паровозы, первые тракторы и автомобили, первые метры железных и автомобильных дорог, первые рудники и шахты... все это было для окраины России — кыргызов, края, уже ставшего Казахстаном. И все это было сделано старшим братом — русским!

Эпохальным стало изменение уклада жизни вечных скитальцев — скотоводов-казахов.

Война! Вал эвакуации из Украины, Белоруссии и центра России, жизненная необходимость неизбежного — все для фронта, все для Победы, а кадры тоже оттуда!

Допинг цивилизации превращает Казахстан за несколько десятилетий в одну из огромнейших строек. Молодые специалисты, окончившие вузы России, Белоруссии, Украины, прибалтийских и других республик СССР, посланные сюда на обязательную отработку вначале двух, а затем и трех лет — по **распределению**, составили, фактически, культурный слой республики. Два-три года молодому инженеру, врачу, педагогу, вырванному из привычных культурных и житейских сред, создают жизнеутверждающую основу для необходимого существования человечества — семьи. И семьи создавались из числа молодых. Отработав необходимое, большая часть этих семей оставалось на постоянное жительство. Устраивались капитально, думали — на всю жизнь!

Тулеген учился в Киевском медицинском. Ирина там же. Семью создали по обоюдной любви на пятом курсе. Сына Ирина родила перед самым

распределением. Он хирург, она стоматолог. Его Величество Случай — распределение, их не волновал. Уехали в Алма-Ату, на родину Тулегена. С Киевом Ирина расставалась со слезами. Ее родня была не в восторге от этого смешанного брака. И все же теща зятем была довольна: уважителен, рассудителен, выдержан, рослый и даже симпатичный, но... Родня, шипя по-гусиному, зло выговаривала: "Азиата выбрала, не захотела за своего парубка выйти!"

А парубков было — табун. Но она полюбила Тулегена. Теща звала его Толик. Да и не только она — в группе, в компаниях — все его звали — Толик.А тещу Тулеген с первого дня звал мама, мамуля, а иногда по-своему — апа. Уважительное "Вы" было обязательным.

— Если я чужому старше себя говорю Вы, то как же я маме скажу ты?!. Не могу, язык не повернется.

Через два года собралась теща и приехала в гости. Уж больно настойчиво они ее звали. Побыла месяц и... осталась. Уговорил Тулеген.

Жили дружно. Язык общения — душевность, родственная близость, взаимоуважение — русский. Тулеген родного языка, кроме обиходных фраз, не знал. И не мучился этим незнанием. Сто процентов его ровесников-казахов тоже не знали его. Кроме обиходных бытовых фраз. Ущербности от этого не ощущал никто. Даже аульная родня, а ее было много и гостила она по обычаю своего народа у них часто, была довольна украинкой-снохой, ее мамой и Тимуром.

Сына еще в Киеве, при получении свидетельства на его рождение, назвали Тимуром... Тимка, Тимоша, Тимофей... Обе бабушки называли его так. Национальность? Его национальность?! О ней вспомнили, когда пришло время получать паспорт. Вот тут и началась драма в их семье.

Тимур получил паспорт на девичью мамину фамилию. И стал уже не Тимуром, а Тимофеем. Отчество оставил отцовское. А национальность — русский. Отца любил до беспамятства. Но заявил:

— Папа, кончаю школу и уезжаем!

— Куда, сынок? Зачем? Что за необходимость? У нас отличная квартира. Дача — все деревья мы с тобой садили, вспомни...

— Пап, я люблю тебя, люблю всю твою родню, бабушку, дядю Тургана, тетю Контай, но мы должны уехать. Не захочешь, уедем с мамой сами. Я не могу терпеть унижения!

Какими словами ему объяснить, что эта вспышка национализма временна, что угар шовинизма пройдет, трезвые головы нации это понимают, нужно перетерпеть. Но молодость, она нетерпелива и в своих суждениях категорична.

А в это время начались осложнения в жизни и у старших. В больнице Тулеген работал главным врачом. Понизили, перевели заведующим отделения: не мог на казашке жениться! И жена Ирина попала под сокращение...

Не захотел Тулеген терять сына, жену. Уехал под Киев, в райцентр. Таких смешанных браков свыше десяти процентов. Дети от этих браков не виноваты, что русские их считают казахами, а казахи — русскими. Детские души жалил испепеляющий в своей бесчеловечности национализм. Детская душевная боль не заживет никогда, никакое время ее не залечит. Комплекс неполноценности останется на всю их жизнь. А как им жить с этим?..

Еле видимый ручеек миграции, после введения государственного языка — казахского, — мигом превратился в девятибалльный поток. Националистическая треть не знала границ: зам. министра народного образования (доктор наук) издал указ: чисто русскую, одну из лучших школ столицы, да и, пожалуй, всей республики разделили бетонной стеной: трехэтажное — старое крыло здания осталось для русскоязычных учащихся, а пятиэтажное, вновь построенное, для казахской школы. Но было сделано по-иезуитски подло: места общественного пользования — туалеты, столовая и библиотека оказались в суверенном крыле казахской школы. Детям "оккупантов" не было оставлено ни одного очка уборной.

После этого вал миграции достиг апогея.

В архисрочном порядке начали издаваться русско-казахские, а потом наоборот — казахско-русские словари. Умные головы — академики — составили графики-планы, по которым семь районов столицы переводят делопроизводство на родной язык. Эти же академики напридумывали таких слов, что ни бабушка казашка, ни ее многочисленная родня отродясь их не слышали. И всем первым руководителям из русскоязычного населения (немцы, белоруссы, евреи, украинцы, русские, корейцы, греки и пр. меньшинства) необходимо срочно сдать экзамен на знание государственного языка. Иначе будут уволены. Где-то кем-то были заказаны пишущие машинки с алфавитом казахского языка. Привычное расположение букв на клавиатуре менялось принципиально, и даже опытные машинистки, привычные печатать обеими руками и вслепую, взвыли: какой негодяй такое придумал?!

А он был не один. Их было много, и у всех были дипломы кандидатов и докторов наук. Но подавалось это в красивой обертке: государственная национальная необходимость.

График перехода на государственный язык был жестким. Такие-то районы в I квартале, такие-то во втором и т.д. В русских школах с начальных классов вводится обязательный казахский язык. Нет программ, нет учебников, нет преподавателей? А-а-а, плевать! Есть постановление правительства, есть график, нужно его исполнять!.. Потом спохватились, растянули сроки. Взвыли не только "инородцы", "оккупанты", но и основная масса хозяев страны.

Машинки, в основном, пылились, но один процент отстукивал р-р-руководящие циркуляры на государственном языке. Рассылались они в области, районные поселки, аулсоветы. В благих целях... для осчастливленных. Но никем не читаемых. Даже казаху, окончившему русскую школу, русский вуз, понять, что в них, невозможно.

Через два года, когда уехало только из Алма-Аты почти сто тысяч "оккупантов", президент на весь бывший СССР по телеку заявил, что есть некоторые перегибы в национальной политике и незначительная миграция... специалистов, без которых республике уже тяжело. Он не привел количественных данных о размерах "некоторой миграции". А за последние четыре года Казахстан покинули более миллиона человек русскоязычных.

Уже прошли декарьские события, пролитая человеческая кровь засыпана песком, вычищена, виновные наказаны. Кое-кто — уголовно. Русский секретарь ЦК Колбин отправлен на пенсию, нет уже ЦК, есть свой национальный лидер, как грибы после дождя появились национальные партии. Школы, детсады, педучилище, готовящее кадры для дошкольного и начального образования, объявлены сугубо национальными, уже вовсю крутится маховик кадрового укрепления — первые, вторые руководители из числа русскоязычных заменяются на свои нацкадры, в смешанном языковом садике новая заведующая собрала несколько деток и проводит с ними национальное воспитание:

— Дети! Ваши родители и вы — разных национальностей. Среди вас есть немцы — Артур, Луиза, Петя и другие, евреи — Адочка, Абрамчик, казахи, уйгуры, русские? Вы должны жить дружно, словно одна семья, но не забывать, что живете на нашей казахской земле, кушаете наш хлеб, обязаны знать наш язык.

Спустя время в группе четырехлеток, играющих в павильоне, почти современная "думская разборка":

— Ты, фасыстка, отдай мою лопатку!..

— Зыдовская молда, где моя кукла?!.

— А ты — калбит! — дословно это переводится как ребенок вши — гнида. Смертельно оскорбительная кличка для коренного населения.

На следующий день дети отказываются, громко рыдая, идти в садик. Родители, испытав языковой стресс на работе, берут карту СССР в руки и выбирают — куда же бежать?!

Некоторые приходят к заведующей и пытаются выяснить отношения. Смакуя мерзкую холодность тона, который она считает восхитительным и приличествующим моменту, заведующая задает вопросы:

— Вы на чьей земле живете?! Вы чей хлеб жрете?! Оборзели, оккупанты; здесь сами родились, нарожали детей, а язык не удосужились выучить!!! Должности — у вас! Лучшие квартиры — у вас! Машины, дачи и телефоны — у вас! Но мы не рабы ваши! Мы свободная, суверенная нация!

———— • ————

В нашей пятиэтажке на площадке две квартиры. В трехкомнатной квартире жила моя семья, а в четырехкомнатной — сосед-казах, художник. Семьи дружили. Два сына соседа — ровесники моему хлопцу. Дети сами себе выбирали друзей. Где заигрались, там и обедают — у кого сладкие арбузы, дыни, виноград, персики — там их и угощают, не разделяя. Играли вместе и год, и два, и три... пока не началось "суверенное" деление. Смотрю с балкона, а дети — русские и казахи — играют отдельно. Это случилось после того, как объявили казахский язык государственным.

Спрашиваю у сына: что такое, вы поругались? Нет, отвечает, Акбару и Санжару родители запретили со мною играть и запретили им заходить в нашу квартиру, а мне к ним. Встретил соседа, спрашиваю: что случилось, вы же культурные, интеллигентные люди (жена его редактор издательства). Да, вот... отвечает, — это не мы, дед с бабкой приехали из аула, настояли на своем.

А дети остались детьми: спрячутся за дом, чтобы их не видели взрослые, играют вместе — казахи, русские, украинцы, немцы, корейцы... Крадут дружбу у взрослых.

———— • ————

И самое страшное, появились те, кто стал быстро и легко убивать (не обязательно физически) и те, кто стал позволять эти убийства, оставляя их безнаказанными.

Трое поддатых парней, ограбив прохожего (русскоязычного) избивают его жестоко, словно скотину. На остановке. Нашлись защитники. Наподдав, скрутили, привели в отделение. Там уже девяносто процентов суверенных кадров.

— Бросьте клеветать на нашу молодежь! Мы — миролюбивая нация и ваши клеветнические обвинения оскорбительны для всего нашего народа. Не нравится — катитесь отсюда.

Парни отпущены без протокола, а всем защитникам придет на работу через несколько дней из отделения милиции бумага с информацией о недостойном поведении и пропаганде национальной розни.

Жаловаться? Куда, кому и на кого! На хозяев страны?!

Помнится криминальный случай.

На танцплощадке студент-казах смертельно ранил ножом русского. Дело вел русский (капитан). Ему пообещали: выпустишь — получишь майора. Подкупить не удалось. Тогда убийцу переводят в другую тюрьму. Оформляют ему смерть — покончил с собой в тюрьме — есть свидетельство о смерти, есть справка о захоронении такого-то в могиле № такой-то.

А через год капитан узнал мертвого: на той же танцплощадке он подрезал уже двоих русских. Живет под другой фамилией, перевелся из московского вуза в киевский. На этот раз капитана уволили, не дав дослужить до пенсии. Таких примеров можно приводить множество.

До середины восьмидесятых годов на всех уровнях командного состава национальные кадры составляли 2,5%. Но и у них были заместители из русских, немцев, евреев. Занимая эти посты, русскоязычные фактически тянули лямку обязанностей за двоих: за себя и за казаха-начальника. А потом пошли местные кадры, закончившие местные вузы, прошедшие через экономический бардак бойцов студотрядов. Эти были с гонором, металлом в голосе, и хотя слово "оккупант" с их уст еще не слетало, поговорку "Когда рядом с тобой русский, держи топор наготове" они, вроде бы шутя, произносили все чаще и чаще.

Пришло к власти новое поколение, которое морально созрело, пройдя разврат студенческих строительных отрядов, самосознание у которых — националистическое. Эти командиры производства заявили:

— Вы, русские, вывозите из Казахстана все: пшеницу, мясо, медь, ферросплавы, золото, уран. Убирайтесь все сегодня отсюда, и завтра у нас будет райская жизнь!!! Вы грабите наше национальное богатство, вы разлагаете нацию, вы враги наши. Их деды и отцы были другими — гостеприимными, доброжелательными, уважительными, но в большинстве своем безграмотными.

Массовая проверка только вузов, а их стали иметь все областные центры, выявила: студенты 4-5 курсов Семипалатинского, Чимкентского, Джамбульского институтов и Госуниверситета не знали таблицы умножения. При поступлении многие не сдавали вступительных экзаменов, (хотя были и не медалисты), а у некоторых не было даже аттестатов зрелости. Но их приняли, зачислили, и довели до диплома, так как они были представителями "коренной" нации. Такая политика диктовалась из ЦК.

Ректор госуниверситета на вопрос, почему на юрфаке, журфаке, филфаке нет студентов других национальностей, кроме коренной, ухмыляясь, ответил:

— Русские парни и девушки не любят этих специальностей!..

Межродовое деление пролегло и среди вузов. Нархоз, зоовет, и сельхоз — вотчина орта жуза (среднего). Госуниверситет — кши жуза (младшего). Госфилармония, мединституты, институт горного дела — старшего жуза. И выбор за детей делали родители: пойдешь учиться в тот вуз, где наши! Честный экзамен, конкурсный отбор по знаниям? Не смешите! Отбор по степени родства.

На экзамене по высшей математике Балат Сейдалин по билету не ответил ни слова. Преподаватель, тоже казах, вознамерился поставить двойку. Разговор шел на русском языке. Затем Балат перешел на казахский. Преподаватель, потупив очи долу, униженно молчал. Монолог Балата на повышенных тонах длился минут десять. Не по билету, не по предмету экзамена. Балат по рождению — торе. Торе — типа графа или князя. Балат правнук султана. Преподаватель — правнук пастуха. Балат внушал ему в течение десяти минут: кто есть кто!

— Как сдал, Балат? — интересовались в коридоре ждущие своей очереди.

— На четыре!.. Он мне успеваемость чуть не испортил.

Я сидел, ждал своей очереди — вслед за Балатом. Я хорошо знал разговорный казахский язык. Балат популярно объяснил преподавателю: у деда пастуха — внук пастух. У деда Султана — внук султан. И не важно, что он студент, а первый преподаватель.

Моя дочь Лена с отличием окончила политехнический. Красный диплом давал свободный выбор места работы по специальности — автоматические системы управления. Хорошо знает английский.

Работать устроилась в только что открывшийся Республиканский Национальный банк, оборудованный компьютерами.

— Вашего профиля специалисты нам, как воздух, жизненно нужны! У нас самая современная техника! — заявил при приеме управляющий.

Он сказал правду. Отдел, состоящий из девяти человек, был укомплектован за неделю. Специалистов, знающих и умеющих работать на компьютере оказалось трое. Начальник отдела, она и на год раньше закончивший их институт по той же специальности, парень. Восемь человек — казахи. Она единственная русская. Начальник отдела где-то отсутствовал.

— Он появится через три недели, — просветил ее Бахыт, напарник, с которым она освоила программу и начала работать, — за семьей поехал — она у него еще в Чимкенте.

Остальные шесть сотрудников, казашки разных возрастов, к компьютерам не подходили.

— У них волосатые лапы, — объяснил Бахыт. — Они — жены или дочери высокопоставленных чинов. Так что будь с ними осторожнее.

Через месяц появился начальник отдела. И сразу же стал проводить совещание. Естественно, на казахском языке. Голос мягкий, спокойный, уважительный. Обратился к Лене. На казахском. Она с улыбкой ответила ему на английском языке, кто она, когда приступила к работе.

— Вы по-человечески можете разговаривать? — спросил он по-казахски.

— Могу! — по-русски ответила она, поняв , о чем ее спрашивают.

— Тогда нам не о чем говорить, — произнес он на чистом русском языке. — И не хрен тут вам делать!

Она взяла свою сумочку и под оскорбительные смешки и комментарии на казахском языке ушла.

Было одиннадцать утра, когда я заскочил домой за документами. Лена, зареванная, лежала на диване.

— Ничего, не переживай! — успокоил я ее. — Устроишься в другом месте.

К концу дня я позвонил, дал два телефона, где есть по ее специальности вакансии.

Вечером она заявила:

— Я никуда на работу не пойду.

— Почему?

Она объяснила, что звонила в оба адреса, отвечают, да, работа есть, но... Спрашивают, знает ли казахский, а узнав, что нет, вежливо, с сожалением, отказывают.

— Больше не звони, не узнавай, я на работу не пойду. Уеду в Ленинград, к дяде Сереже.

Жена, утирая слезы, вмешалась:

— Мне предложили уйти с работы по собственному желанию. На мое место уже привели казашку.

Меня из первых замов с расплывчатой формулировкой, "... в целях более обширной координации работы периферийных трестов..." перевели просто в замы. Естественно, уменьшили оклад, забрали персональную машину, а функциональные служебные обязанности остались те же. Даже добавились.

На мое место был принят более молодой казах, видимо, более перспективный, но ни одного дня не проработавший ни мастером, ни прорабом, ни главным инженером СМУ, ни вообще на стройке.

Образование у парня есть, был на комсомольской работе в ЦК, потом в республиканском штабе стройотрядов.

Так что решение коллегиально — жена, дочь, сын-пятиклассник и я — было принято единогласно и без колебаний.

— Нужно уезжать!..

А вот куда? Где и кому мы теперь нужны?! Объявили продажу квартиры. Вечером несколько звонков: где, какая, сколько?

— А не жирно? Скоро бросите бесплатно и уедете.

Так и было: за квартиру выручили столько, что еле хватило на контейнер для барахла.

Заканчиваю словами:

— Да, казахский народ очень бесхитростен, доброжелателен, приветлив, контактен... был. Он уважал русского, называл старшим братом, но, оказывается... был слеп. А сейчас прозрел, в нем проснулась националистическая спесь и он разглядел во мне — русском, своего врага и нашел мне достойное имя — оккупант!

— Вас, русских, нужно убивать только за то, что вы живете на нашей земле! — доверчиво сказал мне сидящий за моим достарханом, имеющий диплом кандидата и состоящий в руководстве партии "Алаш-Кенес".

Сказано вроде шутя, с улыбкой. Но за этим кроется жуткая правда.

Я всю жизнь, все свои силы, здоровье отдал Казахстану, казахскому народу. Они взяли у меня все. И выгнали на склоне лет нищим инвалидом. За единственную вину — что я русский.

АЛЕКСАНДР СТОВПЕЦ

Александр Иванович Стовпец родился 14 апреля 1944 г. в селе Залинейном Красноградского района Харьковской области, в 150 км от Белгорода — теперь зарубежье. Мать русская, отец украинец. В 1966 г. окончил Днепропетровский университет имени 300-летия воссоединения Украины с Россией. Двадцать лет работал в оборонной промышленности. С 1986 г. работал на Белгородском заводе пласмасс и в Белгородской технологической академии стройматериалов. Имеет троих детей, внука в Киеве, внучку в Подмосковье. После разрушения Советского Союза остался практически безработным. Является сопредседателем Международного фонда славянской письменности и культуры, ведает вопросами нравственности и культуры, председатель исполкома русско-украинского общества дружбы "Славянское братство".

В СЕРДЦЕ МОЕМ ЕДИНЫ МАТЬ РОССИЯ И НЭНЬКО УКРАИНА

Нашему поколению выпало на долю жить в трудную, опасную эпоху русской (восточно-славянской) истории. Но это не должно поколебать наше разумение, нашу волю и наше служение Родине. Больше того, это-то и должно нас мобилизовать! О доброте, гостеприимстве, свободолюбии русских-славян единогласно свидетельствуют древние источники: византийские, арабские и другие. Борьба русского народа за свободную, праведную и достойную жизнь на Земле продолжается. Хороши мы или плохи в данный момент истории, мы призваны и обязаны идти своим путем, верить в Родину, видеть ее духовную силу, понимать русскую идею. В чем же она? Она "в любящем, созерцающем свободно и предметно сердце, передающем свое видение мысли для осознания и слова, воли для действия". (И.А.Ильин "О русской идее").

Май-июнь. Красноград, Лебяжье, Залинейное, Русский Орчик... "Запорожец" катит по родным до боли местам над Берестовой и Орелью. За рулем солист ансамбля бандуристов Николай Пилипенко: "Сашко, а ты знаешь церковь деревянную, без единого гвоздя в Русском Орчике? Да меня же крестили

в этой церкви". Троица (семик), мелкий, теплый дождичек, как слезы встречи после трехлетней разлуки с родиной. В Пуще нагородили и здесь аукается и аукается больно. "Новые" в Зачепиловке, опухшие от еженощных гульбищ, не знают, куда деньги девать, а в соседнем Залинейном по неделе хлеба не бывает. Церковь, которой отведено красивейшее место, над Берестовой, строить "не за что". Деревянная, без единого гвоздя в Русском Орчике — стоит и стоит не первый век.

К службе мы опоздали, кто теперь ходит в эту церковь? Старый мост, барская усадьба... А вот и Залинейное:

Ты прости меня, милая родина,
Я в разлуке тебя не забыл
И чем больше дорог было пройдено,
Тем сильнее тебя я любил!

Дедовские могилы... От волнения не узнаю улицу детства. А вот и хата, слава Богу чисто выбеленная, как прежде, огород ухожен, зеленеет кукуруза, под окнами отцветает сирень. Новая, молодая хозяйка. В Днепропетровске, видать, не лучшие времена, если она за 100 км ездит полоть огород. Слава Богу — земля кормилица... "А вы ж обещали каждый май приезжать?! Мы вареники и борщ варили и к борщу найдется.. Праздник ведь сегодня". "Сашко, это для тебя", — вступает Николай:

Как я малым собрался по весне
Идти в бел свет незримыми шляхами,
Сорочку, мама, вышила ты мне,
И черными и красными нитками.

* * *

Виски мои покрыла седина,
Но ничего я не привез в твой дом,
Лишь сверточек простого полотна
И вышита вся жизнь моя на нем.

Плывет над русским селом замечательная украинская песня. Красноград, вот он красавец. Собор, вчера освященный. Идет служба, много детей, пол усыпан любистком, чебрецом, не знаешь где ты: на небе, или на земле. И встает Русь! Ответный визит. Белгород, Ракитное, могила о.Серафима, горит лампада. Крестят лбы мои бандуристы запорожцы-красноградцы.

Славяне мы, в крови у нас течет
И мужество и дерзость и почет...
В крови у нас века,
Одна судьба и крепость языка
И Бог один,
И Крест сродни.

Звучат со сцены стихи белгородца Игоря Чернухина и народные украинские песни. — "Ой, так это ж наши!" (В зале) "Почему вы так редко приезжаете?" "Потому что много денег уходит на феерверки, границу и заграницу..."

Июнь. И реки стекаются в море... Тысячи людей, тремя колоннами: из Росии, Украины и Беларуси идут к обелиску славянского Братства на стыке трех республик. Идут услышать слова о единстве народов-братьев. Дважды мы с ансамблем "Мила-Лада" из Грайворона пересекли (не без труда) новоявленные кордоны, но поспели ко времени. Вижу знакомые лица: Клыков В.М., Кириченко В.И., Большаков В.И. Звонит колокол. Троицкому храму и селу

Троицкому на стыке трех "границ" быть! А сцену уже занял Заволокин Александр (Геннадий приболел). "Александр Дмитриевич, передохните, у "Мила-Лады" всего три номера". — "Вот улечу в Новосибирск и вы хоть всю ночь здесь выступайте".

Вспомним братцы грайворонцы
Двадцать перва сентября,
Как дралися мы с германцем
От рассвета допоздна.

Начинается воздушный парад, громадина СУ вертикально уходит к солнцу...

И встает Русь!

К сожалению, пора возвращаться в Белгород. Молодежь наша приняла по чарке, а закусить не успела. Перед Брянском, у дороги, закусочная. Хозяин из старо-новых кавказцев, косо смотрит на наших ребят. Надо выручать, хотя и пить не хочу: "За Веру, Царя и Отечество"! Глаза у "хозяина" округлились, сам тащит закуску...

Июль.
Слышишь брат мой, как за полночь
Степи оживают,
То козаки запорожцы
Вновь коней седлают...
У нас воля вырастала,
Степью укрывалась,
Под голову горы клала,
В Днепре умывалась!

И вот мы, наконец, на Хортице (остров на Днепре: 12 км в длину, три километра в ширину, масштабы воистину запорожские). Всего лишь каких-нибудь 500 лет тому назад в состав земель Войска Запорожского входили более семи областей нынешней Украины и Молдавии. (Днепропетровская, Запорожская области, часть Харьковской, Полтавской, Донецкой, Луганской, Николаевская, Херсонская, Одесская и т.д. Более 7 палаток, (не считая гарнизона самой Сечи) было в составе Войска Запорожского: Орельская, Самарская, Кальмиусская, Бужская, Кинбурунская ("ключ к синему морю").

Где же делось казачество,
Красные жупаны?
Где же делась доля-воля,
Бунчуки, гетьманы?

Не ревет и не стонет Днепр широкий, съело "море" — болото застойное порог Великий, порог Ненасытный... Покоится на Соловках прах последнего кошевого Петра Колнышевского, обжили Кубань потомки славных запорожцев, тех, кто в Синопе и Трапезунде галушки варили, когда чуть ли не вся Европа на колени становились перед османами.

Кош Запорожский: Брама (башня) высится над широким въездом. Вправо и влево высокие укрепвалы. Вокруг центральной площади курени (казармы). В наиболее Защищенном месте — церковь во имя Покрова Богородицы. Смотрит мой друг великоросс на казацкие иконы: "Да это ж наши?!" Конечно наши...

Август. Грайворон, Почаево, полевая дорога на Сумщину. Красивая наша земля, конец августа, в разгаре работа на полях, в лесах и садах первые признаки осени. Дождик и радуга в полнеба...

Пять лет независимости? Пусть дни эти станут днями братания... Так оно и есть: главе своей администрации сумчане аплодируют минуту, а нам —

делегации России — три минуты, стоя. Что ж то за вражина клинья меж нами вбивает? Елена Дмитриенко, жиночка, председатель колхоза и председатель хороший, вижу по почтительному отношению селян, — семнадцать новорожденных только в этом году!

И будет Русь!

А бывший председатель рванул в предприниматели, да что-то не получилось, заглох. Украинкам не привыкать самостоятельно хозяйничать, пока мужья казакуют... И на сцене и в зале радость общения. Гости мы здесь желанные, и званые, и жданные. Что ж это за извращенцы вздумали нас разделить? Грайворонки из "Мила-Лады" подтрунивают над участковым сумчанином, потомком казаков, может ли он за них с локтя чарку выпить? "Не приходилось" — говорит. — Но если надо... "И проделывает это блестяще, а потом взял баян и запел "Час рикою плывэ..." да так, что бойкие певицы грайворонки рты открыли от изумления. И будет хлеб и будут песни на нашей милой стороне!

Октябрь. Древний Хотмыжск. Поднятый из руин Воскресенский храм. В ясную погоду с холма Хотмыжского видна Украина (Харьковская и Сумская области). Патриарх освящает колокол единения. Над Ворсклой и Орелью, над Донцом и Днепром звоните, звоните колокола! От Москвы до Минска и Киева, от Беловежья до Белогорья собирайтесь, славяне. Осознайте, братья славяне, свою трагическую и славную историю, не повторяйте ошибок...

Декабрь. Прохоровка. Учреждается премия "Боян"... Боян (читай "Слово о полку Игореве"), XI век, песнетворец князя Святослава, время славных побед, укрепления единого государства — прародины белорусов, русских и украинцев. Премию учреждают: Союз писателей России, Фонд культуры Украины, общество "Белая Русь", Совет Глав приграничных областей Белоруссии, Украины и России, Всемирный Русский Собор.

И будет так!

И будет Русь вечная!

ВИКТОР КОЗЛОВ
доктор исторических наук, профессор,
лауреат Государственной премии СССР

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ В ДЕЛЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА

Российская социал-демократическая рабочая партия была создана как полувоенная организация, ставившая своей целью захват и удержание государственной власти в стране, чтобы использовать эту власть для построения социализма как первой стадии коммунизма с девизом "От каждого — по способностям, каждому — по труду!", а затем и полного коммунизма с девизом "От каждого — по способностям, каждому — по потребностям!" Вскоре после Октябрьской революции 1917 г. она была переименована в Российскую Коммунистическую партию большевиков (в 1925 г. — во Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков, в 1952 г. — в Коммунистическую партию Советского Союза), но это переименование мало отразилось на ее полувоенном характере со строгой дисциплиной, иерархическим подчинением руководителей низших подразделений — высшим, нетерпимостью к политическим оппонентам и т.п. Во главе партии стоял постепенно расширявшийся Центральный комитет, из членов которого с 1919 г. стал избираться постоянно действующий штаб — Политбюро. В состав Политбюро, избранного в 1922 г. еще при активной деятельности В.Ленина, кроме него входили: Г.Зиновьев, Л.Каменев, А.Рыков, И.Сталин, М.Томский и Л.Троцкий. Создателем и главой партии был Ленин, естественно, что он стал и главой первого Советского правительства, руководя как партийными, так и государственными делами.

Однако быстрый рост числа членов РКП(б) после 1917 г., усложнение ее структуры и функций, а отчасти и ухудшение здоровья В.Ленина потребовали создания при ЦК разветвленного Секретариата. Главой этого учреждения — Генеральным секретарем ЦК — в 1922 г. при поддержке Ленина был избран тогдашний нарком по делам национальностей и председатель Рабоче-Крестьянской инспекции — И.Сталин (Джугашвили). Опираясь на растущую партийную бюрократию и в значительной степени регулируя ее кадровый состав, особенно в верхних эшелонах, Сталин быстро усиливал значимость своего поста, оттесняя все чаще Ленина на второй план. Уже полупарализованный Ленин в своем "Письме к съезду", продиктованном в самом конце 1922 г. (т.е. немногим более полугода со времени избрания Сталина Генсеком) сокрушенно отметил: "Тов.Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью"[1]. В этом "письме" Ленин обвинил Сталина в грубости и нетерпимости и предложил назначить на пост Генсека кого-то другого, но не обозначил конкретно кандидатуру и, более того, тут же раскритиковал своих наиболее видных соратников: Л.Троцкого, Г.Зиновьева, Л.Каменева и даже "любимца партии" Н.Бухарина, бывшего в то время редактором "Правды" и кандидатом в члены Политбюро.

Ознакомленные с этим "письмом" (считавшемся своего рода "завещанием" В.Ленина) члены ЦК РКП(б), а затем делегаты XIII съезда партии (1924 г.), состоявшегося уже после смерти Ленина, оказались, вероятно, в заме-

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 345

шательстве. И.Сталин отвел упрек в "грубости", заявив, что он груб только с теми, кто выступает против воли партии, а этим, как известно, "грешил" и сам Ленин; кроме того, Сталин заявил, что готов по воле партии уйти в отставку. Об обсуждении этого вопроса известно мало, но в итоге Сталин был оставлен на посту Генсека ЦК РКП(б). Его позиция в партии укрепилась, однако понадобилось еще несколько лет, чтобы он окончательно стал фактически всевластным правителем страны, полуобожествленным вождем и вместе с тем тираном советских людей. Сильное влияние оказал он и на состояние "русского вопроса", о чем речь пойдет в следующем разделе данной главы.

Главная проблема в оценке периода сталинизма и самого И.Сталина заключается в том, чтобы разграничить его деяния, обусловленные объективными потребностями развития страны, от деяний, вызванных плохими качествами его характера. Детально излагать биографию Сталина, отраженную уже в десятках книг — нецелесообразно. Отмечу лишь, что он родился в 1879 году в бедной семье; его отцом был осетин-сапожник В.Джуга (позже эта фамилия была огрузинена добавлением "швили"), матерью — грузинка, подрабатывавшая прачкой. После ранней смерти отца мальчика Иосифа Джугашвили готовили стать священником; он окончил церковную школу, поступил в духовную семинарию, но был отчислен с ее последнего 5-го курса за революционную деятельность, в ходе которой за ним закрепилась фамилия "Сталин". С 1903 г. Сталин примкнул к партии большевиков, организовывал демонстрации и "экспроприации" (грабежи банков для пополнения партийной казны), 7 раз был приговорен к ссылке, но 6 раз удивительно легко бежал из нее. Его крупнейшая дореволюционная работа "Марксизм и национальный вопрос" (1912 г.) была написана во время недолгого пребывания за границей и одобрена В.Лениным за содержащуюся в ней критику австро-марксистской концепции национально-культурной автономии; да и сам Сталин, судя по всему, понравился Ленину своим "пролетарским" происхождением и исполнительностью, что, очевидно, сыграло решающую роль в выдвижении Сталина после Октябрьской революции 1917 г. на пост наркома по делам национальностей, а также председателя Рабоче-Крестьянской инспекции, с чем, по оценке Ленина, он не смог справиться.[2]

Распространено мнение, что Сталин сильно завидовал более ярким партийным деятелям и "пламенным ораторам" — Л.Троцкому, Г.Зиновьеву, Н.Бухарину и др., но внешне это не проявлялось. Сам Сталин, действительно, не отличался красноречием: говорил сравнительно мало и к тому же до конца жизни с заметным грузинским акцентом, хотя при переписи населения 1939 г. и показал своим "родным" языком — русский. Однако его речи (и статьи) отличались простотой и внешней логичностью, нередко усиленной, как у опытных проповедников, подчеркнутой структурой изложения: "во-первых... во-вторых..." и т.п. От В.Ленина Сталин воспринял и развил метод политической полемики, заключавшийся в искажении мыслей своих оппонентов и наклеивании на них различных нехороших ярлыков. Все это не могло не понравиться малообразованным рабочим и крестьянам, устремившимся после 1917 г. в партию; достаточно сказать, что на XIV съезде РКП(б) в конце 1925 г. среди делегатов, отбиравшихся, как положено, по признаку активности и развитости, две трети имели лишь низшее образование. К этому можно добавить, что церковное образование и воспитание дало Сталину неплохое знание социальной психологии, да и во многом определило его поведение: неторопливость движений, простоту в одежде и другие качества, способствовавшие формированию его полурелигиозного культа личности.

Большинство биографов И.Сталина концентрируют внимание на его ловкой борьбе за единовластие, в ходе которой он вначале объединился с Г.Зиновьевым и Л.Каменевым против Л.Троцкого, затем с Н.Бухариным и А.Рыковым (ставшим после В.Ленина председателем Совнаркома) против Зино-

[2] Об этом говорилось в статье: Ленин В.Н. Как нам реорганизовать Рабкрин. Соч., т.45, с. 393 и др.

вьева и Каменева, а затем с опорой на новых выдвиженцев в ЦК и Политбюро — К.Ворошилова, Л.Кагановича, В.Молотова и др. — против Бухарина и Рыкова. Но за этой борьбой Сталина против партийно-государственных деятелей, каждый из которых в принципе мог угрожать его лидерству, стояли очень важные проблемы экономического развития страны и строительства в ней социалистического общества.

В предыдущей главе уже отмечалось, что В.Ленин, старавшийся по возможности опираться на теоретическое наследие основоположников "научного коммунизма" — К.Маркса и Ф.Энгельса, — столкнувшись после 1917 г. с реальными экономическими и другими проблемами, оказался в растерянности. Стало ясно, что Октябрьская революция была не более, чем удачным захватом власти в государстве и важной предпосылкой строительства социализма, но лишь при условии поддержки отсталой России аналогичными революциями в экономически развитых странах. В речи на III съезде Советов (1918 г.) Ленин пояснил: "Мы далеки от того, чтобы даже закончить переходный период от капитализма к социализму. Мы никогда не обольщали себя надеждой на то, что сможем закончить его без помощи международного пролетариата..., конечно, окончательная победа социализма в одной стране невозможна"[3]. Это положение было повторено им и в других выступлениях, например в речи на I Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства (1918 г.): "Мы не закрываем глаза на то, что нам одним — социалистической революции в одной стране, если бы она была даже менее отсталой, чем Россия... — социалистической революции своими силами всецело не выполнить"[4]. Правда, время от времени Ленин прибегал к популистским подбадриваниям слушателей; так, отмечая 5-летие Октябрьской революции, он заявил: "...Я полагаю, что перспективы мировой революции благоприятны"[5], а ранее — на III съезде комсомола (октябрь 1920 г.) патетически воскликнул: "...Вот поколение, которое через 10-20 лет будет жить в коммунистическом обществе"[6]. Но такие "агитки" не определяли действительно сложных проблем дальнейшего развития советского общества.

Сложившуюся ситуацию отчасти предвидел еще Ф.Энгельс, который писал, что "вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий" коммунистическая партия вынуждена будет ... стать у власти", чтобы проводить реформы, "которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, в известной мере ложно истолкованным и выдвинутым в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены проводить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, что они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, — надо надеяться только в физическом смысле, — наступит реакция и, прежде чем мир будет способен дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам, конечно, наплевать (! — *В.К.*), но и дураками, что уже гораздо хуже"[7]. Показательно, что В.Ленин сам признавал на IV Конгрессе Коминтерна: "Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не может судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я."[8] Он явно понимал, например, что введение Новой Экономической Политики является отходом от социалистического пути развития, но предложенный им путь борьбы с мелкобуржуазной стихией посредством создания "государственного капитализма" только усугубил бы этот отход.

Из сказанного, надеюсь, ясно, что важнейшая идеологическая задача, вставшая перед руководством РКП(б) после смерти В.Ленина, заключалась в

---

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 371
[4] Там же т.36, с. 362
[5] Там же т.45, с. 291
[6] Там же т.41, с. 318
[7] К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч. т.28, с.490-491
[8] Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 290

том, чтобы определиться по вопросу о возможности построения социализма в одном только Советском Союзе. Негативного ответа на этот вопрос придерживался Л.Троцкий, выдвинувший концепцию "перманентной" (непрерывно нарастающей и распространяющейся) революции, и даже его противники в борьбе за высшую власть — Г.Зиновьев и Л.Каменев, которые считали, что капиталистическое окружение, траты на оборону страны и допущенный НЭПом капитализм не только затормозят строительство социализма, но и исказят его суть, как это, кстати сказать, и произошло. Позитивного ответа придерживался И.Сталин и его сторонники, прежде всего Н.Бухарин, славившийся своей способностью доказывать все, что угодно. Аргументация их сводилась к использованию отдельных, выхваченных из контекста слов Ленина, а главное — к заявлениям о том, что Троцкий и его единомышленники сводят на нет основную цель Октябрьской революции, за которой уже закрепилось название "социалистической", подрывают целесообразность дальнейшего развития советских республик, уже получивших название "социалистических" и т.п. Такой аргументации с упором на скоропалительно введенную "социалистическую" терминологию не хватало теоретического обоснования, но при окончательной дискуссии по этому вопросу, состоявшейся на XV Всесоюзной партконференции (1925 г.), она получила поддержку большинства делегатов, видимо, боявшихся показаться дезориентированными ранее дураками. А Сталин стал считаться выдающимся "теоретиком", достойным своего поста.

Установка на построение социализма в одном только Советском Союзе отразилась прежде всего на деятельности Коммунистического Интернационала, функции которого как штаба "всемирной революции", уступили место задачам обеспечения поддержки Советского Союза со стороны международного пролетариата и его партий. Сказалось это и во внутренней политике. Осознание того факта, что Советский Союз будет неопределенно долгое время существовать во враждебном капиталистическом окружении, привело к необходимости укрепления обороноспособности страны путем ее быстрейшей индустриализации и милитаризации. Плохо отвечающее этой задаче, допущенное НЭПом частное предпринимательство было задушено налогами, доходившими до 80-90% от прибыли. Однако преимущественное развитие тяжелой промышленности требовало все новых и новых капиталовложений. Часть средств дала продажа за рубеж художественных ценностей, накопленных до 1917 г. высшими сословиями Российской империи, часть — растущие "ножницы" цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами. Однако основную их массу дала своеобразная "дань", наложенная на крестьян посредством по существу насильственного объединения тех в колхозы и установления низких закупочных цен на сельхозпродукты.

Такова была жесткая логика экономического развития страны на несколько десятилетий. Она обеспечила в дальнейшем победу Советского Союза над напавшей на него мощной гитлеровской Германией с ее сателлитами, но сильно ударила по жизни большинства советских (в том числе — русских) людей. Более демократическая бухаринско-рыковская концепция развития страны, допускавшая мирное врастание кулака в социализм, очевидно, сократила бы массовые страдания, но вряд ли подготовила бы столь успешно Советский Союз к этой страшной войне.

В 1936 г. была принята новая Конституция СССР, которая была названа "конституцией победившего социализма". В действительности, социализм в его марксистско-ленинском понимании не был достигнут. В стране сложилась странная и жестокая общественно-экономическая система, совмещавшая признаки различных исторических формаций. В сельском хозяйстве господствовало государственное крепостничество: крестьяне были жестко прикреплены к колхозам и совхозам и вынуждены были отдавать за бесценок большую часть своей продукции; эта система была упрочена введением в 1933 г. общей паспортизации, причем крестьянам паспорта не были выданы и они могли оставить прежнее место жительства лишь по специальному разрешению, например, при оргна-

боре в промышленность. В сфере промышленности элементы капитализма (например, использование закона стоимости) сочетались с некоторыми элементами социализма (отсутствие безработицы, ограничение разницы между минимальной и максимальной зарплатой и т.п.). Степень эксплуатации трудящихся города и деревни почти не сокращалась; доля отчислений в фонд заработной платы была меньше, чем в развитых капиталистических странах. Не удавалось обеспечить и главный признак социализма — более высокую производительность труда, чем при капитализме. К этому следует добавить, что миллионы советских людей были заключенными в "трудовых" лагерях, где занимались по существу рабским трудом.

Впрочем, все познается в сравнении. Советские трудящиеся, лишенные достаточной информации о жизни в капиталистических странах, считали свою жизнь в целом благополучной и верили, что в ближайшем будущем она станет лучше. Этот оптимизм, подогреваемый сталинской пропагандой, порождал трудовой и гражданский энтузиазм, отчетливо проявившийся в массовом движении "ударников" и "стахановцев", в праздниках и торжественных демонстрациях, ликующие участники которых пели: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!". Такой энтузиазм в немалой степени питался тем, что в сфере образования, здравоохранения и других социальных служб преобладали социалистические признаки общедоступности и бесплатности. Отсутствовала информация о нарушении принципов социалистической оплаты труда, о различных привилегиях для "номенклатуры", о масштабе репрессий и т.п.

В 1952 г., когда восстановление народного хозяйства, пострадавшего в ходе войны против гитлеровской Германии, было в основном завершено, И.Сталин написал брошюру "Экономические проблемы социализма в СССР". В ней Сталин заявил, что для перехода страны к коммунизму нужно осуществить по крайней мере три основных условия. Первое из них состоит в том, чтобы "обеспечить... непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства". Второе — "поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение... заменить системой продуктообмена". Третье — "добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей"[9]. Никаких сроков для реализации таких условий намечено не было. Спустя 10 лет после этого новый первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров Н.Хрущев на XXII съезде партии заявил, что главная задача по построению коммунизма состоит в том, чтобы занять первое место в мире по объему производства на душу населения. А принятая на съезде новая Программа КПСС кончалась словами: "Партия торжественно провозглашает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!" О том, чем кончилась эта хлестаковщина, речь пойдет далее.

Характеризуя период сталинизма, многие исследователи игнорируют в той или иной степени достигнутые в то время успехи в социально-экономическом и культурном развитии страны и концентрируют внимание на проведенных в то время массовых репрессиях против ее граждан, усматривая именно в этих репрессиях сущность сталинизма. Основную причину таких репрессий зачастую видят в жестоком характере И.Сталина, в параноидальных отклонениях его психики. Отнюдь не сбрасывая такие факторы со счета, следует однако разобраться в этом более основательно.

Отмечу прежде всего, что практика жестоких массовых репрессий была развернута еще при В.Ленине и во многом обоснована им самим. Напомню в связи с этим его установку относиться к непролетарским слоям российского общества как к "вредным насекомым", его поддержку системы расстрела заложников и т.п. В 1922 г., когда разрабатывался первый Уголовный кодекс Российской Федерации, Ленин дал наставления наркому юстиции Д.Курскому расши-

[9] Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952. с.66-67

рить число статей этого Кодекса примерно вдвое, в первую очередь за счет статей, предусматривающих высшую меру наказания — расстрел. Он пишет: "Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире (! — *В.К.*), ибо только революционное правосознание и революционная совесть представят условия применения на деле, более или менее широко". Для статьи УК, предусматривающей расстрел за пропаганду и агитацию, "способствующую" контрреволюционной деятельности международной буржуазии, Ленин предложил формулировку "содействующие или способные содействовать...", расширяющие ее рамки до произвольного толкования и применения[10].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в первом советском Уголовном кодексе в отличие от дореволюционной практики "политические" преступления были объединены с уголовными, что, как ни странно, совпало с одной из установок "Сионских протоколов": "Чтобы снять престиж доблести с политического преступления, мы посадим его на скамью подсудимых наряду с воровством, убийством и всяким отвратительным и грязным преступлением. Тогда общественное мнение сольет в своем представлении этот разряд преступлений с позором всякого другого и заклеймит его одинаковым презрением"[11]. Впрочем, получилось еще хуже, и советские политические преступники, т.е. люди в большинстве своем несправедливо обвиненные в каких-то прегрешениях против существовавшего режима, были облыжно заклеймены названием "враг народа", и в местах заключения оказались на более низком статусе, чем обычные уголовники.

В начале данной монографии уже говорилось о важности роли личности в истории. Однако было бы большим упрощением считать, что массовые репрессии в советское время были преимущественно обусловлены вначале жестокими чертами характера В.Ленина, а затем еще более жестоким характером И.Сталина. Для таких репрессий были и более глубокие причины, определенные религиозной сущностью социалистической идеологии, фанатизмом ее последователей, жестоким отношением к инакомыслящим как к сектантам или иноверцам и т.п. Эта тематика, почти совершенно не освещенная в советской науке, заслуживает отдельного рассмотрения, а потому ограничусь лишь одним высказыванием крупного русского философа Н.Бердяева, который в статье "Социализм как религия" (1906 г.) писал "Социалистическая религия ни в прошлом, ни в настоящем не видит ничего самоценного; теперь для нее никто и ничто не есть цель, все — лишь средство для будущего... Сам пролетариат, обожествляемый пролетариат — тоже средство для будущего, для завоевания социалистического общества. Но и всякий последующий шаг человеческого существования будет мыслиться не как цель сама в себе, не как ценность, которую нужно глубоко пережить, а как средство для дальнейшего будущего... Человек признается средством для грядущего человечества, затем и грядущее человечество — средством для еще более далекого сверхчеловеческого существования и в последнем счете — для сверхчеловека, для земного бога. Этот грядущий земной бог... и есть святыня социалистической религии, во имя которой приносятся кровавые человеческие жертвы, жертвуя длинным рядом поколений"[12].

После смерти В.Ленина, в период расцвета НЭПа, репрессивные органы, прежде всего возникшее на месте ВЧК Объединенное Государственное политическое управление (ОГПУ) — основной орган государственной безопасности — не форсировали свою деятельность. Однако развернувшиеся внутрипартийные дискуссии нагнетали атмосферу нетерпимости. Очень показательно в этом отношении выступление на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) депутата А.Гусева,

---

[10] Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.45, с.190-191

[11] Сионские протоколы. М. 1993. с.61

[12] Бердяев Н. Социализм как религия. Вопросы философии и психологии. 1906. Кн.5. с.576-579

который сказал: "Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т.е. смотреть и доносить... Если мы от чего-то страдаем, то не от доносительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз мы начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать дружбу, но идти дальше — на доносительство"[13]. Насколько можно понять, Гусев как партийный работник среднего звена, призывая доносить на своих близких, говорил не по подсказке, а от души, и эту его установку разделяла численно преобладавшая часть делегатов съезда. Это свидетельствует о том, что эпидемия доносительства, поразившая в середине 1930-х гг. советское общество, имела давние корни.

Число репрессированных в Советском Союзе во второй половине 1920-х гг. росло довольно медленно. По имеющимся данным в 1930 г. в местах лишения свободы (тюрьмах и лагерях) находилось около 300 тыс. человек, из них в лагерях особого назначения ОГПУ (около Сыктывкара и на Соловецких островах) — около 100 тыс. человек. Отмечу, что в этом году Российские и другие республиканские НКВД были упразднены, а в середине 1934 г. было создано общесоюзное НКВД с включением в него Комитета Государственной безопасности. Общее число заключенных на 1934 г. составляло около 500 тыс. человек; через год оно увеличилось вдвое — до более 1 млн. человек[14]. Однако в приведенные цифры не входят многие сотни тысяч "кулаков" (и "подкулачников"), которых было решено уничтожить "как класс" в ходе коллективизации. Какая-то часть этих зажиточных крестьян за активное сопротивление при экспроприации их хозяйств была расстреляна, а основная масса была выслана с семьями на поселение в малообжитые районы европейского Севера и Сибири. По опубликованным в последние годы архивным материалам НКВД численность "спецпоселенцев" составила на 1932 г. — 1,3 млн. человек; за период до 1939 г. на спецпоселение было направлено еще около 1,5 человек, но по состоянию на начало 1939 г. их численность — лишь 0,9 млн. человек, причем убыль в результате смертности в тех местах составила 356 тыс. человек[15]. Если учесть высокую смертность отправленных на поселение крестьян в пути следования, то общие потери их вследствие преждевременных смертей можно оценить в 0,7-1,0 млн. человек.

Во главе общесоюзного НКВД был поставлен Генрих Ягода (Енох Иегуда), сильно продвинувшийся в своей карьере после женитьбы на племяннице Я.Свердлова; за участие в строительстве силами заключенных Беломорско-Балтийского канала он в 1932 г. был награжден орденом Ленина, а в 1935 г. он получил маршальское звание Генерального комиссара Государственной безопасности. Для оправдания существования своего Комиссариата Ягода сразу же развернул бешеную деятельность по выявлению и обезвреживанию многочисленных якобы врагов Советской власти, которые при нем получили кличку "врагов народа". При нем в практику работы следственных органов вошли изощренные пытки, угрозы (да и практика) применения репрессий к родственникам арестованных и другие методы воздействия, с помощью которых их вынуждали называть как можно больше фамилий "соучастников", чтобы иметь возможность в дальнейшем подвергнуть репрессиям еще более широкий круг граждан. С этой целью использовались и участившиеся доносы из корыстных побуждений, например на соседей, чтобы затем захватить их жилплощадь. Именно Ягода руководил подготовкой открытого судебного процесса над недавними высшими партийными и государственными деятелями во главе с Г.Зиновьевым и Л.Каменевым по обвинению их в заговоре против Советской

---

[13] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. 1925. с.601

[14] Некрасов В. Тринадцать "железных наркомов". М. 1995. с.141

[15] Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД и МВД СССР) // Социальные исследования. 1990. № 11

власти, в убийстве члена Политбюро С.Кирова и подготовке якобы убийства И.Сталина.

В апреле 1936 г. Г.Ягода был снят со своего поста и вскоре арестован. Его место занял еще менее образованный Н.Ежов, который придал уже почти отлаженному репрессивному аппарату еще большую мощность. В 1937 г. состоялись три больших судебных процесса, среди которых наиболее важным в политическом отношении был суд над Н.Бухариным и А.Рыковым с их сторонниками, а наиболее болезненным для страны — суд над многими руководителями Красной Армии: первым заместителем наркома обороны маршалом М.Тухачевским, командармами И.Якиром и И.Уборевичем и др.; несколько позже были арестованы и расстреляны маршалы В.Блюхер и А.Егоров, командарм Г.Штерн и сотни командиров полков, бригад, дивизий и корпусов, что буквально обезглавило большинство частей Красной Армии, подорвало ее боеспособность. При Ежове были созданы десятки новых лагерей для принудительного труда заключенных на Севере европейской части страны, в Сибири и на Дальнем Востоке, особенно в районе Колымы.

В конце 1938 г. Н.Ежов, подобно его предшественнику, был снят со своего поста, а через несколько месяцев арестован за проведение якобы шпионажа в пользу иностранных разведок, подготовку террористических актов и т.п. Его место занял грузин (мегрел) Л.Берия, сделавший свою карьеру главным образом на партийной работе в Закавказье, но проработавший некоторое время и заместителем Ежова. Массовые репрессии при Берии развернулись главным образом в предвоенные годы, когда были приняты драконовские законы против нарушителей трудовой дисциплины. Много репрессированных было в военные и послевоенные годы, причем среди них следует особо выделить две категории. Одну из них составили так называемые "репрессированные народы", прежде всего немцы, жившие на территории европейской части СССР (около 1,3 млн. человек); во избежание возможного сотрудничества с гитлеровской Германией все они в начале войны были выселены на восток — преимущественно в северные области Казахстана и на юг Западной Сибири. После освобождения в 1943-1944 гг. временно оккупированных областей на юге европейской части страны некоторые местные этносы — калмыки, ингуши, чеченцы, карачаевцы, балкарцы и крымские татары — были обвинены в сотрудничестве с немецкими войсками и выселены полностью, включая стариков, женщин, детей и даже активных участников борьбы против оккупантов — преимущественно в Южный Казахстан и Среднюю Азию. Все это, как и в случае выселения с конца 1920-х гг. "кулаков" и "подкулачников", сопровождалось массовой смертностью от лишений в пути и местах поселений. Другую категорию репрессированных составили сотни тысяч советских бойцов, оказавшихся в плену у гитлеровцев, сумевших выжить там в концентрационных лагерях, а затем отправленные в сталинско-бериевские лагеря по обвинению в предательстве и "измене Родине". Многие из них погибли, так и не дожив до реабилитации.

(Продолжение следует)

Публикуется впервые

КАЗАЧЬИ ХОРЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

" ...Ни одна книга не даст иностранцу так много для познания всей сущности России, как русская песня в исполнении русских". Так писал по поводу концертов донских казаков в Германии немецкий музыкальный критик доктор Капп в 1928 году.

Песни русских казаков вобрали в себя русскую душу, воплотили широкое национальное начало, показали иностранцам то, что привольно накапливалось сотнями лет на родной земле.

За границей в настоящее время находится три русских казачьих хора:

1. Донской хор, 2. Кубанский хор и 3. Хор им. атамана Платова. Все они пользуются вполне заслуженным успехом и популярностью. Но особенно большой известностью пользуется хор донских казаков под управлением С.А.Жарова. Начало своего существования хор положил в ноябре 1920 года в Турции. В мае 1921 года донской хор переехал в Болгарию, в Софию, и начал свою деятельность в русской посольской церкви, оставаясь там до выезда в Европу.

На донской хор было обращено серьезное внимание русской балерины П.П.Карсавиной, которая подала мысль хору о концертной работе и в Европе. Благодаря ее содействию хор получил возможность и средства для выезда за границу. Заграничные концерты донского хора начались 4 июля 1923 года в Вене. За годы концертной работы хор посетил государства Европы: Австрию, Венгрию, Германию, Голландию, Бельгию, Францию, Италию, Швейцарию, Балканские, Скандинавские и Балтийские государства, а также Америку, Австралию и Новую Зеландию.

Донской хор получил одобрение, указания и самые лучшие пожелания видных музыкальных деятелей: С.В.Рахманинова, Ф.И.Шаляпина, П.П.Карсавиной, Анны Павловой, итальянского композитора Пуччини и многих других. Концертные поездки казачьих хоров превратились в сплошной триумф русского искусства за границей. Для казачьих концертов везде предоставлялись лучшие концертные залы и оперные театры. Концерты посещались людьми всех сословий, неизменно бывали на концертах и представители дипломатического мира.

Казаки в своих концертах добились такого высокого совершенства, что остается только удивляться и восхищаться. Критиковать нечего: предел человеческих возможностей достигнут. Поставлены хоры отлично. Подбор голосов великолепный. Звучность и мощность хоров прекрасна. Во главе донского хора стоит дирижер Сергей Жаров. Он глава и душа своего дела, и своими большими художественными достоинствами хор обязан Жарову, этому маленькому ростом человеку, но крупному артисту, музыканту и организатору.

В Германии донцы гастролировали во всех крупных городах. Их концерты имели большой успех и публика принимала казаков очень тепло. В 1928 году, 19 января, в Кенигсберге состоялся прощальный концерт донского хора. Фельдмаршал Макензен, присутствовавший на всех концертах хора, явился в парадной форме и, по окончании второго отделения, поднялся на эстраду и обратился с речью к дирижеру Жарову:

"Я рад приветствовать достойных и благородных противников, выступавших на бранных полях Галиции, а теперь покоряющих нас в этом блестящем концертном зале. От всей души и чистого сердца я желаю вам дальнейшего успеха и новых мирных завоеваний".

После речи фельдмаршал крепко пожал руку Жарову под бурные сочувственные аплодисменты публики.

Донцы, выступая с концертами по Германии, дали много концертов, сбор с которых поступил в пользу германской зимней помощи.

Интересный еще отзыв знаменитого итальянского композитора Пуччини о хоре донских казаков. Осенью 1923 года в Милане, где до казаков состоялись концерты двух лучших итальянских хоров — оперного и академического, Пуччини необычайно лестно отозвался о выступлении хора казаков и отдал ему пальму первенства перед итальянскими хорами. Итальянская печать, между прочим, сообщила, что плясовые мотивы и пляска казаков привели Пуччини " в исключительный восторг, так как эти песни с пляской являют собой большую музыкально-пластическую проблему"

Вот уже много лет, как русские казаки "донцы", "кубанцы" и "платовцы" с русской песней объезжают по всем странам мира, прославляя русское искусство.

"Русский народ, по-видимому, в самом начале своего существования, во всех своих сословиях рос среди магического обаяния народных песен" Так писал много лет тому назад большой знаток фольклора, музыкальный деятель профессор Вестфаль. И вот теперь русская песня, благодаря казачьим хорам, завоевала весь мир.

Из немецких архивов

Право первой публикации — В.М.Шаповалов

УЧАСТЬ СЕМЬИ ДОСТОЕВСКОГО

Сотрудник румынской газеты "Ильянца Геммер" посетил в 1943 году (во время оккупации Крыма немецкими войсками) жившую в Симферополе невестку великого писателя Екатерину Петровну Достоевскую. Она рассказала, что в последние годы войны (I мировой) вплоть до Октябрьской революции проживала вместе с женой и сыном покойного писателя в Петербурге. Доходы от изданий произведений Ф.М.Достоевского и правительственная пенсия давали возможность жить безбедно.

Но Октябрьская революция принесла с собой нищету и преследования. Мы должны были бежать из Петрограда. Жена Ф.М.Достоевского поселилась в Крыму на даче, недалеко от Ливадии, а сын поехал в Москву, надеясь спасти что-либо из состояния, вложенного в банки. Анна Григорьевна Достоевская, жена писателя, была выселена большевиками из своего имения после поражения Врангеля. Дом был сожжен, а она должна была нищенствовать. Старые друзья семьи Достоевского встретили ее на улицах Ялты и поселили в небольшой чердачной комнате, но не могли поддерживать долгое время, так как сами не располагали средствами. Она вынуждена была просить милостыню и умерла от истощения. Ее похоронили вместе с другими нищими в общей могиле.

Судьба Екатерины Достоевской была немногим лучше. Ее дом был также сожжен, но ей все же удалось найти работу и кое-как существовать в небольшой лачуге. Ее муж, единственный сын Федора Михайловича Достоевского, долгое время скрывался в предместьях Москвы, чтобы не быть высланным. Здесь его нашел бывший управляющий его отца, который поддерживал его как мог. В течение трех лет сын Федора Михайловича Достоевского вел жизнь бездомного бродяги и умер совершенно истощенным от тифа.

Из немецких архивов

Право первой публикации — В.М.Шаповалов

Наши публикации

ВАЛЕНТИН БАБИНЦЕВ

Валентин Павлович Бабинцев родился в 1955 году в деревне Кузьминская Кировской области.

В 1977 году закончил историко-филологический факультет Горьковского (ныне Нижегородского) университета, в 1982 году — аспирантуру Института философии (Москва). Преподавал в Горьковском политехническом институте, Белгородском кооперативном институте. В настоящее время работает зав.кафедрой экономической теории и политологии Белгородской государственной сельскохозяйственной академии.

Кандидат философских наук. Академик Российской академии гуманитарных наук.

Автор более ста работ по философским, социологическим и политологическим проблемам. Печатался в журналах "Молодая гвардия",(Москва) "Политический собеседник" (Минск), "Наш выбор" (Научно-политический журнал регионов), в сборниках Института молодежи (Москва), во многих газетах.

"Еврейский вопрос" в течение многих столетий остается одной из наиболее острых социальных проблем. И сегодня трудно найти издание, которое не высказалось бы по тому или иному аспекту данной темы. Разрабатываются различные теории, позволяющие осмыслить содержание "еврейского вопроса", предлагающие реалистические и утопические варианты его разрешения. Между тем, в истории общественной мысли России, возможно, в значительно большей степени, чем где-либо еще, предпринимались попытки создать концепцию "еврейского вопроса", объяснить причины его исключительного значения не только для российского государства, но и для всего человечества. Сегодня они вызывают огромный интерес, в том числе и потому, что своеобразное философское возрождение сделало творчество некоторых ранее забытых авторов феноменом нынешней духовной жизни. Их

теоретические исследования "еврейского вопроса" все более привлекают внимание ученых и публицистов.

Мы предлагаем Вашему вниманию монографию белгородского автора В.П.Бабинцева "Москва и Иерусалим. Русские мыслители XIX — начала XX вв. о "еврейском вопросе". Она посвящена анализу взглядов на "еврейский вопрос" и пути его разрешения таких популярных сегодня философов как Вл.С.Соловьев, В.В.Розанов, Н.А.Бердяев, И.С.Аксаков и других авторов. Рассматривая их, В.П.Бабинцев предлагает читателям не только свое понимание "еврейского вопроса" как особого рода социального конфликта, характеризующего взаимодействие различных цивилизаций и культур, но и рисует общую картину российско-еврейского взаимодействия в истории.

МОСКВА И ИЕРУСАЛИМ

Русские мыслители XIX — начала XX вв. о "еврейском вопросе"

ВВЕДЕНИЕ

В 1862 году известный социалист, последователь Гегеля и Фейербаха, наставник Маркса, называвшего его "мой коммунистический рабби", Мозес Гесс (1862-1875) опубликовал книгу "Рим и Иерусалим". Подобно брошюре "Манифест Коммунистической партии", принадлежавшей наряду с Энгельсом и его ученику (К.Марксу), книжица М.Гесса, по словам одного из ее издателей, вызвала исключительный общественный резонанс главным образом в еврейской среде. Ее сравнивали с камнем, брошенным в "мертвенно-спокойный, затянутый трясиной пруд еврейской общественности" и вызвавшим "круги и водовороты". Название книги глубоко символично, поскольку в нем подчеркивается одновременное противостояние и взаимосвязь священного города на Тибре и библейской столицы у горы Мориа. Противостояние и взаимосвязь, отражающие глубинные исторические, культурные и социально-политические процессы.

История свидетельствовала: именно римский император Тит в 70 г. после рождения Христа разрушил Иерусалим, а вместе с ним и второй иерусалимский храм. Но, очевидно, никогда плоды военной победы не были для римлян столь ничтожны и, в конечном счете, обращены против победителей, как в данном случае. Расселившиеся (многие еще до разрушения второго храма) по всей территории Римской империи иудеи продолжали играть исключительную роль в экономике и политике. Иерусалим, проиграв войну, выиграл неизмеримо большее: доступ к рычагам власти. Историки, говоря о могуществе иудеев в Римской империи — от столицы до провинции — обыкновенно ссылаются на Страбона. Он писал: "Они захватили все города, и трудно назвать место на земле, где бы не было этого племени, или, лучше сказать, которым оно не завладело бы. Египет, Киренаика и много других стран переняли их нравы, тщательно соблюдают заповеди их и извлекают большие выгоды из принятия их национальных обычаев. В Египте им разрешено жить на законном основании, и им предоставлена большая часть города Александрии; там у них свой этнарх, который управляет их делами, творит правосудие, наблюдает за исполнением договоров и завещаний, как будто бы он был главою государства."

Но сиюминутные политические успехи, как показала история, не были главными в противоборстве Рима и Иерусалима. Гораздо большее значение имели в нем идеологические, духовные аспекты, продолжающие сказываться и сегодня. Известна легенда, связанная с деятельностью талмудиста Иохонана бен

Заккая, ученика рабби[1] Гиллеля[2]. Во время восстания зелотов, следствием которого и явилось разрушение Иерусалима, предвидя неизбежное поражение, бен Заккай решил сделать все для спасения иудейской духовной традиции. Помогла хитрость. По осажденному Иерусалиму разнесся слух: "Бен Заккай скончался!" Поскольку по закону мертвое тело не может находиться в Святом городе всю ночь, останки рабби были пронесены его учениками через караулы в стан римского полководца. И здесь великий талмудист восстал из гроба, поскольку его смерть была инсценировкой. Бен Заккаю удалось выпросить разрешение на открытие в Явне (Ябне, Ямнии) школы талмудистов, где она и начала работать, благополучно пережив впоследствии падение Иерусалима. В "Лекциях по иудаизму для начинающих" Г.Вассерман так оценивает значение дела бен Заккая, перехитрившего Веспасиана:

"Гордому римлянину не могло прийти в голову, что в своей маленькой школе великий мастер начнет ковать могучее духовное оружие, которое окажется прочнее и долговечнее римского железа, которое даст возможность побежденному Израилю восторжествовать над римским копьем, исламской саблей, щитом крестоносцев."

Добавим ли мы в этот ряд повергнутых иудаизмом соперников и "московское копье", казалось бы, столь победоносное в руке Святого Георгия? Вопрос, поистине, не праздный. И ответ на него не может быть однозначным и тем более односложным. С одной стороны, продолжив традиции "первого" и "второго Рима", объявив себя "третьим", Москва (не геополитическое, но духовное образование) оказалась столь же уязвимой для иудейской экспансии. Это сознавали наши предки в лице своих выдающихся мыслителей, в частности, Ф.М.Достоевского и В.В.Розанова. Это ощущают и современники:

Твои воды одеты в гранит,
Поезда бороздят твое лоно.
И зловещие тайны хранит
Пятикнижье стекла и бетона.
Ю.Кузнецов

Пятикнижье — сиречь, главная священная книга иудаизма Тора — возведенное на территории Москвы в физическом и духовном смысле — на Калининском проспекте в виде пяти высотных зданий, напоминающих по форме открытые книги — это ли не реальное свидетельство поражения, преклонения перед мощью традиции, идущей от Иерусалима и Явны? И все же что-то мешает однозначно и утвердительно ответить на этот вопрос. Есть во взаимодействии Москвы и Иерусалима и другая сторона.

Оба центра, хотя они и были носителями противоположных духовных традиций, непримиримых ценностей, каким-то мистическим образом оказывались в течение длительного времени и пространственно, и мыслительно связанными друг с другом, неразрывно соединенными, подобно двум полюсам магнита, двум постоянно и непримиримо враждующим супругам. О характере связи бытовали различные предположения, но она не могла не бросаться в глаза. В.В.Розанов был близок к истине, когда писал: "Я люблю русских, и мне не антипатичны евреи. Я думаю, между этими племенами, в отдельности очень несчастными, гонимыми извне и угнетенными у себя дома, есть какое-то сочувствие и тяготение, какого, например, явно нет между русскими и немцами, да даже между русскими и французами. В этом взаимном тяготении, взаимной симпатии, которая для меня очевидна, несмотря на погромы, мне мерещится

---

[1] ***Рабби*** *— буквально "мой учитель", почетное обращение к мудрому наставнику, мастеру.*

[2] *Гиллель, бен Заккай, Акиба бен Иосиф и другие мудрецы I-III вв. н.э. почитаются в иудаизме как величайшие учителя и наставники (таннаи, таннаиты). Авторитет их огромен, а дела и поступки имеют не только историческое, но и символическое значение для современного еврейства. Потому-то, даже рассматривая "еврейский вопрос" сегодня, мы всегда будем вынуждены заглядывать в прошлое, к сожалению, неизвестное большинству современников.*

многое исторически значительное... Я думаю, от смешения этих двух кровей произойдет гениальное... Но, как и всегда в супружестве, связь должна быть обоюдосторонняя: мы, русские, должны многое взять у евреев, например, их семейное целомудрие, верность, их половую чистоту, доведенную до щепетильности..."

И Вл.Соловьев, исключительно много интересовавшийся евреями, считал многозначительным, заслуживающим особого внимания характер русско-еврейской связи, то есть, все той же пары Москва — Иерусалим. Для него было очевидным — судьба "еврейского народа" связана с Россией и Польшей, и этот фактор "предсказывает *будущее* судьбы иудейства: окончательное восстановление его религиозного значения". Возможно ли сегодня просто отмахнуться от предсказаний мыслителей прошлого? Да, идеи Вл.Соловьева — лишь одно из направлений подхода к "еврейскому вопросу" в России. Были и другие. В том числе и то, что отличалось особой непримиримостью, крайней юдофобией. Сторонники его, в прошлом (например, А.С.Шмаков, С.А.Нилус и другие), находили в действительной жизни угрожающие знаки победы Иерусалима, подчинения Москвы его влиянию. И нельзя сказать, что их предупреждения и прогнозы были чистейшей воды вымыслом. Порой поражаешься обратному: насколько верно предугадали они ход событий.

Скажем, адвокат А.С.Шмаков в свое время предупреждал: создание еврейского государства в Палестине станет фактором, существенно осложняющим обстановку в мире; на него будет работать вся экономическая мощь Запада, все, или почти все, западные политические лидеры. Он писал: "Можно ли сомневаться, что с восстановлением царства иудейского в Иерусалиме кагал не замедлит объявить всех единомышленников своими подданными этого царства, т.е. *иностранцами* повсюду, где бы они не находились. А что касается покровительства им, то и без грозной армии обойдется еврейство. К его услугам армии и флоты гоев[3], а с другой стороны шрапнель купонов, гранаты облигаций и бомбы государственных займов помогут Израилю не хуже самой дальнобойной артиллерии..." Последующие события, как в нашей стране, так и во всем мире дали новые подтверждения правоты юдофобов. Так, революция 1917 года привела к власти в России главным образом выходцев из еврейства, чьими руками и осуществлялись первые объявленные социалистическими преобразования. И хотя судьба этих людей была различной (многие из них погибли в 30-40-е годы), привнесенные в область духовного развития Москвы (России) идеи продолжают существовать. Да и сама еврейская по происхождению интеллигенция сохраняет влияние на развитие страны.

Вряд ли поэтому следует считать случайным то повышенное внимание, которое в духовном и политическом развитии России занимает "еврейский вопрос" — тема присутствия Иерусалима и взаимодействия с ним. Но все же исключительное значение ее не может быть сведено лишь к противостоянию и противоборству. Духовное влияние, своего рода "клеймо Иерусалима" ощущается буквально во всем, что окружает нас, что воспринимается порой как исконное, естественно присущее Москве, как наша историческая традиция. Можно спорить: почему так? То ли многовековое сосуществование с еврейством, добровольный или вынужденный брак с ним не прошел бесследно? То ли действительно, по В.В.Розанову, в самой природе русского этноса есть черты, сближающие его с иудейством? А возможно, существованием "клейма" мы обязаны однажды принятому и не переработанному до конца, в полной мере не адаптированному к этнической сути Руси христианству. Полезно, кстати,

---

[3] Гоями в иудаизме принято именовать неевреев, вкладывая в этот термин презрительный оттенок. Правда, в сочинениях апологетов иудаизма порой можно встретить, что это презрение не относится к христианам. Однако, практика свидетельствует об обратном, и можно согласиться с Н.Бердяевым: "Христианин по своей природе язычник (обычный взгляд евреев)". Скорее всего, говорить о якобы присущем иудаизму различении христиан и язычников заставляло стремление избежать проявлений ответной враждебности.

вспомнить, что такой мыслитель, как К.Маркс, видел в христианстве завершенную практику иудейства: "Христианский эгоизм блаженства необходимо превращается, в своей завершенной практике, в еврейский эгоизм плоти, небесная потребность — в земную, субъективизм — в своекорыстие".

Недостатка в вопросах, как и в ответах на них нет. И отрадно сознавать, что русская общественная мысль накопила бесценный опыт изучения "еврейского вопроса". В особенности это относится к наследию писателей и философов XIX — начала XX веков. И хотя до последнего времени об этом редко вспоминали, тема Москвы и Иерусалима в свое время была больным местом мыслящей интеллигенции России. Сегодня полезно вспомнить, кто и как оценивал содержание "еврейского вопроса". Тем более, что многие из мыслителей прошлого стали кумирами настоящего. И в сложных взаимоотношениях Москвы и Иерусалима цитаты из их произведений служат делу идейной, и не только идейной, борьбы. Однако. даже самый популярный разбор взглядов российских мыслителей в данной области необходимо предварить своего рода историко-философскими очерками. Причина тому — наша ужасающая историческая безграмотность, особенно проявляющаяся в области русско(российско)-еврейских отношений.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
МЕЖДУ ЗАКОНОМ И БЛАГОДАТЬЮ
(Предыстория вопроса)

"Среди нас "бродят" евреи, это — типично — "бродячее племя", "странствующее племя"... "Паразит" около "животного" есть тот, кто поедает его..."
(В.В.Розанов. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови).

В этой книге противоречивое единство Москвы и Иерусалима рассматривается лишь через призму общественной мысли XIX и XX веков. Впрочем, и этот срок непомерно велик для одного сочинения, и я вынужден писать лишь о наиболее значительных событиях и тенденциях. Однако такая постановка проблемы уже таит в себе опасность: ибо как избежать непонимания или искаженного представления, о чем (или о ком) идет речь? Евреи долгое время, словно по чьему-то злому, сатанинскому умыслу, часто ускользали не только от взоров "просвещенной общественности", но и от профессиональных историков. Происходило нечто странное. Историки свидетельствовали о зримых результатах еврейской деятельности, равно как и об отношении (далеко не всегда дружественном) к ним со стороны коренного населения. Но о тех, кто был причиной многих общественных катаклизмов, кто вызывал столько эмоций и действий, люди оставались в почти полном неведении.

Сложнейшую ситуацию опять-таки точно подметил Ю.Кузнецов:

Зримое вам отдаю по закону.
В чем сомневаться не след.
А пресловутому роду людскому
Я докажу, что вас нет.

Поэт вкладывает это обещание в уста Сатаны (Люцифера). И действительно, зловеще выглядит по своему замыслу операция по изъятию из общественного исторического сознания русско-еврейской проблемы. Операция, свершившаяся несколько десятилетий назад и завершившаяся успехом настолько полным, что поневоле приходится признать недюжинную хитрость

людей, ее спланировавших и осуществивших. Следствием произведенной кастрации ныне является то, что воспитанный на совершенно лишенной "еврейского следа" отечественной истории гражданин склонен воспринимать любые попытки восстановить истину в своих правах как отклонение от нормы. В лучшем случае они расцениваются как чудачество, в худшем — как "антисемитизм", юдофобия [4] — враждебность к евреям.

Следовательно, нам необходим хотя бы краткий экскурс в предысторию проблемы. Впрочем, попытки обратиться к ее истокам уже предпринимаются. Одна из них связана с именем этнолога Л.Н.Гумилева и его книгой "Древняя Русь и Великая степь", получившей широкую рекламу. Впрочем, заслугой этнолога можно считать разве что воспроизведение давнего вывода многих российских историков: русско-еврейские связи восходят к взаимоотношениям Древней Руси и Хазарии в IX — X вв. К тем временам обязаны обратиться и мы, хотя, на первый взгляд, это может показаться излишней натяжкой. Киевская Русь, безусловно, не тождественна Московской (Московии) во многих отношениях. Однако завязка противостояния Москвы и Иерусалима относится именно к этому периоду. И, несмотря на все географические несовпадения, политические и этнические перемены, участники его в XIX и XX вв. сохранили от своих предшественников главное. Россия новейшего времени жила в основном в той же духовно-ценностной системе координат, что утвердились с принятием православия, вобравшего в себя элементы язычества. Евреи XIX и XX столетий при всех дифференциациях, реформациях, попытках политизации иудаизма продолжали кружить вокруг все того же духовного ядра, которое оформилось в талмудический период этой религии[5]. Они продолжали пить из прежнего источника, пытаясь лишь влить старую жидкость в новые, приготовленные временем сосуды.

---

[4] *Следует сразу оговориться относительно употребления обоих терминов, из которых первый ныне широко распространен, а потому кажется незыблемым (отмечу, кстати, эту удивительную черту современного общественного мнения, для которого истинным является общепринятое, а главным аргументом формула: "Все так считают!"). Но именно второй термин "юдофобия" точно схватывает суть явления — вражду к евреям (иудеям), неприятие их. Он обыкновенно и использовался в прошлом. Но в конце XIX столетия довольно неожиданно стало популярным понятие "антисемитизм", изобретенное, как утверждают, В. Морром. Но что, собственно, оно обозначает? "Антисемитизм" — неприятие семитов, то есть людей, разговаривающих на языках, относящихся к семитской (семито-хамитской) группе. Скажем, арабов. В отношении же определения вражды к евреям термин просто абсурден. Если древние евреи были по языку семитами, то их духовные восприемники — иудеи средневековья и нового времени — говорили на любых наречиях кроме семитских. Семитский язык иврит сохранялся как язык богослужения и был абсолютно непригоден для повседневного использования. И только в XIX веке его принялись искусственно оживлять. Пионером возрождения иврита стал Элиэзер Ицхак Перельман (бен-Иегуда). В конце прошлого века он и его жена были единственными, кто мог говорить на иврите в повседневной жизни. Рассказывают, что когда первая жена бен-Иегуды ждала ребенка, он обратился к ней с такой речью: "Дебора! После перерыва почти в две тысячи лет первой говорящей на иврите матерью станешь ты. А наш ребенок будет первым за много столетий, кто, родившись, услышит лишь прекрасное звучание нашей древней речи. Дай мне торжественную клятву, что ты воплотишь эту мою мечту... Пока наша борьба не получит признания, мы должны оградить наше дитя от смешения языков и диалектов диаспоры. Это важнее, чем все мои писания, ибо такой пример вдохновит нашей идеей все еврейство".*

[5] *Основные догматы иудаизма, как известно, изложены в двух сочинениях — Торе, представляющей собой пять первых книг Ветхого завета (под названием Танах он тоже является священным для всякого верующего), и Талмуде — многотомном сборнике комментариев к Торе, составлявшимся таннаитами в течение столетий. Формально Тора является главной священной книгой и одновременно символом иудаизма (потому-то Ю. Кузнецов пишет о "пятикнижьи стекла и бетона"), но на деле в еврейской жизни Тора была отодвинута на второй план, и премудрость евреи черпали из талмудических трактатов. Не случайно автор интересной книги "Психология еврейского духа" С. М. Меламед разъяснял: "Большинство талмудических евреев знает Библию (читай — Тору — В. Б.) из сентенций, которые приводит Талмуд". Поэтому еврейство (иудейство) — всегда талмудическое еврейство, что, впрочем, не следует трактовать как намек на наличие существенных различий между Торой и Талмудом. Но в Торе порой даны лишь принципы, а конкретизацией их занимались талмудисты. К тому же традиция утверждала, что наряду с явным смыслом в Торе зашифрованы знания, которые можно постичь с помощью особых приемов. Наконец, часть интерпретаторов Торы утверждала, что наряду с письменной Моисею была передана и устная Тора, передающаяся от поколения к поколению.*

Справедливости ради надо отметить, что даже специалисты расходятся во мнении относительно времени и путей проникновения на Русь носителей иерусалимской идеи и системы ценностей. И.Берлин в книге "Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства" насчитывал в свое время по меньшей мере десять распространенных гипотез, по-своему раскрывающих содержание этого поистине судьбоносного для российских народов процесса. Назову их.

Хазаро-тюркская, сторонники которой придерживаются идеи несемитского (нееврейского) происхождения не только российского, но и восточноевропейского еврейства. Их идея достаточно интересна и неожиданна для привыкшего к стереотипам человека, несмотря на то, что сформулирована была еще Э.Ренаном. Еврейские общины на этих территориях формируются из прозелитов (хазар, тюрков), потомки которых забывают в дальнейшем о своем нееврействе и искренне считают себя прямыми родственниками "колен Израилевых".

Босфоро-хазарская, объясняющая расселение евреев на территории Древней Руси проникновением их в хазарский каганат через босфорские поселения.

Хазаро-славянская, авторы которой (в частности Гумплович) усматривают в современных евреях потомков славян, находившихся в свое время под властью хазарского каганата и сохранивших иудаизм после его поражения и распада.

Скифская относит расселение евреев на территории будущей Руси к более раннему времени, к 1 тыс. до н.э. В данном случае их палестинское происхождение не подвергается сомнению.

Кавказская в лице ее сторонников связывает еврейскую иммиграцию с процессом, последовавшим после завоевания Израиля в VIII в. до н.э. ассирийским царем Саргоном II, в результате чего часть древних евреев бежала на Кавказ, где с VI в. до н.э. существовали еврейские поселения.

Босфорская предполагает, что еврейские поселения на территории будущей Руси (на юге) появились еще в III в. Их основали выходцы из еврейско-греческих поселений на Босфоре.

Персидская дает делу совершенно иной оборот. Согласно ей, евреи пришли из Персии в VII веке.

Византийская напротив связывает иммиграцию евреев на Русь с бегством их в VIII веке из Византии, в которой император Лев Исаврянин издал указ о принудительном крещении иудеев.

Западная указывает на гораздо более позднее прибытие евреев на территорию нашего Отечества. Защищавший ее историк Г.Гретц (и другие сторонники) рассматривал данный процесс как миграцию европейских евреев в XII — XIII вв.

Хазаро-еврейская относит появление евреев на Руси ко времени не позднее принятия здесь христианства с территории все той же Хазарии.

Как видим, историкам есть о чем спорить, привлекая данные археологии, топонимики, лингвистики и т.д. Не в моих целях выступать в качестве третейского судьи в их дискуссиях, если они будут продолжены после долгого перерыва. Но два обстоятельства невозможно не отметить. Во-первых, при всех расхождениях во мнениях большинство специалистов считали и считают, что иммигрировали евреи на Русь впервые из Хазарии. Во-вторых, ныне, судя по всему, число их сторонников увеличивается в связи с новейшими исследованиями, позволяющими отрицать генетическое родство древних евреев и евреев восточноевропейских, видеть в последних наследников хазарского каганата. Отдал дань такому подходу известный писатель А.Кестлер, книга, которого "Тринадцатое колено" у нас, к сожалению, в оригинале не известна. Однако с главными идеями ее нас познакомил израильский журналист Роберт Давид. Он пишет: "Хазары, принявшие иудаизм, были вытеснены из степей за запад, как до них — гунны, породившие венгерскую государственность.

Современные восточноевропейские евреи, то есть почти все евреи мира, — их потомки". Тельавивский профессор А.Поллак, автор монументального труда "Хазария" (его популяризировал Артур Кестлер в своем "Тринадцатом колене") доказал необоснованность легенд о приходе евреев в Польшу и Литву с Запада, из Германии. Хотя отдельные евреи приезжали и таким путем, целые общины не уходили на Восток даже во время Черной Смерти. Миграции с Запада не было — это можно считать доказанным фактом. Другой факт — присутствие иудеев на юго-западе России в конце первого тысячелетия нашей эры. Тогда части степи помечаются "Земля Жидовинская" на картах, а в былинах поется о "богатырях-жидовинах".

Далеко не во всем можно согласиться с журналистами и — если они точно излагают чужие идеи — с А.Поллаком и А.Кестлером. Скажем, Л.Н.Гумилев пытается восстановить историческую справедливость в отношении хазар, обращения которых в иудаизм, по его мнению, не было. Под именем хазар в свидетельствах современников, считает он, выступают все те же иудеи, господствовавшие в Хазарии.

Возможно, дело обстояло именно так. Историк С.А.Плетнева в книге "Хазары" склонна считать иудаизм религией части хазарской знати: "Принятие иудаизма каганом, царем и всей итильской знатью оторвало их от остальной хазарской аристократии, жившей в дальних провинциях, мало связанных со столицей, пользовавшейся весьма значительным влиянием в своих кочевьях и аилах, где она играла роль родовых старейшин". К тому же существует мнение о специфическом характере хазарского иудаизма. А.Г.Кузьмин подчеркивает, что "особый характер хазарского иудаизма вряд ли может вызывать сомнения. Он произрастал на несемитской почве и весьма причудливо географию Ближнего Востока переносил в Восточную Европу".

Историк, очевидно, имеет в виду то обстоятельство, что для иудеев всякая новая земля была ветхозаветной Палестиной, а народы, живущие рядом с ними автоматически в какой-то мере отождествлялись с племенами, упомянутыми в Торе. В частности, славян в иудейской литературе определяли как потомков ханаанских народов. А.Я.Гаркави, известный в прошлом специалист в области иудаики, разъясняет: "Славянский язык носит в средневековой европейской письменности название ханаанского языка, как вообще славяне, за исключением некоторых случаев, известны в ней под именем ханаанцев". Не в этом ли представлении следует искать истоки поражающих воображение фактов особой отчужденности евреев от славянского мира, которая не была преодолена веками современного проживания? Известно же, что именно в отношении ханаанских народов Тора предписывала особо жесткую политику.

Это касается, например, брачных союзов. Израильтянам Ветхий завет временно запрещал браки с идумеянами и египтянами, зато имело место полное запрещение с мужской стороны с аммонитянами и моавитянами, абсолютное — с ханаанитянами. Ханаанские народы представлялись худшими из идолопоклонников. Буквально же соблюдение закона иудеями не могло не повлиять в более поздние периоды истории на отношение к мнимым наследникам ханаанитян.

Но тонкости исторического характера в данном случае для нас не так уж важны. В конечном счете значим точно установленный факт: существенный контакт иудеев и Руси относится к IX — X столетиям, ко времени сосуществования Хазарского и Русского кагалов. При этом почти все, что связано с языческой духовной реакцией на контакт, относится к области догадок. Более прочные сведения датируются временем принятия и распространения христианства и несут на себе отпечаток православной идеологии.

Для нас важны несколько фактов, позволяющих выявить ответ Древней Руси на столкновение двух систем ценностей. Прежде всего широко известный летописный рассказ о выборе веры князем Владимиром. Рассказ относительно поздний и, как считают, у кого-то заимствованный. Но в основе его, очевидно,

лежат какие-то реальные факты. К тому же летописец отражает в нем принципиальную позицию не только столпов распространившегося ко времени создания рассказа христианства, но, вероятно, и христианской массы. Напомню, что, отвергнув ислам и католичество, князь Владимир не принял и иудаизма: "...Пришли хазарские евреи и сказали: "Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова". И спросил Владимир: "Что у вас за закон?" Они же ответили: "Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу". Он же спросил: "А где земля ваша?" Они же сказали: "В Иерусалиме". Снова спросил он: "Точно ли она там?" И ответили: "Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам". Сказал на это Владимир: "Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны: если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или нам этого же хотите?"

Даже если ничего и отдаленно напоминающего описанного в летописи на деле не происходило, легенда имеет огромное значение. Она демонстрирует позицию русских церковных идеологов в отношении евреев. Последние — "отвергнуты и рассеяны", бог их не любит, равно как и иудейский закон. Почему? Объяснение дает одно из наиболее известных "произведений древнерусской литературы "Слово о законе и благодати"[6] киевского митрополита XI века Илариона. Проблема иудаизма и отношение к нему занимает в "Слове" значительное место.

Перед Иларионом стояла задача, сопоставив иудаизм и христианство (а такое сопоставление было необходимым, ибо сами иудеи не упускали возможности подчеркнуть свое превосходство над христианами: "Веруют в того, кого мы распяли"[7]), доказывать истинность и превосходство веры своей. И он решает ее противопоставлением формального закона иудеев и божественной благодати христианства. Аллегорическим символом идеи послужила библейская история о женах Авраама — законной Сарре и рабыне Агари. Не имея сына от престарелой Сарры, Авраам, по ее совету, "вошел" к Агари, которая и родила Измаила. Однако вскоре забеременела и Сарра, разрешившаяся Исааком. Впоследствии сын рабыни и сам раб был изгнан во имя сына свободной. Сей поступок Авраама представляется Иларионом принципиально важным для понимания рассматриваемой им проблемы. Впрочем, представлю слово самому автору: "После же, когда Сарра увидела Измаила, сына Агари, играющего с сыном своим Исааком, увидела, что Исаак обижен Измаилом, сказала Аврааму: "Прогони рабу с сыном ее, ибо не будет сын рабыни наследовать сыну свободной!" После же вознесения Господа Иисуса, когда ученики и другие,

---

[6] *Полное название: "О законе, через Моисея данном, и о благодати и истине, которые были Иисусом Христом; и о том, как закон отошел и благодать и истина всю землю заполнили и вера на все народы распространилась и нашего народа русского достигла; и похвала кагану нашему Владимиру, который нас крестил".*

[7] *Отношение к христианам и к Христу представляет собой одну из наиболее уязвимых для критиков позиций иудаизма. Обыкновенно его апологетами утверждается, что иудеи к христианам и Христу лояльны, и все имевшие место появления враждебности — не более чем результат досадного непонимания и взаимных ошибок. Например, известный в прошлом специалист по иудаике Д. А. Хвольсон рассуждал именно в таком духе, разбирая обвинения евреев в антихристианстве. Скажем, общественности известно, что в свое время к ежедневным молитвам раввинов была добавлена формула проклятия христиан — "этих еврейских вероотступников". Д. А. Хвольсон пояснил: речь шла не о всех христианах, а о евреях-ренегатах. Или же известна книжечка "Толдот Иешу" с поношением Христа. Возражение Д. А. Хвольсона: "Эта книжечка не пользуется никаким уважением среди евреев". И все же недостаточная откровенность Д. А. Хвольсона становилась очевидной, когда он признавал, что даже Вольтер заимствовал материал против христианства не откуда-нибудь, а из иудейского тракта "Хиззук-Эмуна". Благосклонность иудеев к христианам и к исламу, пожалуй, выражалась лишь в одном: обе религии рассматривались ими как своего рода ступеньки приобщения к иудаизму и шаг сторону от ненавистного для иудейства язычества. Легендарный иудейский поэт Иегуда Гавели, рассуждая именно так, цинично заявлял, что "эти религиозные партии образуют приготовление и переход к ожидаемому нами, евреями, мессианову времени; ибо прежние народы, как известно, обожали сонм небесных светил, имели отвратительные вероисповедания и не веровали в Моисеево учение, ни в откровение вообще".*

уверовавшие в Христа, были в Иерусалиме, и иудеи и христиане были еще вместе, благодатное крещение было обижено законным обрезанием, и не принимала в Иерусалиме христианская церковь необрезанного епископа, потому что за старших выдавали себя обрезанные, притесняли христиан, сыны рабов сынов свободных, и были между ними распри и ссоры. Когда же увидела свободная благодать детей своих, христиан, обижаемых иудеями, сыновьями рабского закона, возопила к богу: "Прогони иудеев и с законом рассей их по странам! Что общего у тени с истиной и у иудейства с христианством".

Итак, хотя евреи и представляют по священному писанию избранный богом народ, избрание их носит формальный характер (по закону) и связано с тем, что благодати в лице Христа еще рано было посещать мир. Евреи, избранные по закону, становятся его рабами, рабами своего избрания, остаются верны лишь ему. Но вот — пробил час, и в мир вступает Христос, является божественная благодать, истина. Отныне иудейство должно потерять свое значение перед лицом христианства.

Концепция Илариона ясно и недвусмысленно отрицает иудейство, не считая его верой, скрепленной истиной, но лишь подобием ее. В этом отрицании помимо мифологического заключался и высочайший смысл отторжения чуждой системы нравственных ценностей. Дело в том, что, являясь религией закона (настоятельное акцентирование внимания на этом свидетельствовало о высокой компетентности Илариона в иудаистике), иудаизм превратил его формальные требования в высший нравственный критерий. Как отмечал один из известных специалистов по иудейской этике М.Лацарус, в иудаизме "сущность нравственности никогда не рассматривалась иначе как истечение божественного порядка, как выражение божественного закона, как выполнение божественной заповеди". Таким образом, оценка любого поступка иудея осуществлялась лишь в одной системе координат: соответствие его закону. Казалось бы, что тут плохого? Но все дело в том, что право комментировать и разъяснять закон присвоили себе люди. В этом и заключалась суть талмудической традиции. Собственно, сам Талмуд — это своего рода "собрание протоколов заседаний палестинских и вавилонских академий в течение почти 500 лет о различных религиозных вопросах, где самые противоположные мнения находятся одно против другого и где обсуждаемые вопросы очень часто по причине прекращения заседаний по каким-нибудь внешним обстоятельствам оставались нерешенными". (Д.А.Хвольсон).

Как же можно было разобраться в этих хитросплетениях человеческой мысли неискушенному еврею? Только с помощью наставника, раввина, услужливо растолковывавшего смысл закона, но при этом нередко искажавшего намеренно его, менявшего на противоположный. Скажем, закон гласит: "Не убивай" (Исход: 20,13). Но к кому заповедь может быть применена? Если полноценные люди лишь иудеи, то есть искушение объявить законным убийство гоя[8] при каких-либо обстоятельствах.

Иудаизм знал культ народа, избранного Яхве, и выделял сей народ среди всех племен. Понимали ли это на Руси? "Слово" Илариона как будто позволяет дать утвердительный ответ. Среди других упреков иудеям мы встречаем и такой: "У иудеев совершенствование, у христиан — спасение. Совершенствование в этом мире. А спасение — в будущей жизни. Иудеи земным услаждаются, христиане же — небесным. К тому же совершенствование у иудеев недостаточно, из-за ревности их, ибо не распространялось на другие народы, а только на Иудею. Спасение же у христиан благое и щедрое, простирается во все края земли".

---

[8] *Именно так сделал ученик рабби Акибы таннаит Симон бен Иохай, когда провозгласил: "Лучшего из гоев убей!" Позднее этот лозунг оправдывался условиями жизни рабби Симона — ему, тринадцатилетнему, пришлось скрываться от римлян в пещере. Однако, в отношении нравственных норм данное обстоятельство дела не меняет. Признавая возможность отказа от нравственной максимы при определенных обстоятельствах, мы признаем нормальной ситуативную мораль, допускающую любые поступки при наличии формально заслуживающих доверия обстоятельств.*

Итак, рабское поклонение закону и культ собственной богоизбранности, присущие иудаизму, были с самого начала отвергнуты православной Русью. И у нас есть основания утверждать, что так думали не только, а возможно, и не столько церковные иерархи[9], но значительная часть народа. Правда, данных о состоянии общественного мнения той поры у исследователей явно недостаточно. И им в ряде случаев приходится прибегать к домыслам. Так Л.Н.Гумилев обращает внимание на любопытный эпизод, связанный с борьбой за великокняжеский стол между сыновьями Владимира Ярославом и Мстиславом Тмутараканским. Как известно, в какой-то период киевская Русь была поделена между ними. Но киевляне Мстислава не приняли, а сам он не нашел достаточной поддержки, чтобы утвердиться на Киевском столе силой. Почему? Л.Н.Гумилев считает, что многое проясняет вложенная летописцем в уста тмутараканского князя фраза, вырвавшаяся у него после победоносной битвы при городе Листвене. В ней Мстислав сохранил свою дружину в целости, использовав в передовой линии войска поддерживающих его северян, которые в основном полегли под мечами вражеской дружины Ярослава. Мстислав якобы сказал: "Кто этому не порадуется? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела."

Откуда у русского князя подобный цинизм, который, несмотря на уважение к нему[10], счел необходимым отметить летописец. Объяснение Л.Н.Гумилева таково: "В X-XI вв. эта манера обращения с союзниками была хорошо известна. Так итильские (иудеохазарские — В.Б.) цари бросали хорезмийских наемников на русов и венгров, а русов — на дейлемитов и греков, не жалея погибших."

Да и какая жалость могла возникнуть в сердцах правоверных иудеев, для которых все гои были лишь подсобным материалом в политике. Речь шла о прочной традиции. Мстислав же, безусловно, мог приобщиться к ней, так как в Тмутаракань был привезен еще ребенком. А город этот был своеобразным. Долгое время он являлся одним из крупнейших городов Хазарии и под названием Самкерца причислялся к наиболее значительным городам каганата. Самкерц, вероятно, был покорен Святославом, но иудеи (иудео-хазары) продолжали сохранять в нем вляние, пока не были иссечены в 1083 году князем Олегом Святославовичем. Скорее всего результатом их духовного воздействия и следует считать откровение Мстислава. Но может быть, это была просто бестактность наивного князя, а иудео-хазары в ней не виноваты? — спрашивает Л.Н.Гумилев. И отвечает: "Возможно, но даже если так, то эта бестактность есть плод воспитания в чужой среде, а там перенимание чужих воззрений неизбежно. Да и не было бы надобности включать в летопись случайную оговорку. Очевидно, она в свое время прозвучала достаточно громко, как политическая программа."

Как будто бы известные основания для заключения Л.Н.Гумилева имеются. Судя по всему, западные области, крымские и татарские, менее всего пострадали при разгроме Хазарского каганата Святославом, очевидно, здесь

---

[9] *Позиция церковной иерархии на Руси с самого начала была двойственной. С одной стороны, религиозно-мировоззренческие мотивы заставляли ее отвергать иудаизм во имя Христа. С другой стороны, была и противоположная мотивация, диктуемая практическими соображениями. Для христианства всегда был актуальным вопрос соотношения авторитетов Ветхого и Нового завета. Данный Христом Новый завет, казалось бы, предпочтительнее. Но ведь из практики не исключен и прежний, почитаемый иудеями. Помимо того, что требовалось согласовать содержащиеся в том и другом суждения, надо было принять во внимание, какое из них полезнее для практической деятельности церковной иерархии. Новый завет в этом отношении проигрывал, поскольку слишком откровенно предпочитал дела небесные земным. А как и всякая бюрократия, церковная нуждалась в практических рекомендациях. Поэтому, как справедливо полагает А. Г. Кузьмин, большее внимание к детализации конкретных отношений делало Ветхий завет привлекательнее для столпов церкви. "И церковная иерархия, — пишет А. Г. Кузьмин, — вроде бы и борясь с наследием иудаизма, сама держалась за практику Ветхого завета, который только и мог оправдать само ее существование".*

[10] *Об уважении к Мстиславу говорит хотя бы то, каким образом он упомянут в "Слове о полку Игореве". Автор "Слова" в числе других славных дел русских князей называет знаменитый поединок, "где Мстислав Редедю заколол перед всей касожскою дружиной" (перевод Н. Заболоцкого).*

сохранилось и сильное иудейское влияние. По меньшей мере в документах упоминаются мессианские движения среди крымских хазарских иудеев в XII в. Известно и то, что в XI-XVI вв. в Италии Крым именовался Хазарией или Газарией. Верно и то, что Олег Святославович "иссече хозар" в Тмутаракани лишь в 1083 году. И все же гипотеза Л.Н.Гумилева — как ни была она приятна некоторым сторонникам вечного засилия евреев на Руси — слишком мало обоснована, чтобы служить основой для далеко идущих выводов. К тому же в поведении Мстислава легко можно усмотреть не проявление иудейского цинизма, но мудрой, дальновидной политики.

Однако, независимо от этой гипотезы можно считать установленным, что до начала XII столетия иудеи оказывали несомненное влияние на экономическую, идеологическую, а следовательно, и политическую жизнь Руси. О деталях его ныне можно только догадываться. Но то, что такое влияние негативно воспринималось представителями различных групп населения, подтверждается летописным сообщением, помеченным 1113 годом. В этом году восставшие киевляне ополчились на иудеев и их защитников. "Согласно Татищеву, — отмечает А.Г.Кузьмин, — киевляне просили Владимира Мономаха "о управе на жидов, что отнесли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, через это многие купцы и ремесленники разорились; они же многих прельстили в их закон и поселились домами междо христианы".

До нас дошли и свидетельства о прельщении "иудейским законом" некоторых христиан. Речь идет, в частности, о "жидовской ереси" печерского монаха Никиты, будущего новгородского епископа. Хотя возможно, что Никита стал "еретиком" не в результате непосредственного влияния иудеев, но вследствие чрезмерного почтения к Ветхому Завету, что было характерно для некоторых течений в христианстве. Результат антииудейских выступлений на Руси известен. Иудеи были изгнаны с ее территории, вероятнее всего, в 1124-1126 гг.

С этого времени, как будто бы, в истории нашего Отечества начинается период, в течение которого прямое влияние Иерусалима сводится к минимуму. По меньшей мере так утверждали и утверждают некоторые исследователи. Так, историк Ю.Гессен считал, что в это время отдельные еврейские купцы приезжали на Русь на общих основаниях. следовательно, особого иудейского влияния вроде бы и не прослеживалось.

Но эта общая посылка требует существенной корректировки. В арсенале Иерусалима помимо прямого влияния всегда имелись скрытые (косвенные) методы воздействия. К ним прибегали духовные и политические еврейские вожди с давних времен. Дело в том, что средневековое русское общество, будучи обществом христианским, являлось чрезвычайно уязвимым в идеологическом отношении. Во многом совпадающая мифология предоставляла последнему прекрасную возможность воздействия на православный мир (впрочем, как и на любое течение в христианстве) через ереси. Многие из них вращались вокруг идеи бога, которая существенно различалась в христианстве и иудаизме. Иудейский бог одинок. Христианство же приняло догмат троичности, который, в сущности, противоречил ветхозаветной концепции божества. Концепция троичности опиралась на новозаветные представления. И невозможно не заметить, что бог нового завета даже во многих своих существенных атрибутах отличен от Яхве. Яхве — бог одного народа, бог Нового завета принадлежит всем, заботится о человечестве в целом. Яхве грозен и жесток, бог Нового завета добр и чадолюбив. Яхве воплощается в реальных объектах (огненный столп и т.п.), бог Нового завета присутствует в душе человека.

Противоположность двух подходов имела далеко идущие последствия, даже если верующие не понимали этого. На вопрос, кто же он, бог, бог ветхого завета, столь отличный от бога христиан, логичнее всего было ответить: это демон, принявший личину господа. Демон, потому что не укладывается в идею

троичности и ведет себя как злой дух. Очевидно, в этом существенном пункте: за троичность или против ее — заключался критерий, позволяющий отличить истинного христианина от ложного. Но понимали значение данной идеи и противники, объектом духовного акта которых стала именно концепция троицы. Отрицание догмата троичности, поощряемое и поддерживаемое иудеями, легло в основу многочисленных ересей. Сторонники их представляли потенциальную, а нередко и реальную "пятую колонну" иудеев в христианском обществе. Известно немало приемов, подтверждающих данную мысль. Например, испанские евреи еще в XI веке прямо поддерживали и поощряли религиозный скептицизм в христианах — отправной момент всех ересей — пишет Л.Н.Гумилев[11]. Но этот и другие его частные замечания не идут ни в какое сравнение с комплексом выводов некоторых дореволюционных исследователей. В частности, в книге Н.А.Бутми "Каббала"[12], ереси и тайные общества" утверждалось следующее:

"1. Большинство тайных обществ христианской эры возникли под тайным или явным влиянием иудеев.

2. Учения тайных обществ христианской эры более или менее основаны на иудейской каббале.

3. Тайные общества христианской эры стремятся разрушить религиозный, семейный, а затем и государственный уклад тех народов, среди которых они возникают.

4. Целью этой разрушительной деятельности тайных обществ было и есть подчинение других народов сперва духовному руководству, а затем и господству иудеев".

Понятно, почему русских исследователей особенно занимала проблема тайных еретических обществ. Даже отдельные факты говорят о том, что тактика Иерусалима в борьбе против Москвы долгое время строилась на поддержке еретических течений в христианстве. Иногда это выплывало наружу, иногда — нет, но постоянно интуитивно ощущалось участниками политических процессов. Примером, когда участие евреев в насаждении ереси на Руси стало очевидным, может служить новгородско-московская ересь, или ересь жидовствующих. Правда, еврейские историки, в частности, Ю.Гессен, пытались отрицать факт инспирирования ее иудейством. Но скорее всего их утверждения следует считать намеренным стремлением исказить истину. Более убедительным выглядит иная версия. Но предоставляю слово человеку, которого трудно заподозрить в необъективности, ибо отстаивал он скорее не юдофобские, а юдофильские взгляды. Это — Л.Гинцбург, автор книги "Евреи в России".

Упомянув на ее страницах, что вплоть до эпохи Ивана III евреи на Руси пользовались полной терпимостью, он рассказывал: "Но вот в 1470 году приехал из Киева еврей Сахария. Благодаря уму и учености, он коротко сошелся с двумя видными новгородскими священниками Денисом и Алексеем". Затем к делу примкнули еще два еврея, и "все они вместе начали проповедовать новое учение, которое заключалось в опровержении святой Троицы и воплощения, в требовании соблюдения законов Моисеевых, так как пришествие Спасителя отрицалось, и в отвержении христианской церкви и обрядности. Название же оно получило: "ересь жидовствующих". Ересь распространилась до Москвы. "Здесь она тоже понравилась и совратила многих влиятельных лиц; к ней примкнули любимец великого князя дьяк Федор Курицын, архимандрит Симонова монастыря Зосима, дьякон Истома и Сверчок... и даже невестка самого Иоанна Елена". На соборе в 1491 году еретики были осуждены. "Евреи же как главные виновники того, что основы их учения понравились

---

[11] *Впрочем, вывод его справедлив лишь в известной мере. Троичность отрицали не только иудействующие, но и сторонники некоторых еретических течений языческого толка, например, ариане.*

[12] *Каббала — иудейская мистика, последователи которой считают свое учение наиболее глубоко отражающим содержание божественных заповедей. Считается, что наиболее полно основные идеи Каббалы изложены в книге "Зогар", созданной в Испании в конце XIII века, хотя сама Каббала, несомненно, имеет более древнее происхождение.*

православным людям, подверглись стеснениям и ограничительным мерам". Л.Гинцбург квалифицировал эти меры как первые ограничения евреев на Руси "в правах человека и гражданина".

Вероятно, в какой-то мере дальним отголоском новгородско-московской ереси стала ситуация, возникшая при взятии Полоцка Иваном IV в 1563 году. Иван Грозный предельно просто решил "еврейский вопрос": согласных креститься крестил, а несогласных приказал утопить в реке Полоть. Впрочем, события такого рода были скорее исключением, чем правилом. Непосредственных контактов с большой группой еврейского населения Русь пока не имела. И проблема влияния Иерусалима ощущалась лишь косвенно. Возникла она, в частности, в связи с польской интервенцией в начале XVII века. Ю.Гессен обращал внимание на значительное число евреев в окружении Лжедмитрия I. А о Лжедмитрии II было официально объявлено, что он "родом жидовин". В этой связи заслуживает внимания исследователей тот факт, что Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев) был одновременно связан не только с иудеями, но и с еретиками — антитринитариями, противниками идеи троичности. Наряду с троичностью антитринитариями отрицались и другие христианские догматы — воплощение, искупление и воскрешение.

Антитринитарии к концу XV века свили себе немало уютных гнезд в Польше и на Украине. К ним и направился беглый чернец Григорий Отрепьев. На Волыни в местечке Гоща он сначала учился в антитринитарианской школе, отправлял обряды секты, а затем приступил к политической деятельности, итоги которой ныне широко известны. Влияние антитринитариев на Лжедимитрия I сохранилось до его печального конца. И вряд ли можно считать случайностью это удивительное совпадение усилий иудеев и секты, близкой иудеям по духу в их наступлении на Москву. Действия тех и других органически сливались в единый поток, однако, как известно, усилия их не увенчались успехом. Освободительный поход русского ополчения под предводительством К.Минина и Д.Пожарского разрушил, вероятно, не только планы польской интервенции, он чувствительно ударил по экспансии Иерусалима, отодвинув на десятки лет массовое проникновение на Русь его сторонников.

Однако эта передышка в масштабах истории была короткой. К тому же и во время нее не прекращались попытки оказать влияние на Москву, захватить рычаги политической и экономической власти, используя в первую очередь еретические движения, которые более или менее успешно прельщали православных. Представляет интерес вопрос: почему же относительно легко еретики находили сторонников, в том числе и в кругах государственной и церковной иерархии?

Не претендуя на полный ответ на этот чрезвычайно важный вопрос, укажу на два обстоятельства, коренящихся в специфике идеологии Москвы — русского православия. Оно не было свободно от идей и взглядов, располагавших человека к ветхозаветной, иудейской по сути духовной традиции в большей степени, чем к новозаветной. И эта линия в русском православии прослеживается с начала его распространения. На Русь уже в IX-X вв. проникали различные толки христианства. Существенную роль среди них играли арианство и ирландско-британское христианство. Последователи второго в ряде существенных элементов отдавали предпочтение Ветхому завету. Вероятно, отзвук этой традиции позднее сказался как особая восприимчивость русских к евреям, восходящая к иудаизму.

Следует отметить и то, что в рамках русской православной идеологии в XV-XVI вв. шли процессы, сближающие ее с иудаизмом в историческом и мифологическом отношениях. Москва рассматривалась их участниками не только как продолжатель дела Византии, но и ветхозаветного Израиля. Возникали аналогии: русское царство — новый Израиль, Москва — новый Иерусалим. Происходило, как показывал в свое время Н.И.Ефимов, смещение центра тяжести в русском христианстве в сторону Ветхого завета. А это значит — в направлении комплекса богоизбранности, мессианской идеи. Стоит ли

удивляться после этого, что именно в России оформилась концепция роли Москвы как "третьего Рима", сформулированная в своих главных чертах игуменом псковского Елеазарова монастыря Филофеем в его посланиях к великому князю Василию III. Даже в структурном отношении концепция Филофея совпадает с ветхозаветной иудейской схемой. В последней иудаизм провозглашался единственно правильной верой, Филофей же считал все веры, кроме православного христианства, "богопротивными". В иудаизме бог избрал Израиль. У Филофея Москва избрана богом и представляла собой единственно законного преемника Рима. В иудаизме история по сути дела завершалась приходом мессии и установлением царства бога на земле. Филофей считал, что после "третьего Рима" не может быть никакого иного, ибо наступает "конец света".

Все это в комплексе создавало благоприятный идеологический фон для утверждения духа Иерусалима в Москве. Ощущался лишь недостаток в его конкретных носителях.

Проникновению иудеев на территорию России в массовом порядке препятствовало государство. Система запретов существовала уже в XVII столетии. Она относилась не только к выбору местожительства, но и предусматривала жестокие наказания за склонение коренных жителей в иудейство. В 1649 году в "Уложение" царя Алексея Михайловича была включена особая статья, направленная против склонения христиан к обрезанию. В 1676 году царь Федор Алексеевич подтвердил запрет тайного прибытия иудеев в Россию. Недопустимость попыток склонения христиан в иудейство была декларирована при Петре I. Указом Екатерины I в 1727 году предписывалось выселить всех жидов, тайно пробравшихся на Украину. Такую же позицию заняла впоследствии Анна Иоанновна в 1740 году. Наконец, широко известно заключение императрицы Елизаветы I, выраженное в ее крылатом выражении: "От врагов Христовых не желаю я интересной прибыли." При ней евреям было приказано убираться из пределов российского государства вне зависимости от положения и богатства.

Почему власти были так последовательны в антииудейской политике? Прежде всего потому, что несмотря на генетическое родство иудейства и христианства в XVII — XVIII вв., как и почти всегда ранее, первостепенное значение имели принципиальальные различия между обеими мировоззренческими системами. Их непримиримость была очевидной для представителей большей части социальных групп России, рассматривающих иудеев как "врагов христианства". И, возможно, лишь отечественные "книжники и фарисеи", стремившиеся отождествлять Русь и Израиль, Москву и Иерусалим, упорно не замечали такого различия. Феодальному обсолютистскому государству еврейство было не менее чуждо. Сила такого государства зависела от прочности властных структур, охватывающих все общество и обеспечивающих внеэкономическое принуждение. Евреи же разрушали эти структуры, составляя своего рода кочевнический (номадический) элемент в средневековых общинах со специфическим поведением и сознанием. К тому же иудеи были сосредоточены в сфере предпринимательства, дух которого был абсолютно чужд системе внеэкономического принуждения феодального государства. Распространение подобного духа — это не оставалось незамеченным — подрывало системы феодализма.

Препятствуя распространению "кочевнического предпринимательства", государство в России, как видим, действовало традиционными для него методами: запретом, наказанием. Незаконно проникающие в страну евреи изгонялись, к лицам, совращающим православных подданных в иудейство, применялись более строгие меры. Известен случай, когда в 1738 году в Петербурге были сожжены на костре Лейба Борухов и флота капитан-лейтенант Возницын "за то, что первый из них обратил второго посредством разговоров в еврейство".

Однако, вполне вероятно, печальный исход предпринимательской деятельности России евреев мало смущал. Уже в 60-е гг. XVIII в. евреи начинают легально прибывать в Россию. В 1769 году им было разрешено поселиться во вновь созданной Новороссийской губернии. Но фактически они появились там раньше. В 1764 году в Новороссию переселились семеро евреев — Давид Леви, Моисей Арон, Израиль Лазарь, Яков Маркус, Израиль Хаим, Натан Аврам и Лазарь Израиль.

Но решающее значение для еврейской инвазии имели все же разделы Польши. Вместе с польской территорией российское правительство, так сказать "в нагрузку", получило многочисленное и организованное еврейское население. Именно на польской территории, в немецко-польском еврействе, сосредоточивалось духовное главенство над еврейским населением всего мира. Евреи занимались активной экономической деятельностью, опираясь на крепкие внутренние связи с единоверцами, опыт торговли и посредничества, освещенный своеобразной моралью. Часть из них накопила немалые капиталы, в том числе и за счет эксплуатации малороссийского крестьянства. Ю. Гессен писал об этом так: "Католики-помещики обременяли православных холопов разнообразными налогами и повинностями, и в этой эксплуатации на долю евреев выпала печальная роль. Польские магнаты широко пользовались услугами евреев, которые брали у панов на откуп "проминацию", т.е. право выделки и продажи водки, и вообще принимали участие в многообразных отраслях помещичьего хозяйства. Арендатор-еврей, становясь на место пана, получал — конечно лишь в известной мере — ту власть над крестьянином, которая принадлежала землевладельцу, и так как еврей-арендатор, выполняя хозяйственные поручения магната, старался извлечь из крестьянина возможно больший доход, то злоба крестьянина, грубо эксплуатируемого, направлялась и на католика-пана и на еврея-арендатора. И вот почему, когда в 1648 году разразилось страшное восстание казаков под предводительством Хмельницкого, евреи наравне с поляками, пали жертвой кровавой борьбы казачества с польским правительством".

Управление еврейством на присоединенных территориях сосредоточивалось в руках кагала[13]. Фактически речь шла о широкой автономии и самоуправлении, ибо кагал взыскивал подати и вносил их в казну, распределяя налоги, заведовал делами молитвенных домов, школ и т. д., совершал купчие крепости на недвижимое имущество, устанавливал правила для торговли и ремесла, разбирал жалобы. Очевидно, таким широким полномочиям могли позавидовать многие группы русских подданных, самостоятельность которых в XVIII веке была ограничена крепостным правом и произволом властей в практических делах, в духовной жизни — монополией православного христианства. Но примечательно, что православное русское население, кажется, роптало на свою судьбу значительно меньше, чем евреи. Недовольство среди них усилилось, особенно тогда, когда правительство ввело ограничения в проживании евреев, получившие название "черты оседлостей". Формировалась она как следствие серии указов, первый из которых относился к 1791 году[14]. "Черта" охватывала 15 губерний Российской империи, не считая Польши, в которых могли свободно проживать все евреи. За ее пределами право жительства получали крещеные евреи[15], купцы первой гильдии, лица с высшим

---

[13] Кагал — орган управления еврейской общиной, осуществлявший практически полный контроль над ее членами. Кагальная организация была типичной для еврейства, сосредоточенного в западных областях России вплоть до 1844 года, когда официально кагал был упразднен правительством России. Однако некоторые дореволюционные авторы считали, что несмотря на упразднение кагала, он сохранил свое фактическое влияние на еврейскую жизнь.

[14] Согласно этому указу, еврейским купцам было отказано в праве приписки к купечеству Смоленска, ибо от "допущения их к этому не усматривается никакой пользы"

[15] В строгом смысле слова выкрест уже не должен был считаться евреем, ибо переходя в христианство, тем самым прекращал исповедовать иудаизм. Если бы не одно обстоятельство. История знает, что некоторая часть евреев крестилась ложно, для вида, продолжая тайно исповедовать иудаизм. Этих людей называли в Испании марранами, число их в те или иные периоды не

образованием, ремесленники (винокуры, пивовары, меховщики и т. д.), "по узаконенным паспортам" молодые евреи до 18 лет, прибывшие для обучения мастерству и некоторые другие категории еврейского населения.

Однако эти регламентации сложились не сразу, да и число губерний, в которых было разрешено проживать евреям, вначале было значительно меньше. По указу Екатерины II им разрешили заниматься предпринимательством в Минске, Изяславе (позднее Волынская губерния), Бреславле (позднее Подольская губерния), Полоцке (позднее Витебская губерния), Могилеве, Киеве, Чернигове, Новгороде Северском (позднее Полтавская губерния), Екатеринославле, в Таврии. К тому же евреи продолжали постоянно жить в губерниях бывшего Царства Польского.

Население этих губерний было в конце XVIII столетия относительно небольшим. Точные данные ныне установить довольно трудно. Известно, что проведенная в 1797–1800 гг. перепись населения учитывала лишь евреев, записавшихся в купечество и мещанство. Результат был: 151.277 человек. Истинное число было, естественно, выше. И, вероятно, не менее, чем в пять раз. В этом убеждают оценки, сделанные в 1802–1804 гг. комитетом, специально созданным для изучения и устройства еврейских дел. В 1804 году его члены определили число евреев-налогоплательщиков в 175.385 человек. Это приблизительно составляло 1/5 часть проживающих на территории России евреев. Следовательно, их общая численность находилось в пределах 3/4 миллионов.

Приблизительно с таким количеством евреев Россия вступила в XIX век, который уже в силу объективных обстоятельств должен был привести к обострению отношений Москвы и Иерусалима. Для этого были все показатели. Прежде всего постоянная конфликтность, сопровождавшая прежнее бытие евреев на сопредельных славянских землях. Она выражалась в стихийных погромах (один из них красочно описан Н.В.Гоголем в "Тарасе Бульбе"), в распространении антииудейской (юдофобской литературы), в периодически возобновляемых обвинениях в ритуальных убийствах, в антиеврейской ориентации общественного мнения.

Побуждал делать неутешительные прогнозы и характер экономической деятельности еврейства. Спекуляция в сфере товарно-денежных отношений не вызывала симпатий у окружающих как в отношении методов, так и ее результатов. Фигура "процентщика-жида" была почти в равной степени отвратительна для представителей различных социальных слоев.

Наконец, нельзя было не заметить упорного стремления евреев проникнуть на территорию всей России, что также требовало регламентации и регулирования. Москва оказалась в чрезвычайно сложном положении во всех отношениях. Иная ситуация наблюдалась в еврействе.

(Продолжение следует)

поддается учету, но марраны существовали и существуют. И любопытно, что историк И. Малышевский появление их в славянских землях относил к началу IX века, утверждая, что иудеохристиане существовали в этот период в Болгарии. Появились они как результат взаимодействия иудеев и павликиан. "Из союза этих и других, — писал он, — образовалась еще особая секта, последователи которой, признавая крещение, во всем остальном, исключая обрезание, держались закона Моисеева". Речь идет о еретиках-богомилах. И Малышевский полагал, что именно в распространении павликианско-богомольской ереси и принимали участие евреи из числа иудео-христиан, то есть, предшественники испанских марранов в славянской среде.

ИВАН ИЛЬИН

Ярчайший мыслитель XX века, выдающийся философ и публицист, ученый с мировым именем Иван Александрович Ильин родился в Москве (1882 г.). Окончил юридический и историко-филологический факультеты Московского университета. Приват-доцент (1912), профессор Московского университета с 1918 года. В 1922 году вместе с другими учеными, писателями, деятелями культуры во время кампании по ликвидации интеллектуального потенциала России был выслан из СССР по указанию Троцкого (настоящее имя и фамилия — Лейба Бронштейн).

За рубежом преподавал в Берлинском Русском научном центре (до 1934 года), с 1938 года поселился в Швейцарии. Умер в 1954 году.

И.А.Ильину принадлежит несколько сот статей и более тридцати книг и брошюр. Это был не только великий мыслитель, чья философская мысль емка и многообразна, но и выдающийся искусствовед, литературовед, историк. Он был блестящим оратором, лектором, педагогом, публицистом и редактором, законченным стилистом, мастером русского слова.

Одной из главных его работ была книга "О сопротивлении злу силою", изданная в 1925 году в Берлине и вызвавшая ярые нападки Михаила Кольцова (настоящая фамилия — Фридлянд), создавшего тогда, после революции, лицо газеты "Правда".

В предисловии к этой книге И.А.Ильин указывает, что явилось поводом к написанию этой книги и в чем он видел свою главную задачу: "Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, проносятся опаляющим и очистительным огнем в наших душах. В этом огне горят все ложные основы, заблуждения и предрассудки, на которых строилась идеология прежней русской интеллигенции. На этих основах нельзя было строить Россию; эти заблуждения и предрассудки вели ее к разложению и гибели. В этом огне обновляется наше религиозное и государственное служение, отверзаются наши духовные зеницы, закаляется наша любовь и воля. И первое, что возродится в нас через это, — будет религиозная и государственная мудрость восточного Православия, и особенно русского Православия".

Как бы своеобразным духовным завещанием нам, живущим в тяжелейшее для России время, являются слова великого мыслителя: "Нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения, покаяться в своих соблазнах и в своем падении... вновь утвердить свой национальный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет дело нескольких поколений; но это будет осуществлено и достигнуто".

В своих работах гений русской мысли И.А.Ильин "высветил державостроительную возрожденческую идею, которая сегодня является единственной реалией, способной поднять и повести за собой здоровые силы общества." Статьи, написанные почти полвека назад, как никогда остроактуальны и злободневны сегодня. "Картина формальной демократии", мастерски нарисованная И.А.Ильиным, поражает свой достоверной похожестью на то, что творится ныне у нас в высших эшелонах власти, да и по всей стране. Ильин противопоставляет ей духовный тип России, сформированный подлинными национальными приоритетами. И тип этот обозначен весьма четко: Святая Русь. Восстановление нашей великодержавности может быть совершено лишь под старым, но вечно юным знаменем СВЯТОЙ РУСИ".

"Мое единственное утешение, — писал Ильин, — вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь убережет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому".

Публикуем несколько выдержек из его мало известных у нас работ.

ИЗ СТАТЬИ "ЧТО СУЛИТ МИРУ РАСЧЛЕНЕНИЕ РОССИИ"

Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснить им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный "механизм" "областей", но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопониманием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями духовным взаимопониманием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения.

———•———

Расчлененная Россия станет неизлечимою язвою мира.

———•———

Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделила, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

———•———

Далее, надо установить, что самое расчленение России представляет задачу. территориально неразрешимую. Императорская Россия не смотрела на свои племена, как на дрова, подлежащие перебросу с места на место: она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный, не сводимый ни на какие географические размежевания; это процесс колонизации, ухода, переселения, рассеяния, смещения, уподобления, размножения и вымирания.

———•———

И вот, когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг "Народы бывшей России, расчленяйтесь!", то откроются две возможности:

или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие "бразды правления", погасит этот гибельный

лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщений, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия.

———— • ————

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши "добрые соседи": начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом "самоограждения", "замирения", "водворения порядка" и так далее. Вспомнить 1917-1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежавшее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они стали "революционно опасными", а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот "добрые соседи" снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение "концессий", расхищение военных запасов, одиночный, партийный и массовый подкуп организационно-наемных сепаратистских банд (под названием "национально-федеративных армий"), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу. А новая Лига Наций попытается установить "новый порядок" посредством заочных (Парижских, Берлинских или Женевских) резолюций, направленных на подавление и расчленение национальной России.

———— • ————

Все это будет заинтересовано в затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде, в политической и религиозной коррупции.

———— • ————

Известная нам из истории федеративная способность русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к "самостоятельному фигурированию" довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению.

———— • ————

Россия как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся, которая вызовет к жизни неимоверные и неприемлемые опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед закреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново: она, как великий "организм", снова примется собирать свои "члены", продвигаясь по рекам и морям к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к урановю.

———— • ————

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно — о паневропейском объединении и о всероссийском расчленении!

ИЗ СТАТЬИ "ЧУТЬЕ ЗЛА"

В этом наша беда и наша опасность: мы живем в эпоху воинствующего зла, а верного чутья для распознания и определения его не имеем. Отсюда бесчисленные ошибки и заблуждения. Мы как будто смотрим — и не видим;

видим — и не верим глазам, боимся поверить; а поверив, все еще стараемся "уговорить себя", что "может быть, все это не так"; и не к месту, и не вовремя, сентиментально ссылаемся на евангельское "не судите" и забываем апостольское "изымите злого от вас самих" (1 Кор. 1,5-13). Делаем ошибку и стыдимся сказать: "Я ошибся", поэтому держимся за нее, длим ее, увязаем во зле и множим соблазны.

А воинствующее зло отлично знает нашу подслеповатость и беспомощность и развивает искуснейшую технику маскировки. Но иногда ему не нужно никакой особой техники: просто назовется иначе и заговорит, как волк в детской сказке, "тоненьким голосочком": "Ваша мать пришла, молочка принесла..." А мы как будто этого только и ждали — доверчивые "козляточки", — сейчас "двери настежь", и на все готовы.

Нам необходима зоркость к человеческой фальши; восприимчивость к чужой неискренности; слух для лжи; чутье зла; словесная впечатлительность. Без этого мы будем обмануты, как глупые птицы, переловлены, как кролики, и передавлены, как мухи на стекле.

В нас до сих пор живет ребяческая доверчивость: наивное допущение, что если человек что-нибудь говорит, то он и в самом деле думает то, что говорит; если обещает — то желает исполнить обещанное; если рассказывает о своем прошлом — то не врет; если развивает "планы", то сам относится к ним серьезно; если обвиняет другого, то "не станет же заведомо и злостно клеветать", если восхваляет кого, то не потому, что ему пригрозили, наобещали или уже заплатили; если выставляет себя "патриотом", то никак не может принадлежать к враждебной контрразведке; если произносит священные слова, то не ради провокации; если носит какую-нибудь одежду (военную, духовную или иноземную), то и внутреннее соответствует своему народу; если располагает деньгами, то добыл их законным путем; если обещает продовольственные посылки, то от сочувственной доброты, и т.д. Мы, как маленькие дети, судим о внутреннем по внешности: по словам, по статьям в газете и особенно по обещаниям, по личным комплиментам и по подачкам.

———•———

А нам надо помнить: современное человечество кишит нравственно и политически скомпрометированными людьми, которым необходимо скрыть или диссимулировать свое прошлое; ложь, лесть и клевета — их главное жизненное оружие.

О чем пишут газеты и журналы

КАКОГО МЫ ВЫБРАЛИ ПРЕЗИДЕНТА И КОМУ

(только цитаты)

Ельцин — самый прозападный руководитель России за всю историю. Кроме того, какими бы ни были его недостатки, альтернатива — новая деспотия — неизмеримо хуже. С учетом столь больших ставок Запад должен сделать все возможное, чтобы помочь президенту Ельцину добиться успеха. ...Несмотря на то, что он "интеллектуально недостаточно одарен..."

Если Ельцин потерпит неудачу, перспективы на ближайшие 50 лет будут мрачными. Народы России не вернутся к коммунизму, но к власти придет новая, более опасная деспотия, основанная на экстремистском русском национализме. Руководители этой деспотии, которая уже организуется, чтобы взять власть в свои руки и, в случае неудачи реформ Ельцина, будут разжигать националистические страсти и использовать склонности русского народа обращаться в смутные времена к сильной руке и даже к диктатуре.

Помощь России и другим проводящим реформы республикам бывшего Советского Союза — это не благотворительность. Если Ельцин добьется успеха, то ориентирующаяся на рынок Россия создаст возможности для торговли на миллиарды долларов, что приведет к созданию миллионов рабочих мест в Соединенных Штатах.

Жгучей проблемой в 50-х годах был вопрос, "по чьей вине потерян Китай". Если Ельцин потерпит неудачу, вопрос о том, "по чьей вине потеряна Россия", будет гораздо более опасной проблемой в 90-х годах.

Соединенные Штаты несут бремя помощи иностранным государствам и руководства в мире слишком долго, и Европе и Японии пора взять на себя серьезное финансовое бремя, чтобы помочь России и другим бывшим советским республикам. Но США, как самая сильная и самая богатая страна мира, должны нести на себе руководство. Учитывая глубину экономического кризиса в России, нельзя терять времени. Ставки очень высоки, а мы играем так, как будто речь идет об игре на гроши.

Президент США РИЧАРД НИКСОН

России, стране, где еще недостаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач:

— всячески стараться не допустить к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий;

— особенное внимание уделить президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы. Они принесут свои положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого никогда уже не уйдем.

Президент США БИЛЛ КЛИНТОН

В качестве опытной "науки" были задействованы пять американских экспертов по политическому бизнесу, которые жили в том же "Президент-отеле", что и ельцинский штаб, и которых там тщательно скрывали, называя просочившиеся слухи "наглой ложью". За свою четырехмесячную работу они получили 250000 долларов плюс оплату всех расходов. Раскрытие американской печатью их "решающей роли" стало запоздалой сенсацией; журнал "Тайм" (15.7.96) вынес ее на обложку с титулом: "Янки приходят на помощь. Тайная история того, как американские советники помогли Ельцину победить". Впрочем, газета "Вашингтон пост" опубликовала ее еще 1 июля, но ни одно российское средство массовой информации, имеющее своих корреспондентов в Америке, эту новость до выборов не передавало. Лишь позже российские СМИ удовлетворенно констатировали, как, например, газета "Известия" (9.7.96): "И они ковали нашу победу".

Дочь Ельцина сообщила, что американские эксперты предлагали всякие "грязные трюки" (например, создать спецкоманду по психическому

нервированию Зюганова), но они были отвергнуты как "нечестные". Тем не менее был принят главный их совет, который она сочла честным: воспользоваться монополией на средства информации, в которых "сделать основной акцент на возможности беспорядков в случае проигрыша Ельцина" (АИФ №28, 1996). Точнее, как пишет "Тайм", — на том, "чего люди в России боятся больше всего на свете: на опасности гражданской войны".

Так, Ельцин игнорировал допустимую границу избирательных расходов около 15 миллиардов рублей (или 3 миллиона долларов). Он использовал финансовые средства в неограниченном объеме помимо избирательного фонда. По отчетности Центризбиркома на 30.5.96 Ельцин израсходовал на свою кампанию из законного фонда лишь менее половины разрешенной суммы — 6,8 млрд. рублей! ("Российская Федерация" №7 июнь 1996). Но этих денег не могло хватить даже на оплату двух этажей в "Президент-отеле", не говоря уже о зарплатах их обитателей и сотрудников других политологических центров, о гонорарах звезд эстрады и армии журналистов. На предвыборные подачки населению Ельцин затратил 25 млрд. долларов государственных средств, и это пробило невосполнимую брешь в бюджете (10% ВВП), которая неизбежно грозит новым этапом экономического кризиса. Кроме того, в распоряжении Ельцина, конечно, были и миллиарды долларов, полученных из-за границы в виде кредитов.

Всего за 5 лет правления Ельцина промышленное производство в стране снизилось более чем вдвое, сельскохозяйственное — более чем на треть, 80% россиян оказалось за чертой бедности и перед разгулом криминальных сил, смертность резко превысила рождаемость и началось массовое вымирание россиян.

Пресс-секретарь генерала Лебедя Л.Радзиховский напечатал в выходящей в Нью-Йорке еврейской газете "Новое русское слово" (17.1.96) *статью "Еврейское счастье" о том, как влиятельны теперь в России его* соплеменники: "почти все крупнейшие банки Москвы возглавляют евреи: банк "Столичный" — Александр Смоленский, "Мост-банк" — Владимир Гусинский, "Менатеп" — Михаил Ходорковский, "Российский кредит" — Виталий Малкин, "Альфа-банк" — Петр Авен и Михаил Фридман..." Сюда же отнесены и многие ведущие предприниматели вроде Березовского, и политики: Чубайс, Ясин, Лившиц, Сатаров, Примаков, Козырев, Немцов, Ресин, Рохлин, Явлинский, Гайдар, Жириновский...

В результате развала Советского Союза свыше 25 млн. русских людей оказались политически отрезанными от основной массы русского народа, превратились в национальные меньшинства, угнетаемые "титульными" нациями новых суверенных государств. За прошедшее после этого пятилетие часть этих русских (около 1,5 млн. человек) была вынуждена переселиться — бежать в пределы Российской Федерации, но и здесь их жизнь оказалась нелегкой. Достаточно сказать, что вымирание россиян определяется главным образом вымиранием русских.

В 1996 году по-прежнему все силы Мирового Зла были сконцентрированы против России. Наступление сатанизма развивалось по двум направлениям: изнутри и извне. Эти жернова и прежде вращались с немалой скоростью, перемалывая по одному — полтора миллиона российских граждан в год. По уточняющим данным в 1996 году клинтоновско-демократический аппарат довел цифру уничтожения до 2,2 миллиона жертв. По-прежнему никто и ничто не мешало наращивать темпы людоедства (нам представляется, что это слово точнее, чем слово "геноцид", обнаруживает суть происходящего).

О том, что у России нет ни армии, ни флота, свидетельствует и отсутствие у солдат, офицеров, матросов и адмиралов русского духа: в развязанной против России и ее народов Третьей Мировой войне — войне на полное истребление (еще на исходе 1995-го З.Бжезинский произнес: русские — лишний народ) — ни один(!) российский "военный" — кадровый, новобранец, ополченец — ни разу (!) не сделал ни одной (!) попытки защитить народ и страну от терзающих ее врагов, прежде всего внутренних. Не оказалось ли тем самым, что народ имеет не "вооруженные силы", не армию, а скопление вооруженных формирований?

Нас спасала до сих пор дарованная свыше беспримерная живучесть России. Из завещанного нашими предшественниками ясно, что русские православные духовные и политические вожди всегда призывали народ стоять насмерть в борьбе с сатаной и сатанистами. "Русское служение, — писал митрополит Иоанн, — заключается в том, чтобы до конца времен стоять преградой на пути зла, рвущегося к всемирной власти. Стоять насмерть, защищая собой Божественные истины и спасительные святыни Веры". У тех, кому дорога Россия, один выбор — сопротивление злу силою (так называется одна из книг великого русского мыслителя И.А.Ильина).

———•———

Сегодня мы поставлены у последней черты и нашему народу придется сделать последний выбор. Лично у меня никакого сомнения нет. Я всегда был с национально-патриотическими силами. Только в этом союзе спасение России...

Даже при Горбачеве страна занимала 46-е место в мире по производству товаров на душу населения; Ельцин опустил страну на 94-е место! Двадцать пять миллионов русских оказались за пределами России. У нас в стране десять миллионов беженцев! Каждый год население России снижается на один-два миллиона человек. И как россияне терпят такого президента — просто диву даешься!.. Но терпение народа не бесконечно...

Государственный Банк пуст. Золотого запаса в стране осталось двести тонн, в то время как при ненавистном "демократам" Сталине было две тысячи тонн золота... "Демократы" боятся попасть на скамью подсудимых и поэтому делают все, чтобы удержаться у власти, врут, подличают, изворачиваются. Неужели вы им верите? Стыдно, русские люди! Опомнитесь! Я решительно за Зюганова, за Народно-патриотический союз России, ибо демократы несут неприкрытое пещерное рабство...

Глубоко прав Альфред Нобель, сказавший с беспощадной прямотой: "Демократия — это власть для подонков!"

Юрий Константинович Бегунов,
Академик Международной Славянской Академии,
доктор исторических наук,
автор широко известных публистических книг,
(из газеты "Пресса России").

———•———

"ЗНАЙТЕ ОБ ЭТОМ!.."

Несколько лет назад, когда я начинал работать инженером по созданию микросхем, я в числе большой группы специалистов участвовал в разработке одного проекта в городе Фениксе, штат Аризона. Этот проект был соединен параллельными разработками в городе Бостоне, штат Массачусетс, а также в городе Ханфорде, штат Калифорния. Все мы были объединены одним общим делом...

В процессе работы мы как-то проводили эксперимент над молодой женщиной, которой было вшито в спинной мозг (как Ельцину в Испании? — ред.) несколько электронных схем с радиосигналами. До этого она была совсем неподвижна, так как все в ее организме было нарушено. После нашего вмешательства у нее начали двигаться руки, ноги, и мышцы стали управляемы. Вся наша группа начала работать над усовершенствованием этих микросхем. Мы достигли большого эффекта, контролируя ее поведение... Мы вызывали нужные нам мысли. Мы заставляли производить нужные нам действия...

Работая, мы проводили опыты на заключенных. Была цель — создать мельчайшую пластинку, которая бы помещалась в эпидемическую (бактериологическую) иглу. Было потрачено, например, полтора миллиона долларов, чтобы определить то место в теле человека, где бы температура могла, как нам нужно, быстро меняться. Матери знают, что у ребенка это лоб. Нами было научно подтверждено, что таковыми являются два места: лоб и правая рука.

В процессе работы над проектом все более стала просматриваться его истинная цель: пометить всех людей, живущих на планете. Во Флориде в детских садиках и домах уже имеются дети, которым были введены эти пластинки. И государство, и ЦРУ специально субсидировали на это деньги. Я спросил одного доктора из Бостонского Медицинского центра, что произойдет, если эта пластинка вдруг по какой-то причине выйдет из строя? Он ответил, что организм моментально отреагирует, — появятся гнойные раны...

Хочу сказать о технологии. Существуют 23 космических спутника, которые могут считывать любую информацию, даже с объектов минимальных по размеру, например, с почтовой марки. Такой спутник может прочесть всю информацию с любого вашего документа, и может делать это каждые 19 минут. Также существуют спутники новой серии под названием ЛИО, контролирующие все с низкой высоты. Они настолько чувствительны, что могут определить даже изменение температуры тела человека с точностью до 0,4 градуса. От них никуда невозможно спрятаться, ни на какую высоту или глубину...

...Могу сказать, что очень быстро приближается время Мирового правительства... Сейчас планируют объединить кредитную карточку и "дебет-карту" воедино. Мы быстро продвигаемся к этому. В кабинете вице-президента США Гора было сказано: "Нужно охватить всех этой системой". Гор сказал, что каждый человек в США должен иметь при себе "смарт-карт". Это и есть подготовка к пластинкам, которые в свое время будут вводиться под кожу. "Смарт-карт" несет в себе всесторонюю информацию о владельце. Эта "смарт-карт" начнет вводиться очень скоро. Под эти карты сейчас уже готовится оборудование, необходимое для их использования...

Хочу сказать всем: ни в коем случае не принимайте их! Если кто-то к вам придет и будет предлагать "новую систему идентификации", то ответ ваш должен быть однозначен: резкий отказ. Уже отпущено 500 млн. долларов,

чтобы внедрить идентификацию для системы "валферов", то есть электронный определитель официальных безработных должен находиться у них под кожей.

Люди спрашивают меня: "А что, если мы, когда нам будут ставить "печать зверя", позволим это делать, но при этом будем держать за спиной скрещенные пальцы (это такая примета), и совсем не будем верить в то, что это "печать зверя"? Может, тогда ничего и не произойдет?" Нет, это делать нельзя. Еще раз хочу сказать: не принимайте эти пластинки. Вы можете потерять карточку, дать ее кому-то в долг, но начертание, то есть свою подкожную пластинку, вы не сможете потерять. "Потерять" ее можно, но только вместе с рукой или головой...

А "эксперимент" продолжается... Так 17-ти тысячам американских детей уже ввели подкожную пластинку. 7 тысяч человек в Швеции имеют подкожные пластинки... Скоро этот опыт охватит всю международную систему. Святое Писание предупреждает нас о едином Мировом правительстве, о том, что "начертание числа зверя" охватит все страны, весь мир, а не только США...

ЦРУ имеет особую программу по внедрению "эксперимента". Так, в оздоровительной программе президента США Клинтона намечается выпустить единую национальную медицинскую карточку, удостоверяющую личность человека, созданную по новейшей технологии, засекреченную цифровой системой управления. По всей видимости это значит, что будет ставиться номер на челе, на руке или другой части тела. Никто не будет допущен к лечению без этого номера...

Мы также перейдем к "безналичному обществу", когда все наличные деньги будут изъяты из оборота. Сначала будет использована кредитная карточка, а позже и подкожная имплантация номера. Европейское Сообщество уже разработало свой план для этого. Это Сообщество официально начало свое существование с 1 января 1993 г., в него входит 12 стран Европы. Это и есть будущий центр Мирового управления! Мы находимся на грани того периода, когда людям будет ставиться "начертание зверя". И если мы не будем сопротивляться, то мы станем соучастниками убийственной государственной системы. К несчастью, люди не разумеют начало власти антихриста. Они ни о чем не подозревают. Я кричу им: "Знайте об этом!.."

Доктор Кола САНДЕРСЕН,
инженер-конструктор компьютерных микросхем.
г.Спокан, штат Вашингтон, США,
(из газеты "Пресса России).

БОРИС МИРОНОВ

Коренной сибиряк. 45 лет. Из семьи фронтовиков. Бывший пограничник. Окончил Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова и Академию общественных наук. Автор ряда книг, член Союза писателей России, возглавлял крупнейшее издательство — "Советская Россия", переименованное им в "Русскую книгу". Издатель Ильина, Победоносцева, Шульгина, Булгакова, Леонтьева. В декабре 1993 года назначен Председателем Комитета Российской Федерации по печати. Выступил с доктриной национального возрождения России. Указом Президента смещен с поста за ярко выраженную национальную политику. После отставки возглавил Русскую патриотическую партию.

НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО

Яко дым истаял шумливый еще вчера, крикливый кагал хулителей, ненавистников России, все сделались рьяными поборниками России, ревнителями ее силы и независимости. Уста, еще не остывшие от многозлобия к России, теперь неутомимо вещают о возрождении ее былой мощи. Все обратились в "патриотов России", в "государственников", "державников". Только не дай бог свершаемое оборотничество принять лишь за шутовской маскарад в политическом балагане, это значило бы прозевать страшный удар, выцеленный в русских, потому что под шум и гам возрождения великой России сводят русский народ, потому что велеречивый гомон о спасении, сохранении, приумножении России, становлении богатого, мощного, независимого Российского государства вовсе не означает, не содержит в себе и грана заботы о спасении, сохранении и приумножении русского народа. Идет тонкая продуманная игра на подмене понятий. Мы, русские, обоснованно, на выверке веков, считаем, так оно и есть, что основу крепости, необоримости России извечно составлял русский народ, ныне стодвадцатимиллионный народ в стапятидесятимиллионной России. Когда нам говорят о возрождении мощи и славы России, само собой разумеется благо русского народа — наше национальное благо. Но вчитайтесь, вслушайтесь в нынешних "спасителей" России, тех, что у власти, и тех, что рвутся к власти, у них же и слова нет о русской нации, более того, как черти от ладана бегут они от всякого помыслия о национализме, для них весь круг забот — только интересы государства.

Но мера интересов государства расплывчата, неосязаема, самое главное, может не иметь ничего общего с интересами нации. Ведь был уже, пережили, когда государство богатое и могучее, а народ нищенствовал, закрома государства были полны, а народ голодал, с каждым годом нарастал вал производства стали, чугуна и сплавов, а в магазинах шаром покати, не хватало самого насущного. И сейчас наше государство не обеднело, да только народ в нем бедствует и вымирает, поэтому **хватит говорить об интересах государства, пора громко и внятно говорить об интересах нации, и каждый шаг, каждое политическое, экономическое действие вымерять, оценивать именно интересами нации.**

Не нация для государства, а государство для нации!

Государство лишь машина, обслуживающая нацию. Весь сложнейший механизм государства, каждая его шестеренка подчинены только одному — росту

могущества нации. Если государственный механизм тесен, неловок, мешает развитию нации, ничего нет зазорного, если нация будет раз за разом его переналадживать под свои нарастающие потребности. Когда профессор, лауреат Государственной премии, автор 120 изобретений не имеет возможности купить такую же квартиру, машину, как владелец торговой лавки — это свидетельство разлаженного государственного механизма, отсутствия в государстве заботы о развитии и укреплении нации. Когда труженик нищ в государстве, в котором процветает жулик, то такое антинациональное государство требует немедленной починки.

Ничего во имя государства, все во имя нации.

Так называемые "государственные интересы" — это, как правило, чьи-то личные, корыстные интересы, групповые, партийные, олигархические, замаскированные под общественно значимые, они раздраивают общество на классы, сословия, прослойки. Только национальные интересы крепят общество в монолит. Что угодно и как угодно можно закамуфлировать под государственный интерес, государственную необходимость — неосязаемую, незримую, когда весь народ, за исключением жуликов от власти, портняжек "государственных интересов", ради "государственных интересов" может прозябать в нищете. Только национальный интерес имеет четко осязаемую оценку — нация нравственно крепка, уверена в себе.

Руководящий принцип государственного строительства — поддержание жизнетворчества нации, создание условий для национального политического и социального расцвета. И то государство разумнее, эффективнее для нации, которое дает больше возможностей для этого. **Такому государственному устройству чужды любые революционные преобразования, социалистические ли, демократические, потому что всякие революции посягают в первую очередь на традиции, национальный уклад жизни — основу жизни нации.**

Нация, порабощенная революционными реформами, перестает жить естественной для нее жизнью, она отупляется и принижается, приучается жить и действовать не по своему национальному разуму, согласно со своим национальным инстинктом, а по команде захватчиков власти, которые, в свою очередь, действуют исходя из заимствованных извне, чуждых для нации идей. Уже само их стремление к революционным преобразованиям, губительным и гибельным для нации есть свидетельство их непонимания нации, для которой они чужие.

Нация творит, исходя из своей истории и руководствуясь своей совестью.

Только то государственное строительство имеет смысл, только та политика в основе государства разумна, а само государственное устройство надежно, целью и обязанностью которых является создание наиболее благоприятных жизнеудобных, жизненно стойких условий для нации, для воспитания национальной духовной личности, перед которой бессильны соблазн и искушение насылаемого на нее сатанизма.

Благо такого государственного устройства в сохранении национальной души народа, потому что не войны и экономические поражения, а только паралич народной души способен обречь нацию на гибель.

Вопрос о приоритете национальных интересов над государственными — кто для кого и кто кому служит — для дальнейшего развития России не теоретический и не просто назрел, а стал насущным, нет первозначимее его ориентира в определении пути России, в выборе ее вожатых от депутатов до президента.

Сегодня все жаждущие мандатов и государственных кресел проникновенно много говорят о своей любви к России, о своем стремлении сделать ее богатой и могущественной. Как будто в этом есть проблема, экая задача! сделать могучей и богатой Россию, у которой 64 процента мирового сырья, больше, чем у какой-либо другой страны мира, больше, чем у всех стран мира вместе взятых. Да как же не любить такую громаду богатств, тут самый распоследний для России негодяй полюбит ее и заставит себя, приучит себя, почти не картавя выговаривать возжеланное, хоть и ненавистное ему имя.

И зачем делать Россию богатой, если она и так сказочно богата, нет богаче ее на земле, и независимее ее нет никого, потому что она более других обладает основой независимости — людьми, сырьем и пространством. Надо не позволять грабить Россию, прекратить вывоз ее богатств, — и больше ничего не надо для ее процветания, ни к чему уши всем прожужжавшие гении-теоретики от экономики и прочих наук, что уже десять лет обещают облагодетельствовать Россию заемными, заумными теориями по западному образцу, о которых еще Ф.М.Достоевский сказал: "На этот подкопанный и зараженный гражданский строй и указывают народу нашему как на идеал, к которому он должен стремиться..."

Конечно же обещать укрепить и обогатить государство куда проще, чем взять на себя ответственность за процветание нации. Укрепление государства, его обогащение — это внешние изменения строя и быта, не раз опробованные колониальной системой Запада. Достаточно завезти в страну оборудование, поставить под него коробки сборочных заводов, приставить к станкам людей, дать им возможность зарабатывать, магазины товаром набить опять же из-за рубежа завезенным, — и все. Чем плохо государству? Люди работают, при деле и сыты. Но будет ли крепка и независима нация в таком государстве?

Вывести государство из кризиса — создать рабочие места, оживить экономику, — именно к этому сводят все дело нынешние власть имущие и вставшие в очередь на власть, — но все это может сделать для России и чужой дядя, и сколько таких дядей уже объявлялось по миру. А вот вывести нацию из кризиса, вывести народ из апатии, уныния, духовной лености — пробудить его национальное сознание, национальное творчество, национальную гордость — этого за нас не сделает никакой дядя. Более того, заморский дядя, по-родственному опекающий находящихся у власти в России, больше всего боится именно пробуждения русской нации, возрождения национального сознания в русском народе, коренном народе России, способном понять, увлечь, повести все остальные народы России.

Почему так важно уяснить всю пропасть разницы между становлением богатого, независимого государства и богатой, независимой нации? Потому что вненациональное государство разваливается так же быстро, как и создается, даже очень богатое, даже очень независимое, и СССР тому пример, трагичный, горький урок. Если бы интересы русской нации лежали в основе политики прежнего СССР, сплоченного вокруг великой России и великого русского народа, то Советский Союз не распался бы никогда, потому что ни его руководителям, ни народу невозможно было бы смириться с разделением наций.

Крепко лишь национальное государство.

Только нация, объединенная единым духом, вечна, непоколебима, незыблема.

Сегодня вопрос определения приоритета государства и нации — это вопрос быть или не быть русской нации. Все, кто у власти, все, кто рвется к власти, настырно говорят о своем желании видеть Россию богатой и независимой, об одном при этом умалчивают, что богатой и независимой Россия может быть и без русских. Россия как государство со своим сырьевым богатством уже есть сверхбогатая и независимая страна. Это правящие Россией недомерки зависимы от западных правителей, а не сама Россия. Россия обладает всем необходимым и не только сырьем, а и огромным научным, творческим, высококвалифицированным рабочим персоналом, высокими технологиями, плодороднейшими землями, чтобы, опустив "железный занавес" на своих границах, даже не почувствовать изоляции. Это только наши правители, в рот смотрящие Западу, не знающие, не понимающие, не любящие и не гордящиеся своим народом, а уже и боящиеся его, это они страшатся остаться со своим народом один на один, это президенту важнее быть на ковре у правящей миром "семерки", нежели со своим народом в страшный час национальной трагедии.

(Продолжение следует)

Хроника культурной жизни

"РАДУНИЦА" НАЧИНАЕТ РАДОВАТЬ

Второй год действует на Белгородчине Есенинское общество "Радуница". Основная цель этой организации — пропаганда творчества Сергея Александровича Есенина и других русских писателей, художников, композиторов, актеров, близких по духу великому русскому поэту.

Минувший год был насыщен различными мероприятиями, которые "Радуница" проводила совместно с работниками областной научной библиотеки, управлением культуры и с учебными заведениями. Любителям поэзии запомнился вечер памяти замечательного русского поэта Николая Рубцова — прямого продолжателя есенинской традиции в нашей литературе. Эта связующая нить и была предметом пристального внимания белгородских поэтов и писателей.

Особую интонацию вечеру придали воспоминания Николая Рыжих и Игоря Чернухина, которые близко знали Николая Рубцова, много общались и, можно сказать, дружили с ним.

Большой интерес вызвал у любителей литературы и вечер-портрет Виталия Буханова "Я пел свое и голосом своим..." , посвященный 70-летию талантливого белгородского поэта, к сожалению, рано ушедшего из жизни.

И здесь настроение создавали воспоминания вдовы поэта Анны Петровны, его друзей и тех, кто близко знал Виталия Степановича.

Одной из основных своих задач "Радуница" считает заботу о сохранении памяти о талантливых белгородцах, воссоздание их творческих портретов. Этому служат не только вечера воспоминаний, но и видеофильмы, которые члены Есенинского общества создают совместно с Белгородским телевидением. Здесь можно отметить такие работы, как "Не плачь по мне кукушечка, не плачь..." о Виталии Буханове, "Эхо пронзительной песни" о Владимире Степановиче Жуковском, "Я воскресну в травах спелых.." об Александре Филатове, "На грани счастья и беды" о Станиславе Косенкове. Не забывает "Радуница" и о живущих писателях — созданы видеофильмы о Дмитрии Маматове "Душою радостен и чист..." и об Игоре Чернухине "Весь этот мир, единственный и нежный...", которые прошли по Белгородскому телевидению.

В планах "Радуницы" — продолжение этой работы и создание своеобразной видеогалереи, где основными героями будут талантливые белгородцы.

В деятельности "Радуницы" есть еще одна особенность — установление тесных контактов с учащимися, активное приобщение их к творческим родникам Белгородчины. Именно поэтому мы стараемся сейчас выработать систему взаимосвязей со школами, средними специальными учебными заведениями и вузами. Формы общения традиционные — встречи с белгородскими литераторами, вечера памяти, участие в школьных мероприятиях.

Тесные котакты уже установились с колледжем культуры. Владислав Мефодьевич Шаповалов, к примеру, провел здесь интересную встречу, посвященную заслуженному художнику России Станиславу Косенкову, поэты Игорь Чернухин и Валерий Черкесов приняли участие в вечере памяти Николая Рубцова.

Члены Есенинского общества принимают активное участие в Днях литературы, Неделе детской книги. Становится традицией выпуск специальной есенинской страницы в областной газете "Белгородская правда". Первая такая страница вышла в октябре 1996 года. Сейчас идет подготовка нового выпуска.

Недавно "Радуница" открыла свой филиал в областной детской библиотеке, создав здесь клуб "Светлячок". В планах клуба — встречи детей с белгородскими актерами, художниками, музыкантами, писателями. Уже первые встречи — с фотохудожником Виталием Собровиным и композитором Юрием Мишиным показали, как необходимо детям общение с творческими людьми нашего края, и как самим деятелям искусства нужна поддержка молодого поколения.

У "Радуницы" большие планы на будущее и надежда на то, что она сможет внести свой вклад в патриотическое воспитание пропагандой творчества белгородских писателей, художников, актеров, музыкантов, всех, кто своим талантом прославляет родной край.

Евгений Дубравный,
председатель правления региональной общественной организации "Радуница"

ВЕСТИ ИЗ ФОНДА КУЛЬТУРЫ

Белгородский Фонд культуры отмечает свой десятилетний юбилей. За это время в России кардинально изменились экономические и политические условия. Претерпели изменения государственная и общественная жизнь России. Если на начальном этапе основная деятельность Фонда культуры заключалась в сбережении культурных ценностей и была направлена, в основном, на сохранение конкретных памятников истории, культуры и искусства, то сегодня миссия Фонда культуры состоит прежде всего в восстановлении российской национальной художественой культуры как духовного и кульурного стержня нации и, одновременно с этим, в обеспечении ее активного развития в постоянно меняющихся экономических, социальных и политических условиях.

Программы Фонда культуры "Возвращение забытых имен", "Краеведение", "Пушкин в сердцах поколений", "Молодые дарования", "Молодежь, образование, культура", "Новые имена", "Памятные даты Российской истории и культуры", "Возрождение традиционных промыслов Белгородчины", выставочная, издательская деятельность направлены на сохранение национального богатства России.

Главное достояние фонда культуры — общественная социально-культурная инициатива и ее главный носитель — человек, вкладывающий свой талант в душу и дело Фонда. Потенциал Фонда культуры — не только и не столько его имущество и те денежные средства, которые позволяют осуществлять программы, сколько интеллектуальный и духовный капитал подвижников культуры. Неоценимый вклад, как организационный, так и духовный, внесла в создание Фонда замечательный подвижник культуры

Валерия Николаевна Колесник. Неотделимы от Фонда культуры имена С.С.Косенкова, Г.И.Гритчина, А.П.Мамонтова, В.М.Шаповалова, О.Н.Кобец, Б.И.Осыкова, В.И.Фокина, В.И.Собровина. Они стояли у истоков создания нашего Фонда.

Сердечная благодарность Я.И.Косьминову, Л.В.Кондратьевой, Ю.В.Коренько, В.Н.Черкесову, В.П.Легезе, В.А.Абрамовой, С.А.Моисеевой, В.И.Щербаченко, Н.В.Почерниной, В.В.Аксенову, Ю.П.Агафонову, М.Б.Баранову за понимание и поддержку деятельности Фонда. Этот капитал не подвержен инфляции, и важнейшая задача Фонда культуры — беречь, приумножать и грамотно использовать этот капитал во благо России.

Раиса Фирсова,
руководитель Белгородского Фонда культуры

В БЕЛГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ

За последнее время Белгородская организация Союза художников России провела много мероприятий, вызвавших большой интерес белгородцев.

В областном центре прошла выставка, приуроченная к Дню освобождения Белгорода. Кроме того, была организована выставка, посвященная Дню независимости России.

Две городские выставки были проведены в Белгородской торгово-промышленной палате.

В здании областной администрации работает постоянно действующая и регулярно обновляемая выставка работ художников-белгородцев.

Наши художники В.Е.Нестерков и П.В.Лесовой приняли участие в международном пленэре в г.Ополе (Польша).

Прошли персональные выставки В.П.Легезы, А.А.Шишкова, И.Д.Бобенчика, И.Н.Хегай. Планируются персональные выставки В.Ф.Желобок, А.С.Смелого, В.Ф.Блинова, Н.И.Коркина, А.А.Христенко.

Почетное звание заслуженного художника Российской Федерации присвоено М.Е.Парахненко.

К дню освобождения Белгорода при областной организации Союза художников России открылась галерея-магазин, где можно приобрести работы художников — членов Союза.

Идет подготовка региональной выставки в Москве.

ТВОРЧЕСТВУ ИВАНА БУНИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

По плану Министерства общего и профессионального образования на базе Белгородского государственного университета 16-17 октября 1997 года состоится Всероссийская научная конференция, посвященная творчеству И.А.Бунина.

Проблематика конференции:

1. И.А.Бунин и традиции классической литературы.
2. И.А.Бунин и его современники.
3. "Школа Бунина" в русской литературе XX века.
4. Поэтика и стилистика творчества И.А.Бунина.
5. Творчество И.А.Бунина и искусство (кино, театр, музыка).
6. Лингвистические аспекты текста И.А.Бунина.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

В областном драматическом театре им.Щепкина сезон 1996-1997 годов был открыт спектаклем "Королевские игры" по пьесе Г.Горина. С начала сезона поставлено более десяти премьер, в том числе "Кадриль" (режиссер В.Гуркин), "Человек и джентльмен" Эдуардо де Филиппо, "Кабала святош" ("Мольер") Михаила Булгакова. Последняя работа — это дебют на большой сцене нового главного режиссера Алексея Анатольевича Литвина (художник-постановщик спектакля Юрий Доломанов).

Премьера состоялась и на малой сцене театра, в частности, М.Арбатовой "Алексеев и тени".

Кроме того прошли три детских спектакля: "Детство Робинзона Крузо", "День рождения кота Леопольда" и "Волшебная ночь". Старшеклассникам адресован спектакль "Две стрелы" по пьесе А.Володина.

В этом году в театре появилась новая форма работы — театральный бал "Минувших дней очарованье", в основу которого положены стихи А.С.Пушкина. Этот спектакль отдан молодежи — актерам, только пришедшим в театр.

В перспективе спектакль "Ромео и Джульетта".

Людмила Кондратьева,
зав. литературной частью театра

ДЕТИ И ФОЛЬКЛОР

Работа специализированного читального зала "Копилка памяти России"

Не в тридевятом царстве, не в тридесятом государстве, а в читальном зале выросло чудо-дерево: не листочки на нем, а загадки да пословицы, шутки да поговорки. И название у него интересное "Как у наших у ворот чудо-дерево растет".

Так шесть лет назад в Государственной областной детской библиотеке начали работу по знакомству маленьких читателей с истоками русской культуры, наладили добрую связь читателей с народным творчеством: устным и декоративно-прикладным.

В этом заключена особая воспитательная ценность, влияющая на формирование эмоционально-окрашенного отношения к жизни, любви к родному краю. Именно поэтому и появилась мысль показать через книгу — источник радости, знания, открытия мира — удивительную, ни с чем не сравнимую красоту произведений народных умельцев и русского фольклора.

Поработав с группой детей, Татьяна Николаевна Садовникова, зав.отделом обслуживания дошкольников и младших школьников, и Валентина Ивановна Мелихова, библиотекарь читального зала, решили продолжить с ними работу по следующим тематическим циклам, которые подсказали дети в процессе работы с ними:

- "Память России"
- "Белгородская летопись"
- "Праздники на улице и в храме"
- "Богата земля талантами"

- "Поэтика фольклора в сказках и преданиях"
- "Декоративно-прикладное искусство"
- "Пословица недаром молвится"

Интересы детей, вопросы, с которыми они обращались, послужили канвой при подготовке фонда специализированного читального зала "Копилка памяти России", наполнения его книгами, периодическими изданиями, аудиовизуальными материалами по истории, фольклору, народному творчеству России в целом и Белгородской области. Собраны дымковские игрушки, поделки из Хохломы, керамические изделия борисовского гончара Ю.Агафонова, белгородские народные костюмы, рушники и т.д. Создан банк данных "Народные умельцы Белгородчины", изданы: рекомендательный список литературы "Народная традиционная культура", памятки "Русские блины", "Игрушечки-тарарушечки", "Народный календарь".

Традиционными стали такие массовые мероприятия, как осенние посиделки "Красна изба углами", путешествие по народным промыслам "Живая Древняя Русь", конкурс пословиц и поговорок "Под красным солнышком". Одним из наиболее полюбившихся праздников стали проводы русской Масленицы. Читатели-дети и их родители приходят на этот праздник в русских народных костюмах и с блинами, символизирующими солнце. Они познакомились с историей Масленицы, шутками, прибаутками, песнями и закличками, которые пелись в старину. Самое интересное их ждало в конце праздника, когда дети и родители могли пошептать все свои погрешения соломенному чучелу, именуемому в народе Масленицей, и потом оно было сожжено на костре, после чего душа, по народной примете, очищается.

Читатели 2-3 классов вместе с библиотекарями отправляются в путешествие в прошлое нашего края "Жили были поселяне", на встречу с народным костюмом "Сшей мне, матушка, красный сарафан", на ярмарку народного творчества "Редкие дарования" и т.д.

Ребята не только знакомятся с историей России и Белгородчины, их светлыми, гуманными традициями, но и рисуют, лепят, вырезают из бумаги старинные русские избы, мужские и женские костюмы (так, например, Д.Гнездилов, Д.Ткачев, А.Дружининский, Д.Хворостов построили город-крепость Белгород, каким они его представляют много лет назад); пишут небольшие рассказы о родном крае ("Прошлое родного края", "Город у Белой горы", "Храмы Белгорода", "Возрожденный город" и т.д.)

На занятиях кружка "Марья-Искусница" дети раскрываются как личность в любой, даже самой неудачной, на его взгляд, работе.

Т.Н.Садовникова, В.И.Мелихова стремятся открыть ребенку мир разнообразной литературы, вызвать в его душе положительный эмоциональный отклик на каждую встречу в библиотеке, ввести его в мир созидательного творчества, разбудить в нем фантазию и потребность творить самому.

Радость, получаемая детьми при посещении библиотеки, удовольствие от творчества, активная читательская деятельность — достаточное основание для того, чтобы продолжить работу, которая оставит неизгладимый след в душе детей, станет вехой на пути к познанию, к книге, к искусству России и нашего края.

Г.Виноградова,
главный библиотекарь

НОВОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

На основании решения главы администрации области от 31 октября 1995 г. № 629 был образован Белгородский государственный центр музыкального искусства (БГЦМИ), художественный руководитель Ю.Г.Максимчук. При БГЦМИ работают пять профессиональных музыкальных коллективов:

1. Вокально-хореографический ансамбль "Белогорье", художественный руководитель Заслуженный работник культуры России Наталья Чендева.
2. Духовой оркестр (классический) "Возрождение", главный дирижер Заслуженный артист России Владимир Зарицкий.
3. Духовой оркестр (джазовый), главный дирижер Владимир Уваров.
4. Оркестр русских народных инструментов "Белогорье", главный дирижер Владимир Белогуров.
5. Камерный хор, художественный руководитель и дирижер Сергей Быканов.

При БГЦМИ организована и работает концертно-лекционная группа, в которой собраны лучшие исполнительские силы Белгорода. Задачи артистов этой группы — выступления с концертными программами перед учащимися детских школ искусств и музыкальных школ области.

11 января 1996 года состоялся авторский вечер композитора Заслуженного работника культуры России Вадима Шувалова.

16 января 1996 года вокально-хореографический ансамбль "Белогорье" (художественный руководитель Наталья Чендева) по приглашению Олимпийского комитета России выезжал в Москву для участия в культурной программе, посвященной 100-летию Олимпийского движения.

24 января 1996 года состоялась презентация сборника лирических песен "А журавли летят..." белгородского композитора Анатолия Павлова. Издан сборник белгородским издательстом "Крестьянское дело". Такой сборник вышел на Белгородчине впервые.

19 апреля 1996 года состоялся вечер, посвященный 25-летию вокально-хореографического ансамбля "Белогорье".

Апрель 1996 года. Белгородский государственный центр музыкального искусства (БГЦМИ) стал инициатором проведения вечеров-чествований музыкантов, внесших заметный вклад в развитие музыкального искусства Белгородчины. Уже проведены вечера чествований хоровиков-академистов, руководителей оркестров духовой музыки, руководителей оркестров русских народных инструментов.

Апрель 1996 года. Осуществлена постановка комической оперы Г.Доницетти "Колокольчик". Исполнители: Заслуженный артист России, солист Белгородской госфилармонии Владимир Бойко; лауреат международных конкурсов вокалистов, солист Белгородской госфилармонии Евгений Григорьев; солистка Белгородской госфилармонии Светлана Ломоносова, симфонический оркестр Белгородской госфилармонии, главный

дирижер Александр Шадрин; дирижер-постановщик Виктор Шадрин; художественный руководитель Иван Трунов.

27 июля – 6 августа 1996 года. Участие вокально-хореографического ансамбля "Белогорье" (худ.рук.Н.Чендева) в культурной программе России на XXVI Олимпийских играх в Атланте (США). За 11 дней дано 15 концертов.

24 сентября 1996 года. Юбилейный вечер художественного руководителя вокально-хореографического ансамбля "Белогорье" Натальи Чендевой.

12 октября 1996 года. Открытие концертного сезона в Белгородском государственном центре музыкального искусства. В большой концертной программе были представлены все профессиональные коллективы центра.

13 октября 1996 года. Концерт Народного артиста Украины, солиста Белгородской госфилармонии Николая Гнатюка.

25 октября 1996 года. Филармонический концерт. В программе: М.И.Глинка. Испанская увертюра для симфонического оркестра "Арагонская хота", увертюра к драме Нестора Кукольника "Князь Холмский"; Ф.Шуберт, симфония №5; Ф.Шопен, концерт для фортепиано с оркестром №2 фа минор. Исполнители: симфонический оркестр госфилармонии, главный дирижер Александр Шадрин; солистка — лауреат премии "Молодость Белгородчины", преподаватель Белгородского музыкального училища им.С.А.Дегтярева Ирина Кормилец.

26 ноября 1996 года. Творческий вечер Заслуженного артиста России, главного дирижера духового оркестра Владимира Зарицкого.

28 ноября 1996 года. Вечер памяти М.Мусоргского "Арии, романсы и сцены из опер". Исполнители: лауреат международных конкурсов вокалистов, солист Белгородской госфилармонии Евгений Григорьев и солистка Белгородской госфилармонии Нина Стрижова. Концертмейстер — Заслуженная артистка России Людмила Петрова.

29 ноября 1996 года. Белгородский государственный центр музыкального искусства провел вечер хоровой музыки, посвященный творчеству С.А.Дегтярева и Г.Я.Ломакина. В концетре приняли участие лауреат международного и всероссийских конкурсов камерный хор "Рождество" (г.Губкин) и академический хор Губкинского музыкального училища, художественный руководитель и дирижер Тамара Гузуева.

11 декабря 1996 года. Вечер вокальной музыки. Р.Шуман, вокальные циклы "Любовь поэта", "Любовь и жизнь женщины", "Мария Стюарт". Исполнители: Заслуженный артист России, солист Белгородской госфилармонии Владимир Бойко; солистка Белгородской госфилармонии Светлана Ломоносова; концертмейстер заслуженная артистка России Людмила Петрова.

17 декабря 1996 года. Торжественный вечер-концерт, посвященный 30-летию Белгородской госфилармонии.

18 декабря 1996 года. Эстрадный концерт с участием Народного артиста Украины, солиста Белгородской госфилармонии Николая Гнатюка, Заслуженного артиста Украины, солиста Белгородской госфилармонии Владимира Ермолова, лауреата телевизионных конкурсов Светланы Русской, трио "Очарование", солиста Белгородской госфилармонии Игоря Богатова, солиста Белгородской госфилармонии Анатолия Алексеева.

19 декабря 1996 года. В рамках празднования 30-летия Белгородской госфилармонии была осуществлена постановка оперы П.И.Чайковского "Евгений Онегин" (в концертном исполнении). Исполнители: солисты ГАБТа Лариса Билан, Ирина Бикулова, Татьяна Табачук, Александра Дурсенева, Сергей Гайдей, солист Музыкального театра им.Станиславского и Немировича-Данченко Николай Решетняк, солисты Белгородской госфилармонии Евгений Григорьев и Владимир Конюхов; симфонический оркестр Белгородской госфилармонии, дирижер-постановщик Александр Шадрин; хор БГЦМИ, хормейстер Сергей Быканов.

21 декабря 1996 года. В рамках празднования 30-летия Белгородской госфилармонии в Белгороде выступил Московский ренессанс-балет. Исполнители: солисты Ренессанс-балета Татьяна Беренова, Тамара Глазова, Татьяна Транквелицкая, Геннадий Недвигин, Дмитрий Шаповалов. Художник-постановщик Владислав Костин, генеральный директор Евгений Шиган.

15 января 1997 года. Творческий вечер белгородского композитора, заслуженного артиста России Виктора Щербакова.

5 февраля 1997 года. Вечер. посвященный 200-летию со дня рождения выдающегося австрийского композитора Ф.Шуберта. В программе: "Неоконченная симфония си минор", месса соль мажор, песни Ф.Шуберта. Исполнители: симфонический оркестр Белгородской госфилармонии, главный дирижер А.Шадрин, камерный хор БГЦМИ, главный дирижер С.Быканов, солист Белгородской госфилармонии, Засл.артист России В.Бойко, солист Белгородской госфилармонии Е.Григорьев, солистки Белгородской госфилармонии Е.Спасова и С.Ломоносова, концертмейстер Засл.артист России Людмила Петрова.

11 февраля 1997 года. Юбилейный вечер белгородского композитора Анатолия Павлова, посвященный 30-летию творческой деятельности.

28 февраля 1997 года. Творческий вечер белгородского композитора, члена Союза композиторов России Юрия Мишина.

ДНИ ЛИТЕРАТУРЫ В БЕЛГОРОДЕ

Важным событием в культурной жизни Белгорода стали Дни литературы, которые проходили с 26 по 29 ноября 1996 года. В программе этих дней предусматривалось много хороших и интересных мероприятий, организованных почти всеми библиотеками города.

В государственной универсальной научной библитотеке проходили Достоевские чтения. С сообщением о жизни и творчестве Ф.М.Достоевского выступила кандидат философских наук, доцент кафедры русской литературы

БГУ В.С.Пушкарева. "Мир Ф.М.Достоевского в иллюстрациях" — так назывались воспоминания А.К.Косенковой, жены Заслуженного художника России С.С.Косенкова. Она рассказала, как С.С.Косенков работал над книгами Ф.М.Достоевского, вынашивал образы, рисовал, делал много эскизов, снова рисовал. С большой выразительностью актер Белгородского драматического театра Владимир Каширов прочитал отрывки из романа Ф.М.Достоевского "Бесы". Библиотека организовала развернутую книжную выставку "Достоевский и современность", где читателям была представлена интересная коллекция книжек-малюток, редкие книги из фонда.

В рамках Дней литературы в библиотеке прошли исторические чтения "Екатерина Великая — эпоха Российской истории" (к 200-летию со дня смерти Екатерины II). Открыл исторические чтения камерный квартет Белгородской областной филармонии. С приветственным словом выступила в образе Екатерины Великой актриса областного драматического театра А.Краснопольская. "Екатерина II — великая личность Российской истории" — с таким докладом выступил доктор исторических наук, профессор Ф.П.Тройно. Предполагала ли Екатерина Алексеевна. что потомки будут пристально изучать ее историческое наследие и даже объявят сановного автора основоположником нового жанра, назвав ее "Исторические представления" предтечей русской народной музыкальной драмы?

Екатерина Великая слыла любительницей литературы и театра. Об этом рассказала главный библиотекарь читального зала Н.М.Масленникова.

В 1787 году императрица Екатерина II совершила длительное путешествие в Крым, чтобы посетить вновь присоединенные территории и увидеть, как живут люди в государстве Российском. Обратный ее путь в петербург лежал через Белгород, в котором предусматривался ночлег и обед государыни. О пребывании Екатерины Великой в Белгороде рассказал белгородский краевед А.Н.Крупенков.

В заключение исторических чтений был показан видеофильм "Табакерки XVIII века".

Н.М.Масленникова,
главный библиотекарь читального зала

ВЕЧЕР ПАМЯТИ А.С.ПУШКИНА

"Вся жизнь — один чудесный миг"

В феврале Россия отметила годовщину со дня гибели великого русского поэта А.С.Пушкина.

9 февраля 1996 года в государственной универсальной научной библиотеке прошел вечер памяти поэта "Вся жизнь — один чудесный миг..."

Что представлял поэт как личность, многогранно и всесторонне себя проявляющая? Как она отразилась в его творчестве? Как и о чем думал поэт, какими идеями жил, какие мысли вынашивал?

Все эти вопросы были раскрыты в выступлениях поэта, члена Союза писателей России В.Е.Молчанова "О жизни. творчестве, личности А.С.Пушкина", и старшего преподавателя БГУ А.П.Фиронова "Россия в поэтическом мире Пушкина".

Тема пушкинского окружения была и остается одной из важнейших в пушкиноведении. Личность поэта не может быть правильно понята вне связи с жизнью людей, которые были ему близки и дороги.

"Пушкин и его окружение". На эту тему выступил писатель, член Союза писателей России Е.Ф.Дубравный. Он рассказал о современниках Пушкина, о

его петербургском окружении. Среди тех, с кем свела судьба поэта в Петербурге — его собратья-литераторы, знаменитые артисты, художники, композиторы, музыканты, общественные деятели, декабристы.

В исполнении Заслуженного художника России А.П.Мамонтова прозвучали романсы на стихи поэта "Я встретил вас...", "Редеет облаков летучая гряда" и др.

Литературно-музыкальная композиция была представлена Е.Сухоруковой и А.Гроссу.

Книжная выставка познакомила читателей с новыми книгами о жизни и творчестве А.С.Пушкина. Были представлены книги из редкого фонда и коллекция книг-малюток.

Ведущие библитотекари отдела читальных залов М.И.Шинкарева и О.В.Солодкова провели обзор литературы.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

"Буду жить в своем народе"

Мир поэзии Николая Рубцова просторен и светел, холодноват и чуть призрачен. И тишина... Обязательно тишина. никем не нарушаемая, исполненная грустного и высокого значения.

Мы уже привыкли к поэтическому миру Николая Рубцова, стихи его стали близки многим.

18 января 1996 года в государственной универсальной научной билиотеке прошел вечер памяти русского поэта Николая Рубцова "Буду жить в своем народе".

Когда трепещет душа, когда ищешь пути к родному, любимому сердцу, часто тянется рука к заветному томику стихов. Для многих — это стихи Николая Рубцова. И секрет его поэзии — в бесконечной щедрости, искренности и глубине тех чувств, которые так отличали поэта.

Рубцов прожил короткую жизнь, всего 35 лет.

Преподаватель русского языка и литературы школы №27 М.И.Влазнева в своем выступлении "Страницы жизни и поэтический мир" и поэт В.Е.Молчанов "Поэтическая судьба Николая Рубцова" ввели в атмосферу рубцовской лирики. Дополнила их выступления зав.отделом читальных залов З.А.Ермакова обзором "Зарницы жизни", познакомив присутствоваших с новой литературой о жизни и творчестве поэта.

Это был и вечер воспоминаний. "Встречи. Этюды о Николае Рубцове" — так назывались воспоминания И.Чернухина, поэта, члена Союза писателей России. Николай Рубцов прожил короткую жизнь, не успев не только опубликовать, но даже записать стихи, которые роились в его голове. Но работы, воссоздающей биографию Н.Рубцова, пока нет, и не удивительно, что имя поэта начинает обрастать легендами, зачастую далекими от истины. Чернухин рассказал о своих встречах с поэтом, о его жизни, характере.

Н.Рубцова сравнивают с Есениным. Как и у Есенина, тема Родины, вскормившей поэта своими соками служит отправной точкой духовности и любви. "Есенинские мотивы в творчестве Н.Рубцова" прозвучали в выступлении зам.главного редактора гос.телерадиокомпании "Белгород" Е.Ф.Дубравного. У Н.Рубцова был тончайший музыкальный слух. Как и Есенин, он был богато одарен музыкально. Поэтому стихи Рубцова часто привлекают внимание современных бардов. На вечере прозвучали песни на стихи Н.Рубцова "Я люблю судьбу свою" в исполнении поэта, члена Союза

писателей России Михаила Дьяченко и заведующей сектором по развитию и связям с общественностью В.Чугаевой.

Была исполнена литературно-музыкальная композиция с участием ансамбля скрипачей школы-гимназии №2.

Книжная выставка "Горит его звезда" познакомила с книгами и материалами из периодических изданий о жизни и поэтическом наследии русского поэта.

О.В.Солодкова,
ведущий библиотекарь читального зала

"РОДНОЙ ЛИРЕ" — ПЯТЬ ЛЕТ

В марте нынешнего года исполнилось пять лет Центру развития детского литературного творчества, который работает при областной государственной библиотеке. Руководит им член Союза писателей России поэт Валерий Черкесов.

Начало "Родной лире" было положено во время очередной весенней Недели детской книги, когда Белгородская писательская организация и библиотека решили создать клуб, чтобы ежемесячно проводить встречи с местными писателями, пишущими для детей и о детях.

Цикл встреч начался со знакомства юных читателей с творчеством известного в России и за рубежом прозаика Владислава Шаповалова. Читательская конференция по его произведениям называлась "Уроки доброты" и понравилась всем участникам и организаторам. В тот же год состоялись встречи с писателями Николаем Рыжих, Евгением Дубравным, Борисом Осыковым, Юрием Макаровым и другими, а во время очередной "Книжкиной недели" гостями "Родной лиры" стали известные писатели из Москвы Яков Аким, Сергей Иванов и Алексей Логунов из Новомосковска. Вообще же за минувшее время юные читатели познакомились с творчеством почти всех наиболее интересных писателей Белгородчины.

Постепенно клуб перерос в центр развития литературного творчества. Параллельно со встречами стали проходить занятия со школьниками, которые пробуют свои силы в литературном творчестве.

Филиалы "Родной лиры" открылись в Белгородской гимназии №22, школах №№20,36,44 Белгорода. Постоянными гостями центра стали учащиеся первой гимназии Белгорода, Майской школы Белгородского района и Прохоровской школы. Произведения юных авторов регулярно публикуются на страницах областных газет "Белгородская правда", "Смена", "Крестьянское дело", "Добростроой", "Большая переменка", печатались они и на страницах столичных изданий — в журналах "Куча мала", "Миша", газете "Маленькая тележка".

К 5-летию "Родной лиры" при поддержке управления культуры администрации области в издательстве Владислава Шаповалова вышла уникальная в своем роде книжка — сборник стихотворений юных читателей — воспитанников "Родной лиры". Называется она "Проталинки", в ней собраны стихотворения более пятидесяти ребят, которые живут в городах и районах области. Этой книжкой открылась библиотечка произведений для детей и о детях, а также написанных самими детьми, которую центр "Родная лира" намерен выпускать в будущем.

Русскиє люди!

Вы разобщены, унижены, втоптаны в грязь!

Три беды губят нас: сравнение — зависть — вражда. Сравнение порождает зависть, зависть сеет вражду, вражда несет зло.

Истреби каждый в себе три пагубных греха!

Энергию сравнения направь на достижение личного успеха; вместо зависти — радуйся приобретениям соседа; вражду обороти против врагов наших.

Мы обращаемся прежде всего к русским, имея в виду триединый корень — русских, украинцев, белоруссов — не только потому, что они составляют основу нашего государства, его костяк, а и потому, что если будет тепло русскому, обогреются вокруг него и другие народы, живущие бок о бок в нашей стране.

Мы знаем, что враждебные силы будут охаивать нас. А если не удастся заглушить смелый голос во имя спасения Руси — будут душить материально, чтобы журнал захлебнулся в финансовой несостоятельности. Поэтому помогайте редакции и главное — читайте журнал, передавайте его один другому.

Мы надеемся, что вы поддержите нас и наше детище — "ЗВОННИЦУ", набатно зовущую к борьбе за освобождение от иноземной кабалы, ратующую за наше национальное возрождение.

ЧП Издательский дом "Шаповалов" ИНН 3 124 014 932.
Расчетный счет 715 507 в Октябрьском отделении
Сбербанка №65 г. Белгорода МФО 041 403 630
к/с 600 164 130

Оцифровка - Виталий Волобуев, 2015